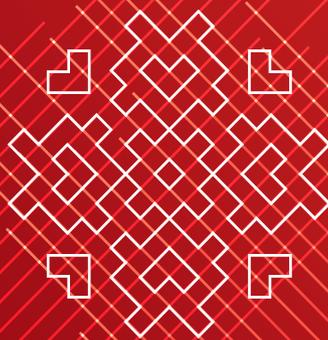

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Красноярск, 25–27 ноября 2021 года

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
КРОО «Содружество просветителей Красноярья»

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции
Красноярск, 25–27 ноября 2021 года

Красноярск
СФУ
2022

УДК 314.151.3(571.5)"19/20"(083)
ББК 60.723.5-34(253)гя43
С718

С718 Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 25–27 ноября 2021 года / отв. за вып. Н. П. Копцева. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. – 268 с.

ISBN 978-5-7638-4674-4

Рассмотрены проблемы, касающиеся научных подходов к изучению современных миграционных процессов на территории Центральной Сибири, этнокультурной динамики и этнической мобильности в XXI веке.

В работе Международной конференции по миграционным и межнациональным отношениям «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы» приняли участие ведущие специалисты из городов София (Болгария), Бишкек (Кыргызская Республика), Нур-Султан (Казахстан), Москва, Иркутск, Новосибирск, Хабаровск, Красноярск.

Представляет интерес для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей вузов, экспертов, осуществляющих практическую деятельность в сфере реализации государственной национальной политики, специалистов в области межнациональных и миграционных отношений, представителей научного сообщества, специализирующихся в области этнологии и религиоведения.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

**УДК 314.151.3(571.5)"19/20"(083)
ББК 60.723.5-34(253)гя43**

**Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>**

ISBN 978-5-7638-4674-4

© Сибирский федеральный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ	5
<i>Резникова К. В.</i> Экокультурная система как среда обитания и образ жизни коренных малочисленных народов Севера.....	6
<i>Середкина Н. Н.</i> Социологические основания общероссийской гражданской идентичности	16
<i>Смолина М. Г.</i> Специфика конструирования ценностей в художественной культуре ...	29
<i>Задорин А. В.</i> Миграционные процессы на территории Красноярского края: современное состояние	39
<i>Жигаев И. Г., Жигаева А. А.</i> Культурный проект как имиджеобразующий фактор развития региона в контексте проблематики миграции (на материале фильма «Инверсия» Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова)	47
<i>Замараева Ю. С.</i> Культурологическое исследование государственной культурной и национальной политики советского периода	55
<i>Колесник М. А.</i> Формирование идеологических установок советской национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера в 1917–1920-е гг.	68
<i>Шпак А. А.</i> Конструирование сложных идентичностей и межгрупповые взаимодействия в полиэтничном пространстве	75
<i>Пчелкина Д. С.</i> Формы этнической культуры коренных малочисленных народов Севера.....	81
<i>Дегтяренко К. А.</i> Специфика исследования кетской этнокультурной группы в советский период.....	87
СЕКЦИЯ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ.....	93
<i>Оленченко К. А.</i> Применение восстановительного подхода в ситуации буллинга как проявления межэтнического конфликта в школьной среде	94
<i>Лецинская Н. М.</i> Политический аспект трансформации религиозности коренных малочисленных народов Севера	99
<i>Ситникова А. А., Колесник М. А., Дёмина А. И.</i> Миграционные процессы в художественных практиках начала XXI в.	107
<i>Павлюкевич Р. В.</i> Миграционные потоки между Красноярском и республиками Средней Азии в 1960-е гг.	117

СЕКЦИЯ 3. СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СИБИРИ 125

Ильченко К. И. Методы исследования региональной идентичности в музее (на материале выставки «Рождение Енисея» в Красноярском художественном музее имени В. И. Сурикова) 126

Кистова А. В. Художественная выставка как способ конструирования региональной идентичности (на материале выставки «Рождение Енисея» в Красноярском художественном музее имени В. И. Сурикова) 135

Иванова Л. С., Кистова А. В. Музейные социокультурные практики интеграции мигрантов 152

Пашова Э. В., Копцева Н. П. Идеологические конструкты, определяющие этническую специфику культуры северных народов в XX в. (на материале анализа всесоюзных документов) 165

Замараева Ю. С. Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности в Красноярском крае 176

Дегтяренко К. А., Зотов С. О., Ситникова А. А. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Енисейской Сибири (на материале этнокультурной группы кетов Эвенкийского муниципального района Красноярского края) 181

Пчелкина Д. С., Зотов С. О., Ситникова А. А. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Енисейской Сибири (на материале этнокультурной группы шорцев Аскизского района Республики Хакасия) 191

Ермаков Т. К. Гуманитарные исследования техники: перспективы развития научного направления 207

СЕКЦИЯ 4. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ..... 215

Попова Ю. В. Медиативная компетентность педагога в реализации государственной политики поликультурного региона 216

Коришунова В. В., Булаева М. А. Методическое сопровождение обобщения педагогического опыта при подготовке к аттестации педагогических и руководящих работников 226

Ситяева О. С. Совершенствование деятельности контрольно-ревизионных органов в процессе обеспечения экономической безопасности 233

СЕКЦИЯ 5. ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 245

Коришунова В. В., Бортновский С. В. Эффективные образовательные практики на основе алгоритмов искусственного интеллекта в подготовке будущих педагогов 246

Сертакова Е. А. Современный блокбастер как антидеструктивный проект 254

Гидзинская М. М. Практики репрезентации ксенофобии на примере образа арендодателей в российских интернет-СМИ 260

СЕКЦИЯ 1

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

УДК 304.5

К. В. Резникова

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ЭКОКУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА КАК СРЕДА ОБИТАНИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Настоящая работа написана на основе анализа проведенных в 2009–2018 гг. неструктурированных интервью с представителями коренных малочисленных народов Севера Красноярского края. Общая тема интервью – культура коренных малочисленных народов, в рамках которой практически все интервьюируемые затрагивали территориальную составляющую традиционного образа жизни. Для коренных малочисленных народов Севера тундра и тайга не столько природные зоны, сколько целостные экокультурные системы. В них синтезированы природная среда с ее сменами времен года, дня и ночи, животным и растительными мирами, а также человеческая культура, не столько вторгающаяся в экосистему, сколько являющаяся ее естественной частью, сливающаяся с ней. Связь между составляющими экокультурной системы настолько тесна, что недосмотр, попустительство в одной ее части приводят к коллапсу всей системы, к трагическому ее распаду.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, экокультурная система, эвенки, долганы, кеты.

This work is written on the basis of the analysis carried out in 2009–2018. unstructured interviews with representatives of the indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory. The general topic of the interview is the culture of indigenous peoples, within which almost all interviewees touched upon the territorial component of the traditional way of life. For the indigenous small-numbered peoples of the North, the tundra and taiga are not so much natural zones as integral “eco-cultural systems”. They synthesize the natural environment with its changes of seasons, day and night, flora and fauna, and human culture, not so much invading the ecosystem, as being its natural part, merging with it. The connection between the components of the eco-cultural system is so close that oversight and connivance in one part of it led to the collapse of the entire system, to its tragic disintegration.

Keywords: small indigenous peoples of the North, eco-cultural system, Evenks, Dolgans, Kets.

Настоящая работа написана на основе анализа проведенных в 2009–2018 гг. интервью с представителями коренных малочисленных народов Севера Крас-

ноярского края, в том числе в рамках экспедиций в Туруханск, Фарково, Дундинку, Носок, Караул, Туру, Ессей, Хатангу, Жданиху. В неструктурированных интервью, общая тема которых – культура коренных малочисленных народов, практически все интервьюируемые затрагивали территориальную составляющую традиционного образа жизни. В их представлениях тайга и тундра являются пространствами гармоничного существования культур коренных малочисленных народов в природных условиях Севера. Фактически речь идет о целостной экокультурной системе (по аналогии с экосистемой), в которой синтезированы природная среда, включающая в себя тайгу или тундру с ее сменами времен года, дня и ночи, животным и растительными мирами, и человеческая культура, не вторгающаяся в экосистему, не пытающаяся ее освоить, но являющаяся ее естественной частью.

Интервьюируемые говорят о родственных связях между человеком и природой. Так, одна эвенка упоминает Бабушку-Огонь: «Образ бабушки-огонь создать нужно. Бабушка-огонь – самая главная» (Тура, 2013 г.); другая рассказывает, что Бабушкой звали главную важенку оленьего стада ее семьи, а также в историях о медведях называет их не иначе как «амака», то есть «дедушка».

Тайга и тундра – это не просто экосистемы; важная и неотъемлемая их составляющая – боги и духи, без благоволения которых исключительно своими силами человек выжить не сможет. Из мира богов и духов, тесно связанного с миром живых, приходят в мир при рождении, в него уходят в момент смерти. Гармоничное существование экокультурной системы предполагает, что оба мира контактируют между собой, но по строго оговоренным правилам, в определенных условиях. Контакты могут быть инициированы самими людьми или же сущностями, населяющими другой мир. Например, человек может к богам обращаться с просьбами, в том числе о помощи в добыче пропитания. «Остаешься в стойбище, нету мяса, все мужчины поехали. Ты сидишь и говоришь своим богам, все делаешь, просишь, чтобы тебе дали мяса дикого, чтобы отец добыл, брат добыл мяса» (эвенка, Тура, 2017 г.). «Даже если я, допустим, по тайге еду и у меня нет продуктов, знаю, что в вашей лабазе есть, что у меня нету – муки и спичек – я зайду туда, сначала сделаю небольшой обрядик – попрошу – зайду туда, попрошу, если есть бумажка – напишу, что я такая-то такая-то взяла то-то и то-то, или привезу, или в поселке отдам» (эвенка, Тура, 2017 г.). Умершие родственники могут приходить к живым в снах и помогать: «Отец мне снится только тогда, когда мне что-то

будет плохое. Он во сне приходит, и я с ним аргишу. Он все время голову уводит – он мне дает знак, что это может быть, что надо обойти. Он оттуда ко мне приходит и помогает» (эвенка, Тура, 2017 г.).

В тундре, тайге жизнь человека вплавлена в жизнь окружающей природы, ее циклов, вплоть до того, что коренные языки представляются участникам исследования скорее не языками людей, но пространства, которые понимают тайга, тундра и все духи, животные, растения, их населяющие. «Потому что ты живешь в тайге и, общаясь с оленем, разговариваешь на своем языке. Ты понимаешь тайгу, лес, у тебя мышление на своем, на эвенкийском языке. Ты вон там след увидел – ты понимаешь, что тебе делать надо. В голове это сразу. Ты на своем языке говоришь» (эвенка, Тура, 2017 г.). Думающих и говорящих на русском языке в тайге или тундре подстерегает множество опасностей – как объяснимых (хищные звери), так и необъяснимых. «Я езжу в лес, что-то увидела – я уже не на эвенкийском думаю, я уже думаю на русском языке. По-русски я соображаю и думаю, как это все сделать. <...> А теперь, когда я медведя увижу: "О, господи!" И быстрее бежать оттуда. Все, уже нету у меня нету той связи, которая раньше была» (эвенка, Тура, 2017 г.).

Быт в тайге и тундре устроен так, что он эффективно описывается коренными языками; отсутствие «лишних», неутилитарных вещей «с материка», европейских вещей приводило к тому, что не только русский язык оказывался невостребованным в целом, но и даже его отдельные слова не находят применения. «Язык свой мы знали, с молоком матери впитали его и общались чисто на долганском языке» (долганка, Хатанга, 2014 г.). «А в тундре, чтобы выразить необходимость в чем-то, ты называешь все это. Оно не европейское, оно свое. И вот даже названия каждого предмета, твоего действия, желаний каких-то – все на родном языке» (долганка, Хатанга, 2014 г.).

Длительность пребывания в тайге или тундре – свидетельство этнической идентификации человека; если он всю жизнь прожил в тайге или тундре – его принадлежность к коренным малочисленным народам Севера не вызывает сомнений. В этом смысле «таежность» и «тундренность», то есть принадлежность пространству, воспринимаются как истинная индигенность, в противовес которой есть и отсутствие «таежности», «тундренности» даже среди коренных народов Севера. «Я знала, что это не таежный человек, она не создана для тайги. У меня такой ребенок. Она любит тайгу, с детства со мной ездила, со мной возле костра и ночевала, и на охоту со мной ходила, но не таежный человек этот у меня ребенок. Она не создана для тайги. Не знаю, понять надо

ее характер. Когда человек в тайге – понятно. Вот она – может в тайге жить. Если ее обучить нормально – она сможет, потому что в ней вот это есть. А у той нету такого, она может в тайге жить, но она не таежный человек совершенно. Не знаю, как это объяснить, но она не таежная» (эвенка, Тура, 2017 г.).

«Таежность» проявляется в том числе в понимании пространства, понимании тайги. «Надо чтобы человек, который в тайгу пойдет, он ее понимал. Если ты в тайгу пойдешь – не сможешь, не выживешь, во-первых; во-вторых, все время будешь попадать в непонятные и нехорошие истории, надо уметь жить. Надо знать. У нас не все умеют и не все знают» (эвенка, Тура, 2017 г.). Родители или другие значимые взрослые могут испытывать детей тундрой или тайгой – водить в длительные походы или даже оставлять на некоторое время одних. «Андрею, старшему, было 9 лет, когда он остался в тундре один. Все, что поймал, месяц там жил. Сегодня ему 30 лет, с образованием, работает. Считает, что это дало ему большую школу мужества, что он не струсил, не плакал там ходил. Он с удовольствием этот момент вспоминает. Я считаю, это правильно, что у нас есть последователь» (долганка, Дудинка, 2013 г.). «Я участвовала в гранте "Социальное партнерство во имя развития", писала грант "Этнопогружение". Мы там 15 детей, родители которых вели оседлый образ жизни в поселке, мы решили их привезти в тундру к оленеводам на месяц. Собрали детей, что нужно было, закупили и поехали. Я за детьми наблюдала, многим очень не понравилось. Не понравилась тундра, это не их, они не родились в тундре. Это не для них. Первое время было интересно – неделю, наверно, было интересно. А потом не хватало им телевизора, компьютера, света, электричества. А там быт другой совсем. Там были дети оленеводов, они там выросли, знакомы с жизнью тундровика. Они, наоборот, не могут жить в поселке. Для них трудно» (долганка, Хатанга, 2014 г.).

Стержнем, вокруг которого формируется экокультурная система, является оленеводство. Вероятно, можно говорить о том, что коренные малочисленные народы Севера живут не группами при стаде, но составляют со стадом биосоциальный симбиоз: к оленям относятся как к людям; говорят не о жизни около стада, но «в стаде» и т. п. «Вот и у нас в тундре олень – самый главный, если олень будет рождаться, то и жить будем завтра» (долганка, Хатанга, 2014 г.). «Когда старый человек в стаде находится, дикие – ни медведь, ни волки – не будут оленей трогать» (эвенка, Тура, 2017 г.). Многие участники настоящего исследования говорят о том, что оленеводство – это не профессия, это образ жизни. «Оленеводство – это не профессия, это не вид деятель-

ности. Это образ жизни» (долганка, Хатанга, 2014 г.). «Ненецкая культура за-циклена на олене, культуре выращивания и переработки домашнего оленя, его воспроизводстве» (ненец, Дудинка, 2013 г.).

Одним из важнейших законов эконокультурной системы является взаимность – с духами, с природой, – направленная на поддержание общей гармонии: все части эконокультурной системы настолько тесно переплетены друг с другом, что ни один поступок не может остаться незамеченным, каждое действие получает отклик; добро отзывается добром, зло – злом. «В огонь плевать нельзя – <...> болячки будут – глаза закрываешь огню. Придет мужик, срочно будет нужен огонь, а у тебя не будет его, потому что в свое время ты в огонь плевал, топтал, нехорошие дела делал с огнем. Он потом в тот момент тебе никогда не поможет. Это идет взаимно» (эвенка, Тура, 2017 г.). «На новое место приехали, ни разу не были – они сразу огню, воде ритуал делают. Чтобы все хорошо было» (эвенка, Тура, 2017 г.). «Олень понимает, что за ним ухаживают, за ним смотрят, олень быстро растет. Он и размножается быстро. Когда только какая-то грань, ты не замечаешь, что ты сделал нехорошее, эта грань проходит, все – у тебя оно может уйти. Просто в один год можешь всех оленей потерять» (эвенка, Тура, 2017 г.).

К частным правилам существования эконокультурной системы относится запрет бросать одних в тайге или тундре людей, особенно стариков и детей. «Всегда придут на помощь, как бы тяжело ни было. Или заберут к себе, помогут, всегда. У нас в тайге всегда такое было, потому что не дай бог что-то случится, если рядом пришел, увидел – или заберет тебя, к себе увезет. Взаимовыручка всегда была в тайге, она почиталась. Считалось не подвигом, а обычной жизнью. Со всеми это может в тайге быть. Я тоже своим детям говорю – надо. Я понимаю, иногда тебе он не нравится, замолчи, делай, пусть даже не нравится совершенно. Если надо помочь – надо помогать. Помогаем по мере возможности. Это мне нравится в наших эвенках» (эвенка, Тура, 2017 г.). «Я с мужем разошлась, ну, как разошлась: у нас был собственный дом... Потом пишет мне сестра: "Приезжай, отец умер..." Четверо детей. Старшей было 15, а они вообще были маленькие. Ну что, я собрала дочь свою под мышку, узелочек и приехала сюда. Все бросила – и квартиру, и все. Хотя там все было. Всех воспитала, подняла» (кетка, Туруханск, 2010 г.). «У нас дети сиротами становились, детдомов не было, их родственники разбирали» (эвенка, Тура, 2017 г.).

Запрет бросать человека одного является частным проявлением общего принципа делиться имеющимся, представляющимся крайне важным в суро-

вых северных условиях. Проявлениями принципа делиться также являются обязательное гостеприимство и традиция раздавать имеющееся. «Отец придет – все забито оленем, чистое мясо. Все бегут. "Генка, дай! Генка, дай!" Он все дает. Мы просыпаемся – всего одна тушка лежит уже. "Пап, а где мясо?" – "Я отдал". А нас было мал-мала меньше детей» (кетка, Туруханск, 2010 г.). «Раньше у меня чего только не было. Всякие камуса были выделанные хорошенькие. Я же кому-то подарила. Раньше люди хоть были и жадноватые, но по обычаям ненецким, приехал к тебе гость издалека откуда-то, даже если ты не знаешь человека, положено, вот пришел гость, испокон веков, всегда так, обычай, даже раньше, в прежне времена, старые времена, человек жадный – он и есть жадный. Он человека даже чаем не угостит. Но это очень плохо. По нашим обычаям это большой грех. Человек к тебе приехал издалека, например, ну, незнакомый человек, или даже просто заблудился человек, ты обязан его по законам ненецким, по хорошим законам, по понятиям хороших людей человек должен принять человека, даже ночью человек пришел» (ненка, Носок, 2011 г.).

Чрезвычайно важным правилом, соблюдение которого поддерживает хрупкую гармонию экокультурной системы тундры и тайги, является доскональное соблюдение обряда похорон. Его нарушение приводит к стиранию грани между мирами живых и мертвых. «Один год не успевали хоронить... Когда бабушка была живая, я ее спрашивала по этому поводу, она сказала – нарушили обряд похорон. Наши эвенки, когда хоронили, они хоронили совершенно по-другому... А потом стали эвенки хоронить на русский манер, по-русски. В связи с этим нарушали наши эвенкийские каноны этого всего – как приходит человек, уходит в мир иной – нарушали все эти, нарушили гармонию, которая всегда стояла, когда это все правильно делали. Когда это нарушилось, плохое пошло вверх, стали люди умирать. Первый случай был, когда бабушку-нанайку похоронили. Они умерли практически друг за другом... А они просто-напросто неправильно положили бабушку. Бабушку-нанайку. Старого человека должны хоронить старые люди. Его ровесники. И одевать, и обмывать, все делать... А беременным вообще категорически запрещено соприкасаться с умершим человеком» (эвенка, Тура, 2017 г.). Масштаб бедствий, являющихся следствием нарушения похоронного обряда, настолько велик, что, как правило, стараются всеми силами отступлений не допускать.

Когда нарушаются законы и правила гармоничного сосуществования, тонкая грань между мирами начинает прорываться там, где не должна, и тогда, когда не должна, в связи с чем необходимо предпринимать безотлага-

тельные меры. Непонимание законов экокультурной системы, их нарушение влекут за собой трагические последствия, как правило, связанные с гибелью нарушившего и его семьи, рода: «Старые люди, если что-то нарушалось, они пытались это исправить. Была семья N, большая такая семья, детей было много. Все время они летовали по Тунгуске. Один раз пацаны добыли медведя. И принесли его в стойбище... Но видать, большой грех все-таки сделали, они все ушли молодыми. И вот это семейство – оно просто кончилось. У них только одна сестра осталась со всех них. С такого большого семейства» (эвенка, Тура, 2017 г.).

Наиболее часто упоминаемыми признаком нарушения правил сосуществования являются рассказы о появлении в мире живых умерших людей. «Когда в тайгу заехала с ребятишками... Я в эту избушку зашла... Ощущение было – леденящий ужас. Ощущение – что волосы стали дыбом. С этого угла ощущение было – кто-то стоит и на меня смотрит. Я прямо почувствовала это. Стою и говорю: "Я все равно тебя не боюсь". Спокойно вышла и пошла, хотя у самой так – ффффф... Вот что? Непонятно. Мы это видели, ощутили, а кому-то сказать – никто не поверит» (эвенка, Тура, 2017 г.). Другой признак нарушения сообщения миров – чересчур большое количество смертей. «В этот период в жизни поселка за шесть лет умерло столько людей, ушло в мир иной – неопишимо. Одна треть поселка кончилась. На тот момент было шестьсот человек. И треть за шесть лет кончилась. Один год не успевали хоронить. Еще сороковин нету или девяти дней – снова человек умирал» (эвенка, Тура, 2017 г.).

Ключевая роль в поддержании стабильного функционирования экокультурной системы отводится старшему поколению семьи – дедушкам и бабушкам – как родным, так и не связанным родством, но принятым в семью; в отсутствие поколения дедушек и бабушек – родителям. Старшее поколение знакомит детей, подростков с картиной мира, а также собственным примером учит навыкам гармоничной жизни в исконной среде обитания – в тайге или в тундре. Связь между составляющими экокультурной системы настолько тесна, что недосмотр, попустительство в одной ее части приводят к коллапсу всей системы, к трагическому ее распаду; но старые люди иногда могли восстановить ценой собственных сил хрупкую гармонию, случайно нарушенную, как правило, молодежью по незнанию. «Живя со всеми в гармонии, старые люди, если что-то нарушалось, они пытались это исправить» (эвенка, Тура, 2017 г.). Хотя старые люди часто способны восстановить хрупкую гармонию

экокультурной системы, но в отдельных, наиболее тяжелых, случаях исправить ситуацию возможно, только поплатившись несколькими жизнями. «Из-за дерева она выглядывает, смеется. Хотя ее уже похоронили... А когда в деревню пришла, они мне тоже рассказывают – видят ее, ходит. Я и говорю: "Вот пока четверых она не возьмет людей из поселка, она не успокоится". И вот четыре человека: в июне – ровесник практически ее сына, в июле – мальчик-ровесник ее дочери, 4–5 лет ей было и этому мальчику столько же. В августе. Четверых она забрала и после этого перестала заходить в деревню, как отрубило» (эвенка, Тура, 2017 г.).

Список литературы

1. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Визуализация образа кетов как современная культурная практика // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 2. С. 16–31.
2. Березюк С. В. Стилевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 2. С. 32–40.
3. Букова М. И. Особенности этнокультурного самосознания этнической группы чулымцев, компактно проживающих на территории деревни Пасечное Тюхтетского района Красноярского края (Центральная Сибирь) // Социодинамика. 2016. № 4. С. 41–51.
4. Букова М. И. Северовед и антрополог Владимир Германович Тан-Богораз: «Всероссийский художественный репортер» // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 1. С. 35–42.
5. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.
6. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.
7. Замараева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
8. Исследовательские возможности антропологии искусства на примере косторезных произведений мастеров Сибири / Н. М. Лобакова [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 22–34.
9. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
10. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.
11. Крупкина К. А. Концептуальные основания этнических исследований // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 8–16.
12. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.

13. Лещинская Н. М., Сертакова Е. А., Пашова Э. В. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 20–29.
14. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
15. Либакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
16. Пашова Э. В. Тенденции и практики взаимодействия с коренными малочисленными народами в области образования // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 39–51.
17. Пименова Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки // Социодинамика. 2016. № 3. С. 37–45.
18. Пчелкина Д. С. Историография исследований по теме трансформации идентичности коренных народов Севера // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: Опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 304–311.
19. Пчелкина Д. С. Цифровая этнография: методологические основания в культурологическом исследовании этнической манифестации // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 4. С. 25–33.
20. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.
21. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
22. Символическая экология как инструмент исследования трансформаций городского пространства / Ю. Н. Авдеева [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 3. С. 8–23.
23. Ситникова А. А. Современные практики форсайт-исследования будущего социально-антропологических систем, в том числе этнокультурных групп северных регионов Российской Федерации // Социодинамика. 2014. № 9. С. 44–62.
24. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
25. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.
26. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
27. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.

28. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: The current state / K. V. Reznikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (8). P. 1552–1567. DOI: 10.17516/1997–1370–0464.
29. Kistova A. V., Pimenova N. N. Expedition to chindat rural council of the Tyukhtetsky District in Krasnoyarsk Territory // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 30–45.
30. Kistova A. V., Pimenova N. N. History and specificity of literary activity of indigenous peoples // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9 (9). P. 1932–1944.
31. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Enets language in the studies of domestic and foreign scientists // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 4 (11). P. 546–560.
32. Libakova N. M., Petrova K. I. The Children’s literature of Indigenous small-numbered peoples of the Krasnoyarsk Krai // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9 (9). P. 1977–1993.
33. Nevolko N. N. The historiographical review of the scientific literature of the late XIX to the first decade of the XXI century concerning the problem of ethnic identification of the Khakass ethnos // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4 (6). P. 823–836.
34. Reznikova K. V., Zamaraeva Y. S. Dolgan children’s literature: History and specific features // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9 (9). P. 2022–2043.
35. Semyonova A. A. The concept “state” in local culture of Krasnoyarsk: The results of an associative experiment based on the method “Series of Thematic Associations” // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 11 (4). P. 1526–1542.
36. Seredkina N. N. Evenk children’s literature: History and specific features // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9 (9). P. 1994–2004.
37. Shpak A. A., Pchelkina D. S. Methodology for the study of complex identity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (5). P. 752–761. DOI: 10.17516/1997-1370-0604.
38. Zamaraeva Y. C. Phenomenological description of classical music as an ethnos-forming element of Yakut culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 4 (8). P. 707–721.

УДК 316.42

Н. Н. Середкина

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В силу естественных в современных условиях жизни миграционных процессов в последние два десятилетия особо актуальным становится вопрос формирования в обществе общероссийской гражданской идентичности. Именно данный концепт, по мысли ученых, способен снизить межэтническую напряженность в обществе путем формирования некой единой мировоззренческой основы. Основания для понимания значимости данной функции гражданской общероссийской идентичности для общества заложены в теориях интеграции общества ведущих социологов. Данная статья посвящена аналитическому анализу содержания трудов П. Бергера, М. Вебера, К. Дойча, Т. Парсонса, Т. Лукмана, Д. Хелда, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Дж. Перратона, Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, С. Хантингтона. В результате аналитического анализа особое внимание обращено к факторам, которые выделяют социологи в контексте вопроса интеграции общества. Это, например, формирование «этнической общности», наличие субъективной веры в общее происхождение (М. Вебер), наличие фактора «ожидания» в межкультурной коммуникации (Т. Парсонс), градостроительные решения территории, интеграция языков, элит (К. Дойч) и др. Кроме того, затрагиваются вопросы, связанные с трансформацией идентичности личности и общества в процессе интеграции и глобализации. Рассмотрение социологических теорий интеграции дает возможность выявить потенциальные формы конструирования гражданской общероссийской идентичности в обществе.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, теории интеграции, трансформация общества, трансформация идентичности.

Due to the natural migration processes in modern life conditions, in the last two decades, the issue of the formation of an all-Russian civic identity in society has become particularly relevant. This very concept, according to scientists, is able to reduce interethnic tension in society by forming a certain unified ideological basis. The foundations for understanding the significance of this function of civic all-Russian identity for society are laid in the theories

---

© Середкина Н. Н., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.

of society integration by leading sociologists. This article is devoted to the analytical analysis of the content of the works of P. Berger, M. Weber, K. Deutsch, T. Parsons, T. Luckman, D. Held, D. Goldblatt, E. McGrew, J. Perraton, E. Giddens, W. Beck, Z. Bauman, S. Huntington. As a result of the analytical analysis, special attention is paid to the factors that sociologists highlight in the context of the issue of social integration. This, for example, the formation of an "ethnic community", the presence of a subjective belief in a common origin (M. Weber), the presence of the factor of "expectation" in intercultural communication (T. Parsons), urban planning decisions of the territory, the integration of languages, elites (K. Deutsch) and other. In addition, it touches upon issues related to the transformation of the identity of the individual and society in the process of integration and globalization. Consideration of sociological theories of integration makes it possible to identify potential forms of constructing a civil all-Russian identity in society.

Keywords: all-Russian civic identity, theories of integration, transformation of society, transformation of identity.

Социологические основания гражданской общероссийской идентичности заложены теориями интеграции общества П. Бергера, М. Вебера, К. Дойча, Т. Парсонса, Т. Лукмана, Д. Хелда, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Дж. Перратона, Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, С. Хантингтона. Обращение к данным теориям обусловлено пониманием гражданской идентичности как индикатора процесса интеграции [1], того, что несет в себе потенциал для формирования единого общества. Интеграция, в свою очередь, рассматривается как «фундаментальная антиконфликтотенная форма конструирования гражданской идентичности» [2].

В трудах П. Бергера, М. Вебера, К. Дойча, Т. Лукмана, Т. Парсонса представлен анализ норм и условий достижения равновесия в обществе. Еще в начале XX в. во втором томе своего труда «Хозяйство и общество» (1910–1914) социолог, философ и историк М. Вебер (1864–1920) поднимает вопрос урегулирования отношений между представителями разных рас. Одной из стратегий достижения гармонии в обществе М. Вебер называет формирование так называемой «этнической общности». В силу различий внешних способов организации жизни, наследственных расовых особенностей, непривычности чужих обычаев, непонимания их смысла формируется сложность межнациональных отношений. В результате этого возникает ситуация отталкивания и презрительного отношения к непохожим и, наоборот, усиление осознания родства с похожими. Наличие же общности, по мнению М. Вебера, способствует появлению общих обычаев и общей цели, объединяющих людей в нацию [3, с. 70].

Одним из важнейших факторов достижения этнического единства является наличие субъективной веры в общее происхождение [3, с. 71]. Субъективная вера формируется на основе двух источников. Первым источником выступает схожесть внешности, обычаев и память детства, формирующих внутреннюю связь с родиной даже в условиях проживания уже в новых условиях. Внутренняя связь с родиной сохраняется даже при сильном смешении с аборигенами и при значительных изменениях традиций. Вторым основанием формирования субъективной веры в общее происхождение является схожая политическая судьба, связанная, в частности, с процессами колонизации или переселения. Субъективная вера, таким образом, сближает этнические группы, единство которых может существовать даже после ее распада.

Помимо субъективной веры в общее происхождение, мощными и действенными элементами ощущения этнической близости, согласно М. Веберу, являются языковая общность и близость религиозных представлений [3, с. 74]. Наряду с субъективной верой в единство происхождения, единство языка и вероисповедания способствует достижению цели социального действия, а именно – достижению политического союза.

Анализу иных условий достижения равновесия в обществе посвящает свой труд «О структуре социального действия» американский социолог Т. Парсонс (1902–1979). В центре внимания ученого лежит анализ взаимодействия личностного эго и «другого». Их взаимоотношение выстраивается на основе «ожидания» выполнения действий и установок «довольно конкретным образом или, по меньшей мере, в относительно конкретных границах» [4, с. 193]. Выполнение либо невыполнение действий в пределах ожидаемого влечет за собой благоприятную или неблагоприятную ситуацию взаимоотношений. По мнению Парсонса, «организация основных альтернатив ориентации выбора является фундаментальной для любой системы действия. Без такой организации невозможна устойчивая система ожиданий, самая важная для существования любой системы действия» [4, с. 193]. Образцы взаимных прав и обязанностей, на основании которых формируются ролевые ожидания, определяются эталонами ценностной ориентации. Взаимоотношения эго и «другого» определяют ядро социальной системы. Парсонсом они характеризуются как «совокупности действий сторон, оформленных в виде отношений, в которых стороны ориентированы друг на друга, учитывают друг друга» [4, с. 194]. Важным функциональным принципом сохранения социальной системы, по мысли ученого, является интегрирование в единое целое ценностных ориентаций

различных акторов. Единая система общепринятых культурных ориентаций, наряду с согласием «относительно систем идей и экспрессивных символов» [4, с. 196], по мнению ученого, является важным детерминантом устойчивости социальной системы, следовательно, общества.

Достижение определенного баланса в обществе возможно в том случае, когда «действия, жесты и символы приобретают более или менее то же самое значение как для "эго", так и для "другого" [4, с. 237]. Благодаря созданию таким образом «общей культуры» осуществляется взаимодействие индивидов. Именно эта общая культура, или система символов, по мнению Парсонса, выступает нормой для акторов. Он пишет: «Поскольку она (общая культура) существует, соблюдение ее конвенций – необходимое условие для того, чтобы "эго" был "понимаем" "другим", что позволяет "эго" в определенной степени вычислить тип реакции "другого", которая "эго" ожидается» [4, с. 237]. Иными словами, данная норма, воплощенная в системе символов, выступает условием стабилизации процесса коммуникации «эго» и «другого», призывая их соответствующим образом реагировать на действия друг друга. Таким образом, тенденция к последовательному соответствию реакций – это то, что, согласно взглядам социолога, ведет к тенденции конформности с нормативным эталоном. Данный эталон воплощен в культуре, который определяется ученым не только как ряд символических коммуникаций, но и как ряд норм для действий [4]. Т. Парсонс выделяет четыре типа эталонов, осуществляющих нормативный контроль деятельности:

1) эталон оценки объектов и деятельности с когнитивной (познавательной) точки зрения, основанный на общепринятых универсалистских ценностях;

2) эталон определения целей самого процесса действия. В качестве системы норм данный тип эталонов устанавливает либо цель (цели) системы, либо рамки частных целей;

3) третий тип эталонов связан с интеграцией. В основе данного типа эталонов лежат установки, направленные на позитивное взаимоотношение различных акторов социальной системы. Согласно ожиданиям, именно позитивное действие должно предприниматься с целью достижения солидарности различных единиц системы;

4) четвертый тип эталонов связан с поддержанием и (или) регулированием изменений в самой основе аскриптивных качеств, которые являются исходным пунктом всех других видов деятельности [4, с. 256–257].

Исходя из выделенных ученым эталонов, регулирующих деятельность социальной системы, становится возможным определить четыре условия достижения в обществе равновесия. Во-первых, каждая система должна приспосабливаться к своему окружению на основе принятия общепринятых универсалистских ценностей (потребность адаптации). Во-вторых, каждая система должна иметь значения (средства) для достижения целей и мобилизации своих ресурсов (потребность целеполагания). В-третьих, каждая система должна поддерживать свое единство и внутреннюю координацию своих частей (потребность интеграции). В-четвертых, каждая система должна стремиться к состоянию равновесия (потребность к поддержанию и соблюдению ценностного образца системы) [5, с. 63].

Вслед за идеями М. Вебера и Т. Парсонса вопросу национальной и политической интеграции посвящает свои труды немецкий социолог и политолог чешского происхождения К. Дойч (1912–1992). Среди его работ наиболее значимыми для рассмотрения проблемы интеграции национальных общностей являются труды «Национализм и социальная коммуникация» (1953) [6] и «Национализм и его альтернативы» (1969) [7].

В труде «Национализм и социальная коммуникация» К. Дойч рассматривает процесс коммуникации как основу согласованности обществ, культур и даже отдельных людей. Принадлежность к народу, согласно ученому, достигается через способность эффективно общаться с членами одной большой группы по широкому кругу вопросов независимо от того, насколько часто человек меняет место жительства или род деятельности. К. Дойч называет данную особенность общения понятием *complementarity* (взаимодополняемость, комплементарность). Именно комплементарность позволяет индивидам объединяться в сообщества. Ученый пишет: *Complementarity is greater if it permits individuals to communicate efficiently no matter how often they change their residence or their occupations. In this sense complementarity may be that elusive property of individuals which in our terminology makes it a community, perhaps even despite considerable variations in external circumstances* [6, P. 74]. Таким образом, комплементарность, как подчеркивает Дойч, является труднодостижимым (*elusive*) качеством индивида, тем не менее позволяющим создать единое сообщество, несмотря на значительные внешние различия.

В другом своем труде «Национализм и его альтернативы» К. Дойч обращается к анализу предпосылок интеграции и трансформации общества. Анализируя процесс интеграции, К. Дойч выделяет шесть, идущих параллельно

друг другу, процессов, являющихся одновременно основаниями интеграции [7, Р. 4–20].

1. Развитие стран. Одним из факторов достижения единства народа К. Дойч называет особое градостроительное решение территории страны. Наиболее благоприятными являются системы организации городов, которые максимально обеспечивают единство коммуникационной схемы. Таким требованиям в наибольшей степени, по замечанию ученого, отвечают градостроительные планы в форме колеса с расходящимися от центра коммуникационными маршрутами и сетчатая в плане структура. Наиболее репрезентативны в этом отношении Париж, Рим, Лондон, Буэнос-Айрес, фиксирующие собой центр коммуникационной схемы градостроения страны в целом. Скреплению страны также способствует сетчатая в плане структура. Примером подобного расположения городов является Германия, которая также, согласно Дойчу, сохраняет свое единство на протяжении уже многих веков. Отсутствие в других странах, например в Бразилии, африканских странах, подобных градостроительных структур, приводит к отсутствию надлежащего единства. Таким образом, большую роль в формировании у народа чувства единства играет градостроительное решение организации городов относительно друг друга. К. Дойч пишет: *When several population clusters are united – through intervening settlements or through more roads, more communication, and more economic activity – then people begin to think of themselves as a country* («Когда несколько групп населения объединяются – через промежуточные поселения или через большее количество дорог, больше коммуникаций и большую экономическую активность, – тогда люди начинают думать о себе как о стране») [7, Р. 6].

2. Интеграция языков. В процессе коммуникации в обществе происходит интеграция изначально близких друг другу диалектов и форм речи. Так, например, движение по немецким торговым путям объединило различные диалекты и формы речи франков, баварцев и саксов. К XIII в. эта интеграция способствовала сложению единого немецкого языка. Кроме того, статус языка у К. Дойча зависит от политического и экономического развития страны. Наиболее развитые регионы порождают стандартизацию языка.

3. Интеграция элит. Процесс интеграции элит рассматривается К. Дойчем в связи с формированием образца для национального языка [7, Р. 11–12]. Элита является той группой людей, которая обычно, но не всегда, как замечает ученый, устанавливает стандарты языка. Если же уже существует стандартизированная национальная речь, то элита воспринимается в этом случае как

образец ее использования. Иными словами, элита становится неким камертоном, задающим стандарты использования национального языка.

4. Культура и общение: интеграция племен в народы. Этот процесс К. Дойч называет одним из основных в процессе интеграции. Объединяющим фактором при этом не всегда является единый язык, а скорее чувство родства с другими народами и культурами. Народы могут говорить на разных языках, но это не мешает им чувствовать себя единым народом. Так, например, швейцарцы воспринимают себя единым народом, при том что разговаривают они на четырех языках. Однако немецкоязычные швейцарцы и немецкоязычные немцы – это уже разные народы, хотя они и говорят на одном языке.

5. Социальная коммуникация: концепция народа. Одним из важнейших факторов достижения единства народа одной страны К. Дойч называет доверие. Доверие понимается как способность человека предсказывать действия другого. На основе доверия выстраивается социальное взаимодействие людей – возможность трудоустройства, продвижения по карьерной лестнице, брак. Народ таким образом наделяется характеристикой общины «вероятного взаимного доверия и взаимных услуг» (*“Thus, a people becomes a community of probable mutual trust and mutual favors”*) [7, P. 15–16].

6. Политика: интеграция административных округов и формирование государств. Основу государства, помимо чиновничьего аппарата, К. Дойч видит в соблюдении населением законов. Именно соблюдение законов, согласие общества К. Дойч называет жизненно важными условиями развития государства в процессе интеграции (*“Compliance is the invisible nineteenth that keeps afloat the iceberg, of the state, and it is a vital development in the process of integration”*) [7, P. 17].

Наряду с процессами интеграции общество подвержено трансформациям. К. Дойч выделяет следующие процессы, обуславливающие трансформацию общества:

- 1) увеличение количества грамотных, образованных людей;
- 2) превышение числа городского населения над сельским;
- 3) достижения в области энергетики, межпланетной транспортировке, компьютерных технологиях;
- 4) развитие интеллектуальных способностей человека.

Данные процессы, по замечанию К. Дойча, не могут развиваться бесконечно, но они могут достичь определенного порога, при котором качество жизни человека изменится. Данный процесс затронет сначала общество

наиболее развитых стран, а затем и всего мира. В своей книге, написанной еще в 1969 г., ученый предвидел вступление общества на новую ступень своего развития спустя несколько десятилетий [7, Р. 178–181]. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что К. Дойч не ошибся в своих прогнозах. Все те процессы, которые выделял ученый еще во второй половине XX в., существуют в современном мире. И они же продолжают и сегодня определять трансформацию общества.

Вопросу трансформации идентичности личности посвящают свой труд «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» социологи П. Бергер (1929–2017) и Т. Лукман (1927–2016) [8; 9]. Ученые обращают внимание на диалектическую взаимосвязь общества и идентичности. Согласно их точки зрения, формирование, поддержка и трансформация идентичности человека зависят: во-первых, от изменения истории общества; во-вторых, от той социальной роли, которую выполняет индивид в обществе; в-третьих, важную роль в данном процессе играет окружающая индивида группа людей. Именно общество приписывает индивиду идентичность. Идентичностью, пишет П. Бергер, «награждают в актах социального признания» [9]. В результате и самоидентификация формируется одновременно «с направленными извне ожиданиями» [9]. Индивид, таким образом, становится тем, кем его видят окружающие. Поэтому идентичность в концепции П. Бергера и Т. Лукмана понимается не столько как данность, сколько как социальный продукт, нуждающийся в постоянной социальной поддержке. Наряду с этим идентичность реагирует на социальную структуру, поддерживая и модифицируя ее.

Поскольку все указанные факторы, влияющие на формирование идентичности человека, естественным образом постоянно изменяются, как, собственно, и сама личность, то вполне логичным признается факт трансформации идентичности. Данный процесс социально обусловлен. Кроме того, способность личности к трансформации зависит еще и от степени привыкания к прошлым идентификациям, а также от некоторых генетически заложенных черт. Чем сильнее у индивида связь с прошлым, тем трансформация будет проходить сложнее. Но именно «тонкая нить памяти» способствует достижению единства личности в процессе трансформации идентичности. Процессы построения идентификаций, согласно П. Бергеру, не рефлексированы и не планируются индивидом. Это почти автоматический процесс.

В XXI в. с учетом господства новой тенденции развития общества, а именно глобализации, формируется теория глобальной интеграции, идеи

которой представлены в трудах современных ученых – социологов и политологов: З. Баумана, У. Бека, Э. Гидденса, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Дж. Перратона, С. Хантингтона, Д. Хелда.

Британский социолог З. Бауман (1925–2017) в своем труде «Глобализация. Последствия для человека и общества» [10] констатирует неизбежность и необратимость процесса глобализации в XXI в. Это процесс, который в равной степени и равным образом затрагивает каждого человека. Глобализацию, по мысли ученого, следует воспринимать не только как то, что объединяет, но и как то, что не в меньшей степени еще и разобщает. Расколы происходят по тем же причинам, что и усиление единообразия мира. Объединение вследствие глобализации, таким образом, происходит через разобщение. Глобализацию З. Бауман связывает именно с последствиями данного процесса, а не с глобальными инициативами и действиями. Глобальные последствия, как и сам процесс глобализации, абсолютно непреднамеренны и непредусмотренны. Мир пребывает в некоем неуправляемом, неопределенном и самостоятельно организованном потоке развития. Как отмечает З. Бауман, это мир, в котором отсутствует центр – пульт управления, совет директоров или головная контора.

Немецкий социолог и философ У. Бек (1944–2015) также придерживается мысли того, что глобализация отличается своей диалектичностью. Если у З. Баумана диалектика заключается в факте объединения людей через их же разобщение, то согласно У. Беку, в процессе глобализации разрушению подвергается единство национального государства и национального общества. В результате подобного разрушения формируются новые соотношения между национально-государственными единствами, акторами, в том числе транснациональными идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами. Итого всего этого процесса становится появление третьих культур. Кроме того, У. Бек в труде «Что такое глобализация» (2001), характеризуя ключевую характеристику эпохи Второго модерна – глобальность, обосновывает актуализацию связи локального и глобального. У. Бек пишет: «Глобальность отражает то обстоятельство, что все, что происходит на нашей планете несводимо к локально ограниченному событию» [11]. Согласно мысли ученого, существует прямая зависимость того, что происходит в мире, от событий, происходящих на локальном уровне. Все, что происходит на локальном уровне, будет неминуемо касаться всего мира. В связи с этим У. Бек отмечает необходимость реориентации и реорганиза-

ции наших организаций и институтов в соответствии с осью «локальное – глобальное».

Позитивного взгляда на глобализацию придерживается также английский социолог Э. Гидденс (род. 1938), полагая, что именно процессы глобализации способны возродить и усилить этническую культурную идентичность в отдельных регионах мира. В труде «Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» [12] Э. Гидденс анализирует перемены, которые наступили в мире вследствие глобализации. Перемены же коснулись всех сфер жизни общества: экономики, политики, технологии, культурной сферы, образа жизни, традиционных социальных институтов (в частности, семьи и религии). Анализ перемен Гидденс проводит через критерий традиции, поскольку именно в традициях заложена повторяемость действий людей, некая ритуальность, которая определяет суть традиции и которая господствовала до процесса глобализации в мире. Глобализация же нарушила установленную с течением времени ритуальность и повторяемость действий людей, подвергнув традиции резкому, внезапному изменению и трансформации. В этом процессе Э. Гидденс выделяет две линии существования традиции. С одной стороны, общество продолжает следовать традициям, но все менее традиционным способом. В этом случае меняется только форма существования традиции в обществе. С другой – общественные институты и повседневная жизнь вовсе освобождаются от влияния традиций (Западные страны), порождая тем самым процесс детрадиционализации. Наиболее ярко детрадиционализация проявляется, по замечанию Гидденса, среди традиционных обществ. В обоих случаях возникает ситуация риска, которая не только несет за собой неопределенность, но и активизирует силы индивида. В этом случае Гидденс подчеркивает такое значение понятия «риск» как «дерзать». В частности, глобализация и вызванная ею тенденция ослабления традиций (детрадиционализация) влечет за собой более активный процесс создания и воссоздания индивидом своей идентичности, возрождения местной культурной идентичности, оживления местного национализма. Большую роль в процессе самоидентификации индивида Гидденс отводит прошлому. Если человек является рабом прошлого – того, что определяет его настоящее через приверженность коллективным убеждениям и ощущениям, – то ощущение себя как личности носит вполне устойчивый характер. Возвращение индивидом в свое собственное прошлое в новых условиях жизни становится, по замечанию ученого, средством обретения большей самостоятельности в будущем.

Американский социолог С. Хантингтон (1927–2008) в труде «Столкновение цивилизаций» [13] (1996) придерживается цивилизационного подхода в вопросе рассмотрения достижения людьми единства. Согласно С. Хантингтону, одним из ключевых факторов, объединяющих людей, является культура. Культура в данном случае противопоставляется идеологии. Ошибочным будет считаться, по мысли ученого, что идеология может объединить людей. Напротив, государства, в которых народы объединены идеологией, но разделены культурами, в результате распадаются. Так, например, случилось с Советским Союзом, Югославией и Боснией. Если государства и не распадаются, то они входят в состояние напряженности, как в случае с Украиной, Нигерией, Суданом, Индией, Шри-Ланкой и многими другими. Там же, где господствует разная идеология, но есть общая культура, народ ощущает себя единым. Такими странами являются Германия, Корея, отчасти Китай. Страны, сходные в культурном плане, намного более успешны, по замечанию С. Хантингтона. Таким образом, в новом мире, по мысли ученого, центральным фактором, определяющим симпатии и антипатии страны, становится культурная идентичность. По сравнению с другими направлениями идентичности, именно культурная идентификация приобретает все большее значение в современном мире. Во-первых, потому, что культурная идентичность объединяет в себе возможные иные идентичности, которые присущи индивиду (профессиональные, этнические, религиозные и т. п.). Во-вторых, общая культура стимулирует сотрудничество между государствами и группами, которые к этой культуре принадлежат, что можно видеть в возникающих моделях региональных союзов между странами, в первую очередь экономических.

Наивысшей культурной общностью людей и самым высоким уровнем их культурной идентификации является цивилизация. Критериями цивилизации С. Хантингтон называет как общие объективные элементы, такие как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективную самоидентификацию людей. При этом данные объективные элементы выступают в качестве объединительного начала только в своем единстве. Отдельно язык и религия, например, не могут стать универсальными средствами объединения. Согласно Хантингтону, английский язык – это всего лишь средство межкультурного общения и не более того. Использование английского в речи помогает поддерживать и даже усиливать различные культурные идентичности народов. Согласованность же единства объективных и субъективных критериев порождает феномен больших «мы» или, другими словами, цивилизацию.

Как замечает ученый, внутри больших «мы» каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них». Россию Хантингтон относит к центру православной цивилизации, поэтому вполне логичным будет признание общей культуры для народов, проживающих в России, – культурных практик, воплощающих в себе черты православной картины мира.

Группа английских ученых – Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон – в коллективной монографии «Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура» [14] обращаются к анализу новых инфраструктур, возникших в результате глобализации и повлекших за собой трансформацию глобального культурного взаимодействия. Именно сфера культуры, по мнению ученых, стала одной из наиболее воспринимаемых и «остро ощущаемых» областей, где произошли трансформации вследствие глобализации. В частности, открылись культурные границы, увеличилась скорость культурного обмена и коммуникаций всех видов, произошел сдвиг в географии глобального культурного взаимодействия и многое другое. Все эти тенденции определяют современную модель культурной глобализации как движение трех составляющих: объектов, знаков и людей в регионах и межконтинентальном пространстве. Интересным видится замечание исследователей относительно того, что усиливающаяся мобильность на рубеже XX–XXI вв. присуща также образам и символам.

Рассматривая влияние глобально ориентируемого производства произведений популярной культуры, в частности кинематографа и музыки, на национальные идентичности и местные культуры, авторы приходят к однозначному выводу о том, что гомогенизация массового культурного потребления на Западе, в Восточной Азии и Латинской Америке имеет место быть. На примере анализа подобной сложившейся ситуации в сфере британского кинематографа авторы отмечают в качестве следствия уменьшение внутренних национальных альтернатив на кинорынке. Ученые выражают сомнение относительно взаимосвязи гомогенизации потребления в области фильмов и других сфер культуры, например верований и идентичностей. То, что в данной ситуации конструируется особый гибридный тип культуры, остается фактом. Под гибридной культурой понимается сложное сочетание и комбинация разнообразных культурных форм и методов, которые имеют реальное значение в культурном отношении. Историческим, наиболее давним типом такого рода гибридных культур являются иммигрантские культуры. Несмотря на ассими-

ляционные процессы, происходящие среди иммигрантов, эти общины, согласно ученым, лишь в редких случаях утрачивают все свое культурное наследие и редко сохраняют его в первоизданном виде в новой для них ситуации.

Список литературы

1. Дробужева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 26 (1). С. 7–31.
2. Попова С. В., Попов М. Е. Социокультурная интеграция российского общества как способ консолидации этнических культур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1 (51). С. 131.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. Т. II. Общности. 429 [3] с.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
5. Зборовский Г. Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Сургут: РИО СурГПУ, 2014. 211 с.
6. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology. 1953. 268 p.
7. Deutsch K.W. Nationalism and its alternatives. Alfred A. Knopf. 1969. 200 p.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
9. Бергер П. Л. Общество в человеке. URL: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/172/submission/original/172-321-1-SM.pdf>.
10. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 188 с.
11. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
12. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 120 с.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2014. URL: <https://iknigi.net/avtor-samyuel-hantington/36144-stolknovenie-civilizaciy-samyuel-hantington/read/page-1.html>.
14. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.]; пер. с англ. В. В. Сапова [и др.]. М.: Праксис, 2004. 576 с.

УДК 7.06

М. Г. Смолина

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена теоретическому вопросу, без внимания к которому сложно осознать принципы управления множественными процессами в художественной среде. Это вопрос о том, каким специфическим образом художественная культура, будучи относительно самостоятельной культурной сферой, конструирует ценности. Могут ли данные ценности обладать автономным содержанием, или же они являются тесно взаимосвязанными с внешними системами (политикой, экономикой и т. д.)? Решение данного вопроса обладает прикладным значением, потому что ведет к осознанию цели управления культурными процессами в арт-среде, формированию принципов регулирования социальной реакции посредством определенных социальных, нравственных, идеологических установок для восприятия с помощью эталонизации схем восприятия, идеалообразующей функции культуры.

Ключевые слова: мультикультурализм, поликультурное общество, глобализация, искусство, художественная среда, ценности, идеалы, паттерн восприятия.

The article is devoted to a theoretical issue, without attention to which it is difficult to understand the principles of managing multiple processes in an artistic environment. This is the question of how artistic culture, being a relatively independent cultural sphere, constructs values in a specific way. Can these values have autonomous content, or are they closely interconnected with the external environment of culture (politics, economics, etc.)? The solution of this issue has an applied meaning because it leads to an awareness of the goal of management in the art culture, the formation of principles for regulating social reaction through certain social, moral, ideological attitudes for perception, with the help of perception schemes, the ideal-forming function of culture.

Keywords: multiculturalism, multicultural society, globalization, art, artistic environment, values, ideals, perception pattern.

Понятие «конструирование ценностей». Конструирование – это процесс и результат отношений художественных формы и материала, поэтому оно является творческим процессом, близким к понятиям «сочинительство», «со-

здание», обуславливающим композиционное умение художника. Но близкими по содержанию «конструированию» также можно считать научно-экспериментальные процессы: проектирование, моделирование, планирование, создание концепции. Однако полной идентичности ни с одним данным синонимом не может произойти. Специфика в том, что при конструировании проектировщик видит и соотносит прежде всего те элементы, из которых состоит целое, и осмысляет уникальную функцию данного элемента, его особое месторасположение, связь между элементами. Элементы, из которых создается конструкция, могут быть универсальными средствами, из которых можно собрать и создать какую угодно модель. Создавая конструкцию, автор еще не наделяет ее жизненностью и иконичностью модели, которая появится на этапе моделирования. Можно сказать, что конструкция – это основа моделирования, ее логическая и сухая механическая структура, потенциально способная на то, чтобы перераспределить элементы и собрать новую конструкцию, поэтому конструирование в сравнении с моделированием может выглядеть несколько условно, а конструкция – немного редуцированно по отношению к модели. И модель как результат моделирования, и конструкция как результат конструирования имеют общее свойство – это наглядность, эйдетичность. Эйдос на уровне конструирования выглядит как структурированное кристалльно ясное целое, а на уровне моделирования – как плотный иконический знак, возможно, содержащий внутренние противоречия, что придает ему жизненный характер. Возможность внутреннего переключения создателя между уровнями существует, но также вполне может быть, что автор ограничивается одним из них. Например, в истории литературного реализма выделяются типический, сверхтипический и атипический реализм. Типический реализм был основан на конструировании общества как социальных этажей, как конструкция разных человеческих типажей в типичных обстоятельствах. Сверхтипический реализм предлагает исключительных героев, и это больше похоже именно на моделирование общества, так как моделируемая реальность состоит не только из закономерного и типичного, но и из редких исключений. Еще больше диалектики в модель реальности вносится атипическим реализмом, где правит бал господин случай, слепая фортуна. Это еще более наглядная эйдетическая модель. Таким образом, конструирование общества в развитии литературного реализма оказывается первой стадией.

Конструирование в искусстве осуществляется при условии интеллектуального понимания целостного образа, умения обобщать и охватывать целое

внутренним взором. Главная ценность в этом процессе – умение увидеть цельность структуры будущего произведения искусства. Но для этого требуется и работа правого полушария – сила воображения, желательна и фантазия – для создания необычной конструкции. Произведение искусства – это микромир, в котором действуют свои внутренние законы. Творчество же художника недаром уподоблялось в эстетической мысли акту творения мира.

Искусство «для пользы»? В художественной критике давно открыта дискуссия на тему двух противостоящих концепций – «искусство служит обществу» и «чистое искусство».

Согласно *первой концепции*, искусство стремится быть посредником в трансляции программных ценностей, быть пророком определенных «истинных» ценностей. Либо же в еще более активном варианте искусство берет на себя роль диктатора ценностей, устанавливая и транслируя законы эстетико-художественной программы, испытывая удовлетворение от победы в «битве стилей», влияя на появление новых субкультурных образований в обществе, различных культурных и социальных изменений, инноваций на рынке (появление культурной индустрии).

Про *вторую концепцию*. Избегая чрезмерной навязчивости в трансляции политико-идеологических ценностей, искусство порой объявляет себя автономной зоной («искусство для искусства», «чистое искусство») и делает ставку на приоритетные автохтонные ценности своей сферы – эстетико-художественные ценности, творческий индивидуализм вместо общественной ориентации.

Концепция чистого искусства не должна восприниматься наивно, ведь она только указывает на некоторую дистанцированность и ненавязчивость идеологии. Ни в коей мере, никогда искусство не перестает быть субстратом ценностей. Поэтому общение с искусством, разумеется, полезно реципиенту, вне зависимости от того, польза эта для всего общества или только для личностного роста индивидуума. Как таковое произведение искусства при взаимодействии с реципиентом служит формированию эстетического вкуса, развивает умение человека выражать свои мысли, расширяет кругозор и лексикон своего зрителя (слушателя, читателя). Эти образовательные эффекты уже включены в суть искусства, и поэтому они не обязательно являются сознательно программируемыми художником. Те случаи, когда автор иллюстрирует учебник, детскую образовательную литературу или создает «Библию для неграмотных», относятся к сознательному конструированию ценностей. К сознательно конструируемым ценностям в искусстве можно в целом отнести

разные роды социально-культурных ценностей: экологические, антивоенные, политические, религиозные, патриотические, глобальные, нравственные, эстетические, семейные и др.

Искусство создается как медиум общественных настроений, улавливающий потребности общества и транслирующий данные запросы с помощью знаков.

Когда авангардисты начала XX в. стремились воссоздавать новые ценности наступившего века (скорость, машина, технология) с помощью футуристических и конструктивистских экспериментов, это стремление было отражением общественного заказа и стало одним из источников медиаарта. Утверждение новых ценностей в форме художественного предвосхищения будущего явилось способом формирования «современного» образа жизни, обновления сознания общества, его подготовки к переменам. Когда в Баухаузе Вальтер Гропиус создал уникальное образовательное пространство, в котором родился лаконичный дизайн мебели и посуды для массового производства, это творение было социальным проектом, который преображал быт человека. Медиаарт в ряду данных примеров также есть выход в социальную практику через бытовую реальность, частью которой являются технические приспособления, интернет-сайты, социальные сети. Доступность данной среды призывает к творчеству и новому образу жизни, связанному с виртуализацией пространства, интернетом вещей, искусственным интеллектом и т. д. Новой религиозностью, ценностью стала техника – заявляет медиаарт. Техника дает возможность конструировать миры, получать удовольствие от нового способа творчества. Восторг перед новым рациональным, «экономическим» способом творчества начинается еще с «опьянения» методом импрессионизма в конце XIX – начале XX в., а затем – продолжает футуризм, воспевший скорость, далее – Казимир Малевич, написавший среди прочего трактат «Лень как действительная истина человечества», в котором идет речь об экономичности как особой ценности. Искусство монтажа в кино привело к магии сокращений, легкости и интенсивности восприятия посредством технических формул. Впоследствии возникает клиповое сознание 1990-х гг., эпоха коротких роликов. Новая линия XXI в. – короткие сообщения sms, посты в соцсетях, экономящие время чтения и восприятия, сториз, снятые на мобильный телефон. Ценность экономии времени доведена до предела.

Эта борьба против излишеств, безусловно, подчеркивает прагматизм арт-дизайна, пронизавшего все формы повседневности. Те же направления, которые объявляют себя нонконформистскими и, соответственно, некоммерче-

скими, «чистыми» от прагматики, на деле не всегда бывают очищены от идеологии, которая может являться антиидеологией (направленной против господствующей). Если же протестной составляющей здесь также не наблюдается, это все равно потенциально может стать неким способом пассивного ухода от реальности, изгнания в «катакомбы». Жанры пейзажа, детской литературы и книжной иллюстрации недаром стали призванием многих художников, которые не желали высказываться на политические темы. Секретным языком своего искусства они, как и ранние христиане в Древнем Риме, могли выразить свое отношение к миру и сконструировать собственные ценности. Таким образом, в вопросе о конструировании ценностей в искусстве есть как наружные, так и подводные части айсберга.

Паттерн восприятия. В чем значимость конструирования ценностей в художественной культуре? В том, что художественная культура не просто демонстрирует нам некие ценности, а делает это на основе паттернов восприятия, т. е. сложившихся эталонизированных схем рецепции знаково-символического единства. Паттерн (согласно социологическому толковому словарю) – это образец, шаблон, модель, форма. Художественная культура создает и развивает паттерн восприятия, в соответствии с которым реципиент осуществляет экстраполяцию на реальность. Допустим, человек не знает, кто такие казаки, но через рецепцию творчества В. И. Сурикова при встрече с казаками реальный образ пропускается через фильтр-образ, полученный при взаимодействии с живописью. Если на картине казаки представлены смелыми личностями, то мы будем рады (так называемая «радость узнавания») получить подтверждение этому, то есть мы увидим реальность сквозь призму художественности. Поэтому важно не только то, что изображено, не только в чем идея, но и то, какие ценностные акценты данной идеи расставляет автор в своем произведении, какой паттерн восприятия он задает зрителю. Расстановку ценностных акцентов и формирование паттерна восприятия можно назвать конструированием ценностей.

При расстановке ценностных акцентов нужно добиться выражения существенной иерархии: если изображенная шкатулка выглядит важнее драгоценностей, что в ней лежат, то это должно что-то означать, а не быть случайностью.

Две универсалии, важные с точки зрения формирования паттернов восприятия: символический и реалистический языки. Для символического языка характерна метафора, а для реалистического – метонимия (через одну интенсивную деталь можно передать целый образ). Первый инициирует поиск глу-

бинных значений в представленном знаке, а вторая схема восприятия стремится увидеть в знаке характерность образа.

В художественной культуре осуществляется данное конструирование через знаки и символы, искусную организацию их взаимоотношений. Художники действуют на основе существующего объект-языка искусства. Это означает, что они черпают идеи из фонда коллективного бессознательного – вечных идей, архетипов, сюжетов. Однако каждый раз они создают нечто новое, пользуясь этим фондом как бесконечным источником. Существуют идеи и сюжеты, которые решались в искусстве многократно, и практически каждый раз получается неповторимый облик благодаря решению субъекта-творца, художника, сделать определенные акценты ценностей. Например, испанский живописец Хусепе де Рибера написал картину «Хромоножка» в 1642 г. Идея картины не была новой – в XVII веке были распространены образы уродцев, калек, шутов. Но в чем же произошло ценностное конструирование? В том, как он изобразил хромоножку: в полный рост, на вертикальном формате холста, при низком горизонте. Всё это создает величественный образ. Представив героя улыбающимся, Рибера восхитил силой духа этого человека, который не был сломлен своей судьбой. Когда Рибера решил: «Я изображу его с улыбкой на фоне неба», он уже заложил основы идеала человека, и с помощью знаков – улыбки, неба, горизонта – он уже тем самым сконструировал ценность, которую затем воплотил в живописном произведении, то есть в художественном идеале.

Идея матери может превратиться в различные ценностные конструкты – например, «нежная земная женщина», «великая богиня, мать всех народов», «мать революции». И уже в этих конструкциях не столько вербальное, но и (уже сразу намечается) визуально-символическое обозначение: босые ноги, легкие ткани, обнаженная грудь кормящей матери, красный платок. Через эти узловыe знаки конструкции, высвечивающие творческий замысел, прорастает образ будущего произведения. Рафаэль взял первый конструкт и создал определенный идеал – «Сикстинскую мадонну», а по второму конструкту скроена палеолитическая Венера, третий – это идеал советской матери на фоне Петербурга как вдохновительницы новой жизни. Идеи могут не меняться. Например, во все времена поют о любви. Но в каждую эпоху конструируют ценность любви иначе – достаточно сравнить образы из рыцарских песен, рок-музыки, эстрады. Идеалы принимают своеобразие форм благодаря конструированию ценностей (решению о том, что важнее, что актуальнее). Таким образом, цен-

ности являют фильтр (паттерн восприятия), через который видна одна и та же идея. Идеал же являет собой результат (экран) такого проецирования.

В творческом процессе недостаточно просто найти идею (сама по себе эта идея может и не быть глубокой и новой), но важно понять то, как эта идея будет вливаться в общество. Как представить данную идею в качестве ценной идеи? Как сконструировать эту ценность?

Конструирование ценностей современного общества. Социальное многообразие вносит множество противоречивых аспектов в облик художественной культуры, в ткань ее традиций. Язык художественной культуры в эпоху глобализации разрушает ориентир на один авторитет и единый образец, проявляет альтернативы, толерантность к ним, уделяет внимание малым обществам как имеющим право заявить о себе, что приводит к нестабильности исторической памяти, стремлению переосмысливать саму историю – как историю искусства, так и социума в целом. Многоязычие искусства несколько напоминает политеистическую культуру, в которой каждый регион поклоняется местному божеству. Данная регионализация в какой-то мере есть сопротивление глобализационным процессам, глокализация.

Проблема современного общества заключена в востребованности идеала человека поликультурного многонационального общества, который открыт ко всем диалогам, сочувствует культурным ценностям разных народов, готов взаимодействовать с представителями и носителями разных культур. Однако данная открытость ко всему мультикультурному входит в драматическое противопоставление с утратой собственного содержания, утратой собственного «я».

В то же время в современной художественной культуре мы видим поворот к экологии, теме меньшинств, справедливости, социальным проектам. Социолог Рональд Инглхарт представил результаты всемирного опроса, проведенного с 1970 по 1995 г. среди представителей разных стран. Он выявил род постматериальных ценностей, выраженный в повышении экологического сознания, интересе к гражданским свободам большинства респондентов. «Постматериальное» означает и противопоставление «материальному», и одновременно с тем выход из него. Современных людей интересуют не экономические блага, которые уже не являются дефицитом, их волнуют духовные идеалы и проблемы самореализации. На фоне экономического чуда послевоенного времени в ряде стран наступило время поколения, не испытавшего войн и голода. Ценности самовывживания уступили первенство ценностям самовыражения.

Сегодня идет расцвет сопротивления ценностям глобализма, это постматериальные ценности нового поколения (ценности поколения, не знавшего войны, не испытывавшего голод, поэтому, не зная дефицита в материальных благах, это поколение более свободно устремляется на спасение духовных ценностей). Постматериальные ценности зафиксированы в форме духовных поисков художников, их озабоченности проблемами города, экологии, стремления к сохранению этнокультурного разнообразия мира и повышению экологической ответственности общества. В 1990-х гг. население России переживало непростой период, и одним из признаков этого стало обращение к духовно-религиозным поискам. К 2010-м гг. появляются и новые идеи, связанные с осмыслением социальных проблем, отражение чего можно найти в урбанистической и экологической тематиках искусства. Развитие археоарта в Сибири также можно связать с постматериальными ценностями.

Тенденция новой индивидуализации, связанная с ростом самосознания, ориентацией на личную независимость и внутреннюю свободу художника, набрала силу в 1990-е гг., в нулевых эта тенденция продолжала быть, уверенно определяя себя как современная ценность, проявляемая в идеалах креативных людей. В десятые годы XXI в. установились новые акценты данной тенденции, связанные с тем, что яркая индивидуальность несет богатые возможности для социального взаимодействия, поэтому следует вдохновлять зрителей посредством искусства на поиск своего «индивидуального» (умения соответствовать своему «я», непосредственно выражать эмоции и делиться ими). Второй акцент обозначен как своего рода убеждение в том, что «моя реальность и мое видение – не единственные», существует огромное количество миров, людей, форм, среди них есть и моя природная стихия, мое родное пространство, мое сознательное предпочтение. Также искусство Красноярского края этого времени в целом сообщает нам, что найти свое – значит вспомнить детство, родные места, попробовать быть непосредственным, как дитя.

Таким образом, фактором интенсивного оформления собственного взгляда на ценности является активная коммуникация с окружающим миром, наблюдение за природой, беседы и взаимоотношения с людьми и миром, во время которых открывается возможность сформулировать, выразить отношение к тем или иным вещам. Ценностный конструкт в творчестве требует от автора активной индивидуальной позиции и оформленной точки зрения. Конструирование ценностей в художественной культуре означает набрасывание и проработку карты-схемы, которая состоит из символов, связанных с со-

циально значимым содержанием. В процессе конструирования ценностей оформляется идеал.

Список литературы

1. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Пропозиции теории изобразительного искусства, Красноярск, 2004.
2. Иллюзии в искусстве и их разновидности / А. И. Андреева, М. В. Конарев, М. Э. Маковская [и др.] // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 4 (12). С. 53–67. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-4-53-67.
3. Кистова А. В. Синтетическая модель культуры и культурные практики // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 111–121.
4. Клыкова А. В. Иконографическое исследование произведения Поля Гогена «Карикатура на губернатора Таити Лакаскада» // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. № 3. С. 97–112.
5. Козлов Е. С., Сертакова Е. А. Образ «космоса» в произведениях современной аудиовизуальной культуры // Цифровизация. 2021. Т. 2, № 2. С. 44–50.
6. Колесник М. А., Лещинская Н. М., Сертакова Е. А. Образ поэта-творца в символизме Гюстава Моро // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 4. С. 25–37.
7. Копцева Н. П., Резникова К. В. Философские основания художественного творчества Альбера-Шарля Лебура («руанская школа» французского импрессионизма) // Филология: научные исследования. 2014. Т. 1. С. 77.
8. Кравченко С. А. Социологический толковый русско-английский словарь. 2013. С. 502.
9. Лещинская Н. М. Культурологические подходы к анализу произведений декоративно-прикладного искусства // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 2. С. 9–15. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-9-15.
10. Лужанский С. В. Отдельные положения концепции постмодернистской культуры Фредрика Джеймисона // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 4 (12). С. 78–87. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-4-78-87.
11. Новая арт-критика на берегах Енисея / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 340 с.
12. Пиков Н. О. Репрезентация культурного наследия: современные подходы // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 174–186. DOI: 10.31806/2542-1158-20.
13. Резникова К. В. Пространство сцены в культурных формах и практиках коренных малочисленных народов Севера Красноярского края // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 35–45. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-35-45.
14. Резникова К. В., Ситникова А. А., Замараева Ю. С. Философия искусства в творчестве Эгона Шиле // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 4. С. 38–48.
15. Санжеева Л. В. Концепт триединства «Символ – Знак – Образ» в традиционной художественной культуре народов Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 177–182. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-4-177-182.
16. Середкина Н. Н., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Три картины Эдварда Мунка: философско-искусствоведческий анализ цикла «Фриз жизни» // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 4. С. 49–64.

17. Смолина М. Г. Индивидуализация образовательного пространства будущих специалистов в области искусства и культуры посредством художественной критики // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 185–192. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-185-1.
18. Смолина М. Г. Тенденция индивидуализации в художественной культуре Красноярского края 1990–2010 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 3. С. 130–146.
19. Строй Л. Р. История становления первой сибирской художественной школы // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 3 (9). С. 79–87.
20. Сукорцева А. С. Система критических инструментов решения проблем отношения зрителя и произведения изобразительного искусства // Цифровизация. 2021. Т. 2, № 1. С. 56–66.
21. Тарасова М. В., Ситникова А. А., Смолина М. Г. Ласло Мозой-Надь: направления творчества и влияние на развитие искусства XX века // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 248–268.
22. Шиманская К. И. Арт-медиатор как участник художественной коммуникации // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 4. С. 109–115. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-4-109-115.
23. Шиманская К. И. Развитие визуального мышления в рамках практики арт-медиации // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 193–200. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-193-200.
24. Architectural space in the paintings by Vincent van Gogh / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, M. A. Kolesnik [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (6). P. 838–859. DOI: 10.17516/1997-1370-0610.
25. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // Science for Education Today. 2018. Vol. 8 (4). P. 233–247.
26. Koptseva N. P., Reznikova K. V. Three paintings by Zdzisław Beksiński: Making art possible “After Auschwitz” // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8 (5). P. 879–900.
27. Nevolko N. N. The visualization of ethnic theme in the Khakass artists paintings and graphic works of art // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4 (8). P. 1109–1126.
28. Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Zamaraeva Yu. S. Three paintings by Egon Schiele: ideas about the essence of art // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (7). P. 1240–1255.
29. Sitnikova A. A., Zhukovsky V. I. Visualization of the Concept of State in the Architecture of the Moscow Cathedral of the Intercession on the Moat (1555–1561) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11 (9). P. 1513–1528.
30. The image of the Yenisei in the paintings of krasnoyarsk artists / A. V. Kistova, K. A. Bulak, N. N. Pimenova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (6). P. 891–903.

УДК 314.151(571.51)

А. В. Задорин

*Старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ*

Красноярский край является территорией высокой миграционной активности. Вместе с тем данных официальной статистики недостаточно для понимания проблем миграций. Заполнить некоторые пробелы позволило исследование, проведенное в сентябре – ноябре 2020 г. Основным методом являлось индивидуальное анкетирование. Использовались неслучайные (стихийные) виды отбора. Было опрошено 200 студентов Сибирского федерального университета (СФУ) – 100 юношей и 100 девушек. Массовый опрос охватил 200 респондентов – 92 мужчин и 108 женщин. Он проводился в трех городах Красноярского края – Красноярске, Енисейске, Канске, в трех возрастных группах – 18–29 лет, 30–59 лет, 60 лет и старше.

В результате исследования выяснилось, что старожилов не особо волнует приезд иностранных трудовых мигрантов. Их больше тревожат другие аспекты миграции. Прежде всего, отток высококвалифицированных специалистов и выпускников вузов («утечка мозгов»). Далее – распространение вахты, когда за неимением возможности трудоустройства население уезжает на заработки в другие регионы. И, наконец, отъезд местного населения. Так считают и студенты, и взрослое население (не студенты).

На основании данных результатов автор статьи делает вывод, что миграционные проблемы Красноярского края лежат в основном в экономической плоскости.

Ключевые слова: миграционные процессы, мигранты, Красноярский край, социологический опрос, анкетирование.

Krasnoyarsk Territory is a territory of high migration activity. However, official statistics were not sufficient to understand migration issues. Some gaps were filled by a study conducted from November to December 2020. The main method of study was individual questionnaire questioning. Non-random (spontaneous) types of selection were used. 200 students of the Siberian Federal University (SibFU) were interviewed (100 boys and 100 girls). The mass survey involved a questionnaire of 200 respondents, of which 92 were men and

---

© Задорин А. В., 2022

* Статья подготовлена в рамках проекта «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России.

108 were women. A mass survey was conducted in three cities of the Krasnoyarsk Territory: Krasnoyarsk, Yeniseisk, Kansk; it was held in three age groups: 18–29 years old, 30–59 years old, 60 years old and older.

As a result of the study, it turned out that old-timers are not particularly worried about the arrival of foreign labor migrants. They are more concerned about other aspects of migration. First of all, is the outflow of highly qualified specialists and graduates of universities (“brain drain”). Further – the spread of watch, when, for lack of employment opportunities, the population leaves for work in other regions. And finally, is the departing of the local population. This is the opinion of both students and the adult population (not students).

Based on these results, the author of the paper concludes that the migration problems of the Krasnoyarsk Territory lie mainly in the economic plane.

Keywords: migration processes, migrants, Krasnoyarsk Territory, sociological survey, questionnaire questioning.

Красноярский край, занимающий второе место по территории среди субъектов Российской Федерации, является регионом с высокой миграционной активностью. Сюда приезжают как временно (трудовая миграция), так и на постоянное жительство. В частности, «Справочник мигранта» сообщает, что в край временно приезжают более ста тысяч трудовых мигрантов ежегодно [1, с. 2]. Две трети из них являются выходцами из Средней Азии [2, с. 411].

Часть иностранных (нерусских) мигрантов остаются в Красноярском крае на постоянное жительство. Точное их количество назвать сложно, поскольку в российском паспорте отсутствует графа «национальность». Официальная статистика не учитывает национальность мигрантов, а фиксирует только, откуда они прибыли и куда выехали. Обычно речь идет о следующих видах миграции: общей, внутрикраевой, межрегиональной, со странами СНГ, с другими странами.

Для понимания современного состояния миграционных процессов в крае рассмотрим итоги миграции за 2019, 2020 гг. и январь – июль 2021 г. [3].

За 2020 г. в Красноярский край прибыло 115 433 человека, выехало 113 591. Миграционный прирост составил 1 842 человека. В 2019 г. отмечалось миграционное снижение на 2 778 человек. На первый взгляд есть повод для оптимизма, ведь в 2020 г. был прирост. Но более внимательное рассмотрение проблемы развеивает его. Прирост, действительно, был. Но за счет чего он достигнут? Если брать межрегиональную миграцию, то мы увидим снижение на 1 445 человек: из других регионов РФ прибыло в край 34 159 человек, выехало 35 604. Правда, в 2019 г. показатель был еще хуже – минус 5 117 человек. За январь – июль 2021 г. в результате межрегиональной миграции край потерял 2 902 человека.

Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья отличается нестабильностью и большой роли не играет: в 2019 г. – прирост 212 человек, в 2020 г. – снижение на 566 человек, за январь – июль 2021 г. – прирост 158.

Интерес представляет международная миграция с государствами – участниками СНГ. Здесь мы видим стабильный прирост: в 2019 г. – 2 127 человек, в 2020 г. – 3 853, за январь – июль 2021 г. – 4 707.

Чтобы понять тенденции миграционных процессов, необходимо представить эти процессы в динамике. Вот как, например, выглядела структура внешней миграции в Красноярском крае в 2003–2015 гг. [4, с. 322–324]. Это временной отрезок между Всероссийской переписью населения 2002 г. и микропереписью 2015 г.

Всего за данный период официально прибыло в край 395 475 человек, в том числе из других регионов – 318 451 человек, из стран СНГ и Балтии – 71 259 человек, из других стран – 5 765 человек. Выбыло 391 479 человек, в том числе в другие регионы – 367 057 человек, в страны СНГ и Балтии – 16 387 человек, в другие страны – 8 035 человек. Итого за 13 лет миграционный прирост составил 3 996 человек. В принципе, сколько приехало, столько и уехало. Вопрос в том, кто приезжал и кто уезжал. Миграцию со странами дальнего зарубежья можно не принимать во внимание: минус 2 270 человек за 13 лет. Интерес представляет миграционный обмен с другими регионами и странами ближнего зарубежья (СНГ и Балтия).

Анализ статистических данных позволяет говорить об идущем замещении местных жителей выходцами из ближнего зарубежья. За период 2003–2015 гг. в результате миграционного обмена с другими регионами РФ Красноярский край потерял 48 606 человек. Уезжали в основном русские в европейскую часть страны. Прибывали же таджики, киргизы, узбеки, азербайджанцы, армяне и др. Сальдо миграции со странами СНГ и Балтии составило 54 872 человека. И это только легально въехавшие люди.

Краевые власти поощряют массовый въезд мигрантов. Вот некоторые примеры. В СФУ на международной конференции по проблемам миграций 1 декабря 2017 г. выступал заместитель начальника управления общественных связей губернатора Красноярского края Р. Г. Рафиков. Он отметил, что без мигрантов обойтись невозможно, но их необходимо адаптировать и интегрировать. Представитель администрации привел такую статистику: «В 2016 г. в крае встало на учет 180 тыс. иностранных граждан, а в 2017 г. еще больше» [2, с. 411].

Много или мало – 180 тысяч? Это сопоставимо с населением Норильска или двух городов вроде Канска. Откуда прибывали иностранные граждане? Две трети из них являлись выходцами из Средней Азии: из Таджикистана (29 %), Узбекистана (20 %), Кыргызстана (14 %) [2, с. 411].

На конференции 28 ноября 2020 г. вновь выступал Р. Г. Рафиков и отметил: «Мы должны бороться за мигрантов – это выгодно» [5, с. 227].

А вот слова из справочника для мигрантов: «Уважаемые гости, пожалуйста, помните, что приезжая в Красноярский край, вы получаете уникальную возможность наравне с коренным населением региона пользоваться созданными ими благами, промышленной, социальной, культурной инфраструктурой, а также рынком труда» [1, с. 4]. Справочник выпущен Управлением общественных связей губернатора Красноярского края.

В Красноярском крае действительно наблюдается дефицит рабочих рук. В частности, Л. Ю. Анисимова сообщает, что в 2012 г. для освоения районов Нижнего Приангарья не хватало примерно 600 тыс. человек [6, с. 52]. В дальнейшем ситуация не улучшилась: микроперепись населения 2015 г. зафиксировала снижение доли лиц трудоспособного возраста [4, с. 325].

Итак, судя по официальной статистике, миграционные тенденции последних лет продолжают: местное население убывает, пришлое растет. Вместе с тем официальных данных недостаточно для понимания проблем миграций. Не является откровением, что большое количество мигрантов создает угрозу для этнокультурной безопасности принимающей территории. Этнические мигранты склонны к созданию объединений, диаспор, и, таким образом, несмотря на нахождение на иной территории, они не включены в культуру этой территории и действуют в рамках закрытого национального сообщества.

В этой связи большое значение имеет изучение общественного мнения. В сентябре – ноябре 2020 г. автор статьи провел два опроса о проблемах внутренних и международных миграций. Частично результаты исследования представлены в ноябрьском (2021 г.) номере газеты «Сибирский форум. Интеллектуальный диалог» (корпоративное издание СФУ) [3]. Более подробно они будут изложены в других публикациях.

Сложная эпидемиологическая обстановка в регионе обусловила выбор разведывательного типа исследования. Он не претендует на репрезентативность, но позволяет углубить знания по определенной проблеме [7, с. 57, 58; 8, с. 111, 112]. Использовались неслучайные (стихийные) виды отбора: отбор «первого встречного» и цепная выборка по методу «снежного кома» [7, с. 98,

100, 101]. В первом случае опрашиваются те, кто попадает исследователю на улице, в учреждении и т. д. (при этом исследователь руководствуется соображениями удобства проведения опроса). В другом случае у респондентов выясняют, кто, по их мнению, мог бы еще принять участие в исследовании, как и где можно найти этих потенциальных респондентов. Таким образом «снежный ком» растет (до тех пор, пока не перестает приносить новую информацию).

Первый опрос охватил 200 студентов СФУ (100 юношей и 100 девушек). При этом одну половину респондентов составили студенты инженерных и технических специальностей, а другую – гуманитарных и творческих.

Второй опрос (массовый) также предполагал анкетирование 200 респондентов: 92 мужчин и 108 женщин. Возрастные группы три: 1) 18–29 лет, 2) 30–59 лет, 3) 60 лет и старше. Из первой группы было опрошено 48 человек (24,0 %), из второй – 107 человек (53,7 %), из третьей – 45 человек (22,3 %). Массовый опрос проводился в СФУ, Доме дружбы народов Красноярского края, общежитиях, библиотеках, магазинах и других общественных пространствах.

Помимо красноярцев, анкеты заполнили три жителя Канска и 15 жителей Енисейска. Канск находится на востоке региона, численность населения на 1 января 2020 г. – 88 917 человек. Енисейск приравнен к районам Крайнего Севера, численность населения на 1 января 2020 г. – 17 774 человека. Опрос в этих городах проводился дистанционно и разнообразил выборку.

Согласно результатам опросов межнациональные отношения в регионе не вызывают опасений. Большинство респондентов считают, что эти отношения развиваются так же или лучше, чем в целом по России.

Респондентам предлагался перечень из 11 аспектов миграции: приезд иностранных трудовых мигрантов; нелегальная миграция; отъезд местного населения; распространение вахты (за неимением возможности трудоустройства); «утечка мозгов» (отток высококвалифицированных специалистов и выпускников вузов); наплыв неквалифицированных трудовых ресурсов; рост преступности, криминальных группировок; рост ксенофобии; мигранты захватывают определенные экономические сферы; мигранты селятся компактно, создаются мигрантские анклав; коррупция в миграционной сфере. Их актуальность оценивалась по пятибалльной шкале (где 1 – самое низкое значение, 5 – самое высокое значение, 0 – явление отсутствует).

Опрос показал, что студентов и взрослых больше всего волнует «утечка мозгов», распространение вахты и отъезд местного населения. Что касается

приезда иностранных трудовых мигрантов, то эта проблема для местных жителей не на первом месте, хотя мнения здесь разделились.

Большинство студентов (44,5 %) одобряют приезд иностранцев («не надо ограничивать»), 20 % придерживаются противоположного мнения («надо ограничивать»), 35,5 % затруднились ответить. Взрослые, наоборот, в основном отрицательно относятся к приезду иностранцев (47,5 %), 27 % считают, что не надо ограничивать въезд, 25,5 % затруднились ответить (то есть имеется многочисленная колеблющаяся масса, чье мнение может легко измениться в ту или иную сторону).

В целом за последние годы отношение к мигрантам улучшилось. В 2016 г. красноярский социолог Д. О. Труфанов изучал характер восприятия иностранных трудовых мигрантов в Красноярском крае. Тогда 66 % респондентов (не студентов) согласились с тем, что надо ограничивать количество иностранных трудовых мигрантов в крае [2, с. 414]. Это намного больше, чем в 2020 г.

Потепление отношения к приезжающим иностранцам вызвано по крайней мере двумя причинами. Во-первых, изменением возрастного состава населения. За пять последних лет во взрослую жизнь вступили люди, родившиеся в нулевых годах, а представители более консервативных старших поколений частично выбыли. Другая причина – тенденции в миграционной политике РФ. Как отмечает Н. Н. Аблажей, «приезд большого количества мигрантов в Россию – уже свершившийся факт» [9, с. 3, 33], и Красноярский край здесь не исключение.

Большинство респондентов (60 % студентов и 63,5 % взрослых) назвали страны, откуда в Красноярский край приезжают мигранты – чаще всего среднеазиатские страны и Китай. И лишь 1,5 % взрослых и 7 % студентов считают, что у нас почти нет иностранных мигрантов. Затруднились ответить 33 % студентов и 35 % взрослых.

С российскими регионами сложнее: 48,5 % взрослых и 55,5 % студентов затруднились ответить, из каких регионов РФ приезжают люди в Красноярский край. Назвали такие регионы 26,5 % взрослых и 33,5 % студентов (чаще всего Хакасию, Тыву, Иркутскую область, Бурятию, Забайкальский край, Якутию, Дальний Восток). Считает, что к нам почти никто не приезжает из других регионов, 25 % взрослых и 11% студентов.

Надо сказать, большинство ответивших хорошо осведомлено о странах и регионах-донорах. Их оценки совпадают с данными официальной статистики.

Также большинство (52 % студентов и 61 % взрослых) признает наличие проблемы оттока населения из сельской местности в города. 22 % взрослых и 8,5 % студентов считают эту проблему большой для региона, но столько же (8,5%) студентов и 2,5 % взрослых такой проблемы не видят. 14 % студентов затруднились ответить. В обеих группах было оставлено по одному комментарию. Одна студентка написала: «Я не думаю, что это проблема. Молодые люди стремятся получить хорошее образование и престижную работу, следовательно, они и едут в город, так как в деревне делать нечего!» С ней солидарна другая девушка (не студентка): «Это не проблема, когда люди хотят жить лучше». Однако есть еще интересы государства, и здесь лучший вариант – равномерное распределение населения [10]. Но это решать политикам и хозяйственникам.

Когда не хватает своих рабочих рук, их привлекают извне. Но желательно, чтобы приезжали молодые и квалифицированные мигранты. Какие меры надо предпринять? Здесь мнение студентов и взрослых в основном совпало: надо предлагать рабочие места и социальное жилье. Молодые респонденты считают, что надо также выделять квоты для студентов, а взрослые – улучшить работу по программе поддержки соотечественников. Но только «в случае если это россияне» (другой вариант: «для русских людей!») А некоторые вообще против мигрантов (комментарии: «Не надо им приезжать», «Они не нужны», «Не нужны мигранты, своих задержите»).

Из результатов двух опросов следуют важные (и порой неожиданные) выводы. Прежде всего, следует отметить высокую степень толерантности местных жителей. Как оказалось, их не особо волнует приезд иностранных трудовых мигрантов. Больше тревожат другие проблемы: «утечка мозгов», распространение вахты и отъезд местного населения. Как можно видеть, все эти проблемы касаются коренного населения и лежат в экономической плоскости. Поэтому в экономической и миграционной политике следует усилить меры по удержанию собственного населения.

Студенты и работающее население по-разному относятся к приезду иностранных мигрантов: молодежь в основном настроена положительно, а взрослое население – отрицательно. И хотя за пять последних лет отношение к приезжим иностранцам значительно потеплело, имеется многочисленная колеблющаяся масса, чье мнение может легко измениться в ту или иную сторону.

Но в целом миграционную ситуацию в регионе можно оценить как удовлетворительную. Имеют место нелегальная миграция, наплыв неквалифици-

рованных кадров. Мигранты захватывают определенные экономические сферы, селятся компактно (создают мигрантские анклав). Однако данные проблемы не вызывают больших опасений и пока способны решаться местной властью.

Список литературы

1. Что должен знать трудовой мигрант, приезжающий в Красноярский край: справочник мигранта. Красноярск, 2019. 31 с.
2. Задорин А. В. Адаптация мигрантов как фактор развития экономики Красноярского края // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. С. 410–415.
3. Задорин А. В. Миграция в Красноярском крае // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2021. Ноябрь. С. 13.
4. Задорин А. В. Влияние внешней миграции на экономическую ситуацию в Красноярском крае в 1992–2017 гг.: некоторые аспекты // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: сб. ст. по материалам V Всеросс. науч. конф. (с междунар. участием). Барнаул: Пять Плюс, 2018. С. 321–327.
5. Задорин А. В. Структура занятости и уровень образования киргизов-мигрантов в Красноярском крае // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 227–235.
6. Анисимова Л. Ю. Итоги и перспективы развития социальной политики в Красноярском крае (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2012. № 1 (17). С. 49–52.
7. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. 176 с.
8. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2000. 596 с.
9. Аблажей Н. Н. Миграционная безопасность восточных регионов России. Новосибирск: НГУ, 2011. 124 с.
10. Обедков А. П. Особенности размещения населения и современные тенденции в развитии расселения в России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14-1. С. 863–870.

УДК 314.151:304.2

И. Г. Жигаев¹, А. А. Жигаева²

¹ *Заведующий отделом экспозиционной и выставочной деятельности Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, Красноярск, Россия*

² *Старший преподаватель Подготовительного отделения для иностранных обучающихся Института филологии и языкознания Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ КАК ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ МИГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «ИНВЕРСИЯ» КРАСНОЯРСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ В. И. СУРИКОВА)

Описана проблема привлечения новых миграционных потоков в регион и удержания оттока мигрантов определенного ценностного и креативного уровня. Важными факторами, влияющими на миграционные процессы, являются качество привлекаемого человеческого ресурса, возможность социальных инвестиций в человеческий ресурс, способы инклюзии мигрантов, формирование их самоидентификации и реализация их самопрезентации в новых условиях. Все это формирует имидж региона, делая его привлекательным для миграции. На примере регионального культурного проекта – просветительского фильма «Инверсия» – рассматривается реализация этих факторов.

Ключевые слова: миграция, человеческий ресурс, просветительский фильм, искусство, культурный проект.

The article describes the problem of attracting new migration flows of a certain value level to the region by the example of the implementation of a regional image-forming cultural project.

Keywords: migration, human resource, educational film, art, cultural project.

Актуальность данной исследовательской темы определена вниманием к современным этническим процессам, протекающим в среде коренного малочисленного населения Российской Федерации, а также актуальным состоянием и вопросам трансляции и сохранения их этнической идентичности. Стремление коренных народов возродить исторически утраченные культурные знания, поддержать свою этническую самобытность и заявить о себе в глобальном, государственном и региональном контекстах современности проявляется в разнообразии характера и форм выражения этнокультурной специфики.

По различным данным за последние годы в Красноярском крае фиксируют миграционную убыль населения [1]. Несмотря на то что увеличивается количество мигрантов из стран ближнего зарубежья, отток высококвалифицированных кадров большой, поэтому стоит проблема, с одной стороны, удержать население, с другой – привлечь более образованных и культурных людей.

В 2008 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция продвижения национального и региональных брендов страны [2], а также объявлена одним из приоритетных направлений для повышения образовательной и трудовой миграции Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г. [3].

Для того чтобы создать необходимые условия для различных видов миграции молодежи в регион, необходимо повышать уровень его социально-экономического развития, в том числе популяризировать имидж Красноярского края. Решение о миграции в регион принимается на основе того, что предлагаются выгодные условия для труда, образования, что регион привлекателен и популярен как место постоянного проживания [4]. Для этого необходимо менять уровень культурного развития региона, что влияет на качество привлекаемого человеческого ресурса и уровень его потребности в культурных благах [3].

Важным фактором экономического роста региона является человеческий капитал. Экономически целесообразно создавать в регионе условия, привлекающие поток человеческого капитала из других регионов и стран, а также ограничивающие отток собственного человеческого капитала. К таким условиям относятся высокий уровень жизни и безопасности [5], что требует инвестиций в различные области человеческой жизни, в частности в образование и культуру. К таким социально значимым инвестициям относят создание возможностей, ведущих к реализации творческого и образовательного потенциала человеческих ресурсов [6]. Инвестиции в человеческий капитал увеличивают его стоимость на рынке труда и сфере занятости, что демонстрирует экономический уровень региона, делает его привлекательным для миграции. Еще одним фактором, влияющим на привлекательность региона для миграции, является возможность работы в гуманитарной сфере.

Важной частью миграционных процессов является не только привлечение их в регион, но также адаптация (или, по-другому, инклюзия). Прибывшие мигранты проходят стадию социальной эксклюзии – тот период, когда они исключены из системы социальных отношений, которые дают

возможность пользоваться социальными и культурными благами, и становятся особо уязвимой группой населения. Поэтому важной частью эффективной социальной политики являются инклюзивные меры по отношению к мигрантам, для чего необходимо активно вовлекать их в различные сферы функционирования общества, в том числе и в культурную сферу, обеспечивать ресурсами по преодолению социальных и культурных барьеров [4], а также репрезентировать успешные примеры социальной инклюзии на различных уровнях и демонстрировать новые возможности по изменению социального статуса.

В процессе адаптации мигранты не только социализируются, но также выстраивают новые самоидентификацию и самопрезентацию с учетом нового контекста. Огромное значение в этом процессе имеют мультикультурные образовательные инициативы или коллаборации культурных институций с участием частных гражданских инициатив, где центральной фигурой является музей как организация, репрезентирующая те аспекты, из которых складываются региональные (и национальные) самосознание и самоидентификация, а также дающая пространство для тех социальных меньшинств, которые проживают в данном регионе [7].

Сегодня важнейшей региональной привлекательностью является возможность непосредственного контакта людей между собой, связанных общими интересами и ценностями, и окружающей действительностью. Подобную проблему можно решить, демонстрируя возможность реализации в регионе крупных проектов, причем проектов культурных, которые сразу демонстрируют востребованность в мигрантах определенного креативного уровня, а также показывают ценностные ориентации проживающих в регионе.

Одной из сфер человеческой жизнедеятельности, существенно влияющей на становление личности и ее социализацию, является искусство. Оно вместе с другими общественными институтами и формами включает личность в систему интересов и потребностей общества. Как известно, социальная значимость искусства определяется уровнем воздействия на систему потребностей, ценностей, ценностных ориентаций, мотиваций личности, способствует социальной инклюзии изолированных социумов [8], является долгосрочными социально значимыми инвестициями в человеческий капитал [6]. Таким образом, культурные проекты способны стать одним из важнейших факторов привлечения на территорию региона миграционных потоков необходимого культурного, ценностного и профессионального уровней.

Для того чтобы привлекать миграционные потоки посредством культурных проектов, важно учитывать следующие особенности. Для развития региона необходимы инициативные люди, которые могут быстро адаптироваться к имеющимся условиям, а также дольше работать, составляя важный объем и качество человеческого ресурса региона. Участники имиджеобразующих проектов должны относиться к группе молодежи (до 35 лет), чтобы привлекаемые мигранты увидели возможность для профессиональной реализации.

Одним из имиджеобразующих факторов региона являются уникальные, брендированные проекты. Создание такого проекта упрощается, если его реализует коллаборация различных институций, нежели одна организация. Кроме того, такой подход позволяет каждой из организаций участников проекта по-новому оценить свою основную деятельность, что способствует и развитию каждой организации, и успешности совместного проекта, а также представляет пример эффективной инклюзивной работы. Инклюзивность, демонстрируемая в рамках имиджеобразующего регионального проекта, можно экстраполировать на другие социальные взаимодействия, присущие данному региону, – общество становится более лояльно к мигрантам.

Другая сторона инклюзивности – выход проекта за рамки региона и дальше, за пределы страны. Возможность реализации глобальных проектов способна привлечь большее число мигрантов, стремящихся и способных выдерживать конкуренцию на межрегиональном и мировом уровнях.

Еще одним аспектом для мигрантов, повышающим привлекательность участия в проектах, реализуемых на территории региона, является возможность взаимодействия с ведущими специалистами данной отрасли: чем выше уровень специалистов (региональный, всероссийский, мировой), тем выше возможность повысить свой профессиональный уровень для участников проекта при взаимодействии с ними. Для пользователей конечного продукта повышается ценность этого продукта, а также имиджа региона.

Имиджеобразующий региональный проект должен быть ориентирован на максимально широкую аудиторию: от специалиста в данной области до обычного потребителя конечного продукта. Это может быть достигнуто за счет использования максимально простого и доступного языка, но без ущерба содержательности. Многослойность содержания способствует более успешной адаптации мигрантов, которые могут взаимодействовать с продуктом не единожды.

Развитие цифровой среды позволяет сказать о том, что существует виртуальная инфраструктура, которая способна транслировать бренд региона в ми-

ровое интернет-пространство, одновременно отсылая к конкретной географической точке, что позволяет интернет-пользователям узнавать преимущества региона. Поэтому целесообразно для привлечения миграционных потоков использовать возможности виртуального пространства, но делать проект на региональном материале.

Совмещение новаторских и традиционных подходов к созданию проекта и форм этого проекта увеличивает количество потребителей проекта, что позволяет нам экстраполировать результаты на миграционные процессы, поскольку с одной стороны традиционность демонстрирует узнаваемость, привычность и, в конце концов, безопасность, что является важным условием миграции, а с другой стороны, новаторство показывает перспективы возможного развития и является способом привлечения внимания к проекту, а значит, и к региону.

В качестве примера такого культурного имиджеобразующего проекта будет рассмотрен просветительский фильм «Инверсия», созданный Красноярским художественным музеем им. В. И. Сурикова и красноярской киностудией Sayanfilm.

Фильм состоит из пяти новелл по пяти произведениям искусства, которые находятся в Красноярске (региональном центре Красноярского края). Четыре произведения из коллекции художественного музея им. В. И. Сурикова:

- икона «Грозный воевода небесных сил Архистратиг Михаил» (XVIII в., сибирская школа иконописи, неизвестный иконописец);
- картина В. И. Сурикова «Милосердный самарянин» (1874 г.);
- картина К. С. Малевича «Дама, играющая на рояле» (1914 г.);
- скульптура Д. Б. Намдакова «Полет» (2007 г.).

А пятое произведение – особняк Веры Гадаловой (1913 г., архитектор В. А. Соколовский), в котором сейчас находится музей им. В. И. Сурикова.

В. И. Суриков, К. С. Малевич и Д. Б. Намдаков являются всемирно известными художниками, и выбранные для фильма «Инверсия» произведения являются важными работами в их творчестве, что говорит о востребованности данных произведений искусства у зрителей и исследователей всего мира.

Икона является уникальным произведением сибирской школы иконописи, а особняк – репрезентантом архитектуры сибирского модерна. Искусство Сибири имеет определенную специфику, которая может быть интересна не только исследователям, но и широкому кругу зрителей, потому что является важной частью культурных и исторических процессов, происходящих в реги-

оне, а также повышает значимость привлекательности региона для тех, кто в нем проживает, способствует самоидентификации.

Фильм «Инверсия» находится в открытом доступе на официальном YouTube-канале художественного музея им. В. И. Сурикова, ссылки на фильм размещены во всех официальных соцсетях музея и на образовательном портале музея «Музейная академия». Это позволяет зрителю, находясь в любой точке мира, посмотреть этот фильм, который отсылает к произведениям, находящимся в конкретном регионе, в конкретном музее, но непосредственно взаимодействовать с оригиналами можно только в музее, для чего необходимо посетить регион.

Фильм состоит из пяти частей. Каждая из частей имеет свою особенную форму, совмещающие новаторские и традиционные подходы. Первая новелла – это экскурсия по особняку Веры Гадаловой. Новаторство в данной новелле заключается в том, что экскурсия сделана в форме рассказа риелтора. Вторая новелла имеет форму псевдодокументального фильма о съемке кино о картине В. И. Сурикова. Совмещение псевдодокументального и игрового позволило авторам раскрыть все трудности анализа живописного полотна. Третья новелла представляет собой традиционное искусствоведческое исследование произведения К. С. Малевича, но в форме детективного расследования. В четвертой новелле зрители различного уровня подготовки, разного возраста, профессий, ценностей, конфессий анализируют сибирскую икону – и все это в форме интервью. В пятой новелле авторы фильма берут интервью у Д. Б. Намдакова, но так как тема интервью для автора была неожиданная, благодаря этому удалось снять искренние эмоции и интимный рассказ художника о своем произведении.

Новеллы построены от максимально простого формата (реклама) к все более сложным (интервью с художником), поэтому рассчитаны на аудиторию различного уровня подготовки: как простого зрителя, так и специалиста в области искусства. Фильм «Инверсия» — это единый фильм из пяти частей, но каждая из них может быть использована по отдельности в зависимости от задачи, выполняя не только просветительскую и образовательную цели, а также является качественным продуктом, формирующим имидж региона.

При создании фильма были привлечены специалисты из различных областей: священники, инженеры, психологи, искусствоведы, рентгенологи, а также эксперты регионального и мирового уровней (руководитель службы по контролю в области градостроительной деятельности Красноярского края К. Ю. Шумов; исследователи творчества К. С. Малевича А. С. Шат-

ских, А. А. Арзамасцев, А. Д. Сарабьянов, А. Б. Наков). Коллаборация с различными организациями и специалистами демонстрирует возможность создания таких межинституциональных проектов на региональном и мировом уровнях.

Идея авторов фильма была такова, что зрителю могут быть интересны не только произведения искусства, находящиеся в музее, но и способы искусствоведческого анализа и музейной исследовательской работы, а также создание контента такого уровня имеющимися средствами.

Для того чтобы осуществить такой масштабный проект, необходимо было привлечь специалистов (красноярскую киностудию Sayanfilm), сотрудники которой не только участвовали в написании сценариев, съемке и монтаже фильма, но и обучали сотрудников музея кинопроизводству. Финансовая поддержка была оказана Благотворительным фондом Владимира Потанина (музей стал победителем конкурса «Общее дело» благотворительной программы «Эффективная филантропия»). Поддержку также оказывали другие организации и частные лица. Только при таком взаимодействии субъектов возможно создание качественного культурного проекта, влияющего на имидж региона, являющегося репрезентантом культурных ценностей людей, проживающих здесь.

Все участники рабочей группы не достигли 40 лет, причем большинству из них меньше 30, что демонстрирует возможность создания масштабных и амбициозных проектов молодыми людьми.

Отдельно хочется отметить, что одна из ключевых фигур рабочей группы по созданию фильма – режиссер Василий Буйлов – является примером обратной миграции: он вернулся из США в Красноярск и создал свою кинокомпанию. А один из героев фильма, Даши Намдаков, являясь всемирно известным художником, жившим и работавшим в различных странах, создал и развивает проект «Тужи» – лэнд-арт парк, находящийся на его родине в Забайкальском крае. Эти примеры являются важным ценностным ориентиром для мигрантов.

Таким образом, фильм «Инверсия» красноярского художественного музея им В. И. Сурикова является проектом, способным привлечь миграционные потоки, ценностно ориентированные на креативность, развитие, деятельностный подход в работе, высокий уровень культуры, а также удержать имеющиеся высококвалифицированные кадры.

Список литературы

1. Миграция населения в январе – октябре 2021 года // Управление федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/142425/document/146684> (дата обращения: 25.10.2021).
2. Вагина Е. А. Влияние бренда территории на возможные миграционные процессы в Красноярском крае // PR и реклама: традиции и инновации. 2014. № 14-2. С. 272–276.
3. Лебедкина Н. С., Александрова Ю. К., Орлова В. В. Анализ миграционных потоков молодежи на территории субъектов Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2 (41). С. 57–72.
4. Очирова Г. Н. Образовательная миграция из Республики Бурятия: факторы, масштабы и направления // Вестник университета. 2021. № 4. С. 181–188.
5. Карова Е. А. Миграция человеческого капитала // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12, № 1.
6. Музыченко Н. П. Накопление и развитие человеческого капитала на Дальнем Востоке России // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-3 (103). С. 99–103.
7. Летняков Д. Э. Массовые миграции и трансформация исторической памяти принимающих сообществ: случай Великобритании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 3. С. 86–109.
8. Шеремет А. Н. Социальный театр как способ преодоления социальной эксклюзии // Социология. 2021. № 4. С. 227–235.

УДК 304.44

Ю. С. Замараева

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА*

Статья посвящена уникальности советской национальной культурной политики, которая заключалась в широкомасштабном управлении социально-культурными процессами. Лидеры и идеологи правящей в СССР Коммунистической партии, предпринимая решительное наступление «социалистической» идеологии на идеологию «буржуазную», уделяли огромное внимание культурной революции как мощному средству организации социоцентрически религиозной связи пролетарски ангажированного человека с советским социумом. Именно в начале существования советской власти большевики придавали сфере культуры очень большое значение. Понятие «культура» официально стало употребляться с 1919 г. для привлечения социального внимания и вовлечения трудящихся в общее управление и руководство государством через достижение ими «культурного равенства» с правящей партией (коммунистическим пролетариатом). По сути, речь шла о переконструировании общественного сознания посредством культурной политики ради принятия и достижения целей строительства социализма.

Ключевые слова: национальная культурная политика, Советский Союз, культурная революция, сложные формы социальной (групповой) идентичности, этнокультурная идентичность.

The article is devoted to the consideration of the uniqueness of the Soviet national cultural policy, which was concluded in the large-scale management of socio-cultural processes. The leaders and ideologists of the ruling Communist Party in the USSR, undertaking a decisive offensive of the “socialist” ideology against the “bourgeois” ideology, paid great attention to the cultural revolution as a powerful means of organizing a sociocentric religious connection between a proletarian biased person and the Soviet society. It was at the beginning of the existence of Soviet power that the Bolsheviks attached great importance to the sphere of culture. The concept of “culture” has been officially used since 1919 to attract

---

© Замараева Ю. С., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.

Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43014.

social attention and involve workers in the overall management and leadership of the state through their achievement of “cultural equality” with the ruling party (communist proletariat). In essence, it was about redesigning public consciousness through cultural policy for the sake of accepting and achieving the goals of building socialism.

Keywords: national cultural policy, Soviet Union, cultural revolution, complex forms of social (group) identity, ethno-cultural identity.

Для анализа динамики культурной национальной политики Советского Союза мы обратимся к анализу коллективного исследования «Время, вперед! Культурная политика в СССР», осуществленному под руководством В. А. Куренного, российского философа и культуролога, считающего, что современная государственная культурная политика во многом определяется наследием советской системы культурных учреждений, а созданный в советское время контур культурных институтов и культурной политики продолжает существовать по сию пору [1, с. 12–35].

Наиболее важен в определении генезиса современного состояния культуры в России динамичный этап формирования культурной национальной политики – 1922–1939 гг., в течение которых была осуществлена культурная революция. На многочисленных партийных съездах проходили коллективные обсуждения и принимались управленческие решения. Регулярность их проведения, тщательно зафиксированная в документах, позволяет понять эволюцию представлений о культуре во временной динамике. Согласно В. А. Куренному, именно тогда большевики совершили гигантский антропологический эксперимент, который был нацелен на трансформацию человеческого капитала (формирование нового человека), а также на формирование новой интеллигенции посредством уничтожения старой.

Решающую роль в изобретении культурной революции сыграл В. И. Ленин, который, будучи главой государства, ясно осознал проблему несоответствия поставленных большевиками задач и их представлений об обществе, которым они хотели управлять. В последние годы своей жизни Ленин интенсивно настаивал на том, что главная проблема советской власти – это люди, и после решения политических задач захвата власти перед управленцами встают в первую очередь задачи культурные. Он неоднократно об этом говорит в своих выступлениях и текстах последних лет жизни («Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации» и др.). Чрезвычайно остро в одной из своих работ «О кооперации» (1923) В. И. Ленин пишет о необходимости всемерно

повышать культурный уровень крестьянства посредством культурной революции, а также осуществлять стратегию строительства социализма и коммунизма: «нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы... раньше центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную "культурную" работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству... Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база) <...> культурная революция – это... целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [2, с. 369–377, 372].

Во-первых, для организационной работы в построении социализма и коммунизма требовались высококвалифицированные специалисты, было необходимо подготовить новое поколение интеллигенции, которое реализует решение задач культурной политики. Еще в 1919 г. в ходе VIII съезда Российской коммунистической партии (большевиков) (далее – РКП(б)) в отчетном докладе Центрального комитета В. И. Ленин формулирует необходимость во временном привлечении культурно-буржуазного аппарата специалистов для решения задач культурной политики большевиков [3, с. 80]. Значение «временного» привлечения проявилось немногим позже, когда старый аппарат власти (буржуазная интеллигенция) был репрессирован и ликвидирован в ходе «большого террора» (1937–1938). В 1917–1920-х гг. «буржуазные» специалисты-организаторы мыслились наследниками капиталистической культуры, технической и культурной силой, чьи знания и опыт могли помочь в построении социализма. Согласно Р. З. Хестанову, «Неслучайно В. И. Лениным упомянуто слово "культурничество", которым еще в дореволюционное время обозначалась просветительская деятельность русской интеллигенции по распространению знания и грамотности в народе, однако с позиции большевиков

оно приобрело значение пропаганды прогрессивной идеологии», которую должен был осуществить авангард рабочего класса [3, с. 81].

На примере трансформации культурных практик в области искусства можно проследить, как коммунистическая партия стала осуществлять руководство культурно-художественным процессом с целью развития «социалистического реализма». В ноябре 1917 г. был ликвидирован старый министерский аппарат, который ведал Академией художеств и картинными галереями. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) начал осуществлять государственное управление всеми учреждениями искусства: при отделе искусства созданы две художественные коллегии (Петроградская и Московская). В июне 1918 г. были национализированы Эрмитаж и Третьяковская галерея, создан Государственный музейный фонд для хранения и распределения национализированных художественных ценностей. Декретом Совнаркома от 13 апреля 1918 г. Императорская Академия художеств была ликвидирована, а 10 октября на ее месте открылись Петроградские государственные свободные учебно-художественные мастерские. На базе Московского училища живописи, ваяния и зодчества, а также Строгановского художественно-промышленного училища были созданы такие же мастерские. В ходе реорганизации факультеты были упразднены, ученики, пользуясь правом решающего голоса во всех вопросах внутреннего распорядка, вольны были сами выбирать себе учителей. Конкурсные экзамены были отменены, прием учащихся продолжался в течение всего года, сроки обучения не были установлены. Метод преподавания зависел от творческого направления руководителя мастерской. Весьма важным документом, повлиявшим на становление и развитии принципов «социалистического реализма», стал декрет Совнаркома (Совета народных комиссаров) от 12 апреля 1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции». Этот декрет положил начало знаменитому плану «монументальной пропаганды», предусматривающему с помощью видов и жанров изобразительного искусства вести политическое и коммунистическое воспитание трудящихся. В условиях советского общества производства монументального искусства (как скульптурные, так и живописные) широко использованы как мощное средство политической пропаганды и воспитания граждан страны Советов в духе социоцентрически религиозных идей. Совнарком рассмотрел и утвердил «Список лиц, коим предположено поставить монументы в Москве и других городах РСФСР» 30 июля 1918 г.

Среди других в данный список были включены такие личности, как Спартак, Брут, Маркс, Энгельс, Робеспьер, Герцен, Толстой, Пушкин, Ломоносов, Рублев, Врубель, Мусоргский, Комиссаржевская, Мочалов. С 1918 по 1920 г. в Москве было изготовлено и установлено двадцать пять, а в Петрограде – пятнадцать памятников. В церемонии их открытия неоднократно принимал участие лично В. И. Ленин. В годы Гражданской войны стремительное развитие получили произведения агитационно-массовые. Возникла новая форма изобразительного искусства – оформление городов в дни революционных праздников и народных демонстраций. Важной формой пропаганды коммунистических идей стало художественное оформление агитационных поездов, пароходов и автомобилей ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет). Задачи революционной мобилизации масс на борьбу за социалистическое переустройство страны с 1917 по 1920 г. решались с помощью наиболее массовых жанров изобразительного искусства – политического плаката и карикатуры. Первые советские плакаты в 1918 г. выпускало издательство ВЦИК. Основную массу печатных плакатов с середины 1919 г. издавало политическое управление Реввоенсовета республики, а с весны 1920 г. – Государственное издательство. В этот период зачина «социалистического реализма» по всей стране было организовано огромное число художественных выставок. Например, в 1919 г. в Петрограде в восемнадцати залах Эрмитажа была открыта большая выставка произведений художников всех существовавших в стране направлений. В Москве в течение 1918–1919 гг. открылось более 29 художественных выставок. В. И. Жуковский, философ и искусствовед, отмечает: «В первые послереволюционные годы наиболее активно проявили себя художники таких направлений, как «кубофутуризм», «абстракционизм», «супрематизм». Некоторые из лидеров «левых», как именовали подобные направления в стране, такие как В. В. Кандинский, К. С. Малевич, Н. И. Альтман, были даже приглашены на ответственные посты в отдел изобразительного искусства Наркомпроса» [4]. Что же касается художников, входивших в «правые» объединения, в основном примыкавшие к направлению реализма, то в это время они в основном выступали в роли пассивных хранителей живописных традиций XIX столетия, прежде всего заповедей «Товарищества передвижных художественных выставок». Объединяющей целью для мастеров авангардного искусства становится визуализация идеи «социалистического реализма»: правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии (определение из Большой

советской энциклопедии). Как художественный этот метод возник в начале XX в., а терминологически оформился в 1934 г. на Первом съезде писателей СССР.

Таким образом, на раннем этапе внедрения коммунистической идеологии в Советском Союзе в качестве государственной избранной целью становится коренное преобразование человеческой деятельности, направленной на построение социалистической реальности. Сфере искусства предписана идеологическая задача посредством художественных практик трансформировать человеческое сознание, достоверно и правдиво оплотняя идеи общественной жизни страны Советов, олицетворяющей связь человека с другими людьми в пространстве городской культуры. Создаются новые портретные образы, изображения коммунистических праздников и праздничного оформления городов, афиши театральных постановок (например, «1918 г. в Петрограде», 1920, К. С. Петров-Водкин; «Большевик», 1920, Б. М. Кустодиев; «Новая планета», 1921, К. Ф. Юон и др.). Эпоха авангарда как раннесоветский этап истории искусства оформилась благодаря усилиям художественной интеллигенции, которая внешним образом оформляла идеологический дискурс.

Во-вторых, повышение культурного уровня среди рабочих людей расценивалось большевиками как необходимый элемент роста производительности труда: «без повышения материального и духовного уровня трудящихся масс нельзя достигнуть прочного повышения производительности труда и рационализации трудовых производственных процессов. Профсоюзы должны обратить самое серьезное внимание... на поднятие культурного уровня производителей путем ликвидации безграмотности, работы по профессионально-техническому образованию, устройству школ грамотности, краткосрочных курсов и т. п.» [5, с. 536]. С целью повышения культурного уровня ставились задачи преодоления бюрократического управления (принуждения к работе посредством дисциплинарных практик), вовлечения всего населения в управление Советским государством, приведения к самоуправлению и, таким образом, освобождению от прежней государственной власти [6, с. 395–396]. Иными словами, культурно мотивированные специалисты, прошедшие процесс культурного (в том числе, идеологического) воспитания, мыслились как более способные к пониманию задач новой власти и замене прежних специалистов в профессиональной работе. В ленинском проекте культура виделась механизмом управления Советами для трудящихся через передовой слой пролетариата [3, с. 82]. В связи с этим формирование социальной идентичности

происходило посредством культурно-массового просвещения о новом времени с целью постепенного формирования интеллектуального поколения молодых людей, готовых работать на благо советского общества.

В. А. Куренной определяет пять факторов, два из которых характеризуют советскую социальную и культурную ситуации в период реализации Советского проекта: 1) «беспрецедентное вытеснение религии из общественной жизни, в результате чего именно интеллигенции в советском обществе досталась роль хранителя моральных образцов поведения»; 2) вера в научно-технологическое знание, которое развивалось центростремительно и было призвано реализовать задачу построения коммунистического общества (выстраивание системы массового обучения и ее централизованное управление) [7, с. 52–56].

В понятие «культура» был заложен еще один важный смысл новой национальной политики: устранение культурного неравенства через оказание помощи (хозяйственной, политической, культурной) «отставшим народам». Сама идея проявилась в ленинском проекте культурной революции, что зафиксировано в материалах VIII съезда РКП(б): «Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить... Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир – значит "угнетатель", "мошенник"» [6, с. 106]. По мнению главы государства, это неравенство должно было быть уничтожено посредством политики «позитивной дискриминации» с целью введения особых режимов управления нерусскими регионами России и их национального ранжирования по признаку достигнутого «уровня культуры». Низкий уровень культуры обозначал наличие проблем и трудностей у той или иной национальности, развитый уровень причислялся к достижению стратегических целей и тактики правящей партии, победе над государственностью и бюрократией. Понятия «культура» и «управление» понимались тождественными друг другу: «...упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти» [8, с. 560] или «начиная уже с ближайшего года на культуру мы должны давать относительно больше, чем даже на восстановление хозяйства... Без быстрого культурного роста мы не сможем по-настоящему переконструировать наше хозяйство» [8, с. 779].

Эту идею активно поддерживал И. В. Сталин. Ровно через год в материалах X съезда РКП(б) (март 1921 г.) в речи И. В. Сталина звучит тезис, что Со-

ветскому государству досталось «исторически унаследованное неравенство ввиду хозяйственной, политической и культурной отсталости. Суть этого неравенства национальностей состоит в том, что мы, в силу исторического развития, получили от прошлого наследство, по которому одна национальность, именно великоросская, оказалась более развитой в политическом и промышленном отношении, чем другие национальности. Отсюда фактическое неравенство... которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым национальностям» [9, с. 188]. Задача Партии, зафиксированная в резолюции X съезда, состоит в том, чтобы «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им» [10, с. 573–583].

Смысл новой культурной национальной политики получил серьезную разработку именно с 1922 по 1939 г., когда потребовались комплексные меры для развития личности, интеллектуально и физически готовой участвовать в реализации специфических индустриальных и социально-политических задач. В декабре 1922 г. по предложению ЦК РКП(б) произошло объединение страны на новых принципах, Россия была превращена в Союз Советских Социалистических Республик (СССР). В этом же году решается вопрос перехода к новой экономической политике (НЭПу) и формулируется насущная задача культурной революции. Этот решающий поворот к проблематике культуры зафиксирован в материалах XII съезда РКП(б), когда было необходимо удержать как внешнеполитическое положение Советского Союза после экономического кризиса 1920 г., так и увеличить внутреннее развитие промышленного производства, играющего немаловажное значение в укреплении социоцентрической идеологии. После окончания Гражданской войны Советскому государству необходимо было в кратчайшие сроки ликвидировать хозяйственную разруху, реконструировать народное хозяйство, преодолеть экономическую отсталость. Как отмечает Б. Кагарлицкий, анализирующий суть советской национальной политики рубежа 1920–1930-х гг.: «Слом старой социальной системы, появление нового государства и резкое изменение господствующей идеологии на культурном уровне запустили совершенно новую динамику, породили новые приоритеты» (Кагарлицкий, 2013: 50-63).

С 1924 года генеральный секретарь Центрального комитета (далее – ЦК) Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП(б)) И. В. Сталин фактически начинает осуществлять управление государством, и в национальной политике происходит резкий переход от авторитарного

к тоталитарному политическому режиму, поскольку для реализации будущих проектов коллективизации и индустриализации требовалось окончательное искоренение неграмотности: «репрессивно-принудительный механизм сталинского порядка обеспечил повсеместное внедрение новых культурных норм, поскольку без них система просто не могла двигаться дальше. Это тоталитарное «принуждение к культуре» не могло не отразиться на самом содержании процесса, его идеологии и ценностях. Если в первые послереволюционные годы распространение просвещения и культурный прогресс масс имели для авторов самостоятельную ценность, хотя и увязывались с общими задачами революционных преобразований и хозяйственного развития, то во второй половине 1920-х годов все более акцентируется именно связь между культурными достижениями общества и формированием социалистической промышленности» [11, с. 55].

В том же году начинается проект по национально-государственному размежеванию Российской Советской Федеративной Социалистической республики (далее – РСФСР) на административно-территориальные единицы (союзные республики, автономные Советские Социалистические Республики (далее – ССР), автономные области и округа), внутри которых создаются укрупненные районы и т. д., что, безусловно, указывает на факт перехода к реальному культурно-политическому формированию нового союзного качества, основанного на равенстве уникальных и самобытных этнокультурных групп.

Необходимо оговорить, что в 1920–1930-е гг. по замыслу Народного комиссариата по делам национальностей во главе со И. В. Сталиным были поставлены две задачи: 1) ликвидация безграмотности и рост образования, 2) создание национальных языков для удовлетворения потребности в идентичности. Совокупное их решение формировало границу, отделяющую постреволюционную Россию от ассимиляции с «великоросской» царской Империей и выстраивающую новую этнокультурную и этноязыковую основу для интеграционного развития «многонациональной советской общности». Возращение национального самосознания уже существующих этнических групп мыслилось путем удовлетворения их культурных предпочтений и ориентиров, на что и были направлены проекты по национализации меньшинств (языковая политика) и «коренизация» (подготовка и продвижение на руководящие должности представителей местных национальностей). В 1930-е гг. реализацией Концепции культурного строительства на территории Крайнего Севера занимались

руководители Народного комиссариата просвещения РСФСР и Центрального исполнительного комитета СССР.

Таким образом, с 1920 г. до начала распада СССР в ходе длительного процесса решения задач культурной революции не только состоялся масштабный социоантропологический эксперимент по формированию новой культурной и социальной действительности. Это было время создания новой культурной национальной политики, динамично воспроизводящей сложные формы социальной (групповой) идентичности. Этнические группы коренных малочисленных народов в советское время под влиянием культурно-политических практик, получая терминологические статусы «народностей», «национальных культур», «нерусских», «национальностей», прошли путь трансформации, не потеряв этнического (этнокультурного) самосознания. Это очень важный факт для объяснения реальных процессов этнической идентификации и самоидентификации как базы для формирования сложных форм этнокультурной идентичности.

Анализ динамики культурной национальной политики в советский период позволил зафиксировать уникальность феномена советской культурной политики как части культурного механизма, направленного на трансформацию психоментального комплекса этносов и, как следствие, их преобразование в этнокультурные группы. Иными словами, этнические группы под влиянием активно внедряющихся культурных практик приобретают ценностное качество выступать основой этнокультурной идентичности, а также основой для формирования более сложных форм этнокультурной идентичности. Необходимо отметить, что с 1950-х годов советская культурная политика по отношению к активному нациестроительству сбавляет свою интенсивность и в 1953 г. ее кураторство переходит к Министерству культуры СССР, но этнокультурные группы, сформировавшиеся в предшествующий период, продолжили свое существование, сохраняя и культивируя свою этническую самобытность уже в иных форматах и практиках.

Список литературы

1. Куренной В. Советский эксперимент строительства институтов // *Время, вперед! Культурная политика в СССР* / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 12–35.
2. Ленин В. И. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 369–377. URL: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/cooperation.html> (дата обращения 15.10.2020).
3. Хестанов Р. З. Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917–1953) // *Социология власти*. 2012. № 8.

4. Всеобщая история искусства / под ред. В. И. Жуковского. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. 1021 с.
5. Тезисы М. П. Томского. О задачах профессиональных союзов // IX съезд РКП(б). Протоколы съездов и конференции Всесоюзной коммунистической партии (март – апрель 1920 г.) / под ред. Н.Л. Мещерякова. М.: Партийное изд-во, 1934. URL: http://istmat.info/files/uploads/51515/9_sezd._1934_g.pdf (дата обращения: 20.10.2020).
6. VIII съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы / под ред. Е. Ярославского. М.: Госполитиздат, 1959. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/К/КПСС/_КПСС.html#008 (дата обращения: 22.10.2020).
7. Мыслящая Россия: Интеллектуально-активная группа / под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии». 2008. С. 52–56. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/83cns1gwx/direct/80283861> (дата обращения: 25.10.2020).
8. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт. М.; Л.: ГИЗ, 1928. URL: http://istmat.info/files/uploads/51896/15_sezd._1928_g.pdf (дата обращения: 27.10.2020).
9. Сталин И. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе // X съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М.: Партиздат, 1933. С. 188. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/К/КПСС/_КПСС.html#010 (дата обращения: 27.10.2020).
10. Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» // X съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М.: Партиздат, 1933. С. 573–583.
11. Кагарлицкий Б. Советская политика и традиция просвещения // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глушенко, В. А. Куренного. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 50–63.
12. Березюк С. В. Стилиевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 2. С. 32–40.
13. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.
14. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.
15. Замаева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
16. Замаева Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 600–600.
17. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
18. Колесник М. А., Смолина М. Г. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 41–53.
19. Копцева Н. П., Колесник М. А. Формирование позитивной культурной идентичности как фактор национальной безопасности современной России. Результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «русское» (на материале исследования студенческих

- групп Сибирского федерального университета) // Национальная безопасность / nota bene. – 2016. – № 1. – С. 129–148.
20. Копцева Н. П., Лобакова Н. М. Формирование российской культурной идентичности в образовательной деятельности современного университета посредством изучения истории русского изобразительного искусства // Педагогика искусства. 2012. № 4. С. 7–29.
  21. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.
  22. Крупкина К. А. Концептуальные основания этнических исследований // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 8–16.
  23. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
  24. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.
  25. Пашова Э. В. Тенденции и практики взаимодействия с коренными и коренными малочисленными народами в области образования // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 39–51.
  26. Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа / Ю. Н. Авдеева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 3. С. 8–25.
  27. Пчелкина Д. С., Авдеева Ю. Н. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве: концептуальный анализ // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 143–152.
  28. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.
  29. Середкина Н. Н. Антропологические и этнологические подходы к изучению общероссийской гражданской идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2022. № 1 (3). С. 111–121. DOI:10.31804/2542-1816-2022-6-1-111-121.
  30. Середкина Н. Н., Пименова Н. Н., Шпак А. А. Научно-популярное издание для детей «Народы России» как исторический источник // Былые годы. 2021. № 16. С. 1972–1980.
  31. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
  32. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
  33. Социалистический реализм // Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article104892.html> (дата обращения: 20.10.2020).
  34. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.

35. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
36. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.
37. Шпак А. А., Пчелкина Д. С. Формирование сложны идентичностей и процессы этнической самоидентификации (на материале анализа регионов Сибирского федерального округа) // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 2. С. 86–96.
38. Эвенкийский национальной (автономный) округ в контексте советской национальной политики 1920–1970 гг. / Н. Н. Середкина и др. // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 3. С. 77–88.
39. Degtyarenko K. A., Seredkina N. N., Shpak A. A. Historiography of studies of ethnocultural dynamics in the Republic of Khakassia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14 (6). P. 782–796. DOI: 10.17516/1997–1370–0760.
40. Social Transformation of Social Values of Indigenous Peoples of the North (Siberia) / N. Koptseva [et al.] // Man in India. 2017. Vol. 97 (26). P. 97–106.

УДК 304.444

М. А. Колесник

Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В 1917–1920-е гг.*

В статье дано описание основных векторов развития советской национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, сформированных в течение первых лет существования нового государства. Именно в этот период закладываются гуманистическая составляющая политики, создаются многочисленные учреждения и органы управления, призванные реализовывать в жизнь те положения, которые провозглашаются в декларациях и декретах. Уже в течение 1920-х гг. жизнь коренных народов Севера сильно меняется на самых разных уровнях: социальном, производственном, бытовом, правовом.

Ключевые слова: Коренные малочисленные народы Севера, культурное строительство на Севере, национальная политика СССР, этнокультурная политика СССР.

Начальный этап в советской национальной политике явился определяющим для его ключевой идеологической составляющей, поскольку именно в первые годы существования нового государства и следующего за ними десятилетия были сформированы важнейшие учреждения и органы государственного контроля и управления, проводившие реформирование жизни северных народов. Именно относительно данного периода можно говорить о поворотном этапе в судьбе коренных малочисленных народов Севера.

С самого первого дня прихода большевиков к власти в стране определились и документально закрепились основные идеологические константы в национальной политике. Свидетельством этому являются обращение II Всероссийского съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам!» от 7 (25) октября 1917 г., «Декларация прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 г. Эти

© Колесник М. А., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.

Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43014.

документы закрепили право на самоопределение, равенство в правах и возможность выбирать путь развития для всех народов, населяющих страну, не исключая и малые коренные народы Севера.

26 октября (8 ноября) 1917 г. Декретом Второго Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства [1, с. 20–21] был учрежден Народный комиссариат по национальным делам (Наркомнац). Управление страной отныне осуществлялось Советом народных комиссаров, в состав которого входили ответственные за различные отрасли государственного управления. Активная работа проводилась комиссарами в регионах среди представителей национальных меньшинств, для чего создавались губотнацы и уотнацы (губернские и уездные отделы, занимавшиеся делами национальностей), а также культурно-просветительские комиссии [2]. Также в отчете о работе Наркомнаца сообщается о создании Отдела национальных меньшинств, в чем, разумеется, выражалась забота государства о всех народах, пусть еще и не способных принимать активное участие в политической жизни страны, не созревших на данном этапе до самоорганизации, позволяющей выстроить собственную автономию в пределах допустимого законами и идеологией.

9 (22) ноября 1917 г. вышел Декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению, в состав которой входило пятнадцать отделов. Уже через год Наркомпрос обнародует Постановление «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. [3, с. 1101–1102]. Отныне все национальности имеют право на организацию образования на родном языке на всех его ступенях, но при этом также необходимо было изучать язык большинства населения конкретного региона.

Большое значение в судьбе коренных народов Севера сыграли национализация земель и предприятий. В 1919 г. была создана Комиссия по Северу, ставившая перед собой исключительно практические задачи, но среди них были и такие, как изучение промыслов на северных территориях: рыболовства, оленеводства и охотничьего промысла. Экспедиции, направленные на Север, изначально ставившие перед собой задачу снабжения продовольствием, стали обращать внимание на экономические аспекты развития региона, предлагали программы исследований для развития региона [4, с. 447–464].

В 1920-е гг. осуществление национальной политики государства на севере Сибири ведется уже специально для этого созданными органами при центральном государственном аппарате и региональными организациями.

Начиная с 1920 г. организуется ряд мероприятий по товарообмену и снабжению северян. Василий Николаевич Увачан в книге «Путь народов Севера» пишет следующее по этому поводу: *«В течение 1921 года Сибнацотдел добился отпуски 425 тысяч пудов муки для товарообмена с туземцами Севера, а в 1922 году в Туруханский и Нарымский края было завезено 200 тысяч пудов муки. В результате туземное население было спасено от голодной смерти»* [5, с. 115]. В 1920-е гг. продолжается ведение работы по кооперированию коренных народов.

Для поддержки коренных народов Севера, проживающих в труднодоступных местах, в 1925 г. создан Сибирский краевой комитет содействия народностям окраин Сибири при Сибревком. В числе задач нового ведомства развитие путей сообщения, способствующих урегулированию торговли и обмена, изучение культуры и быта народов, собирание сведений о них, адаптация установленных законов с учетом местных традиций, а также разработка мероприятий в сфере здравоохранения и просвещения [6, с. 575–577].

Для многих малых народов важнейшим мероприятием явилось проведение Всесоюзной переписи населения 1926 г., поскольку в результате был получен богатый материал о различных этносах, что послужило основой для дальнейших исследований. Кроме того, данное мероприятие было крайне важно для советского правительства для осуществления районирования территорий с учетом национального состава, на них проживающего.

25 октября 1926 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР утверждено «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». Для вовлечения коренных народов в дело управления и распространения на них советских законов, согласно этому документу, были организованы органы туземного управления, такие как родовые собрания, родовые советы, районные туземные съезды и районные туземные исполнительные комитеты. Каждый из перечисленных органов имел свои четко обозначенные документом функции, состав, права и предмет деятельности.

Именно в 1920-е гг. начинается процесс формирования интеллектуальной элиты из представителей коренных малочисленных народов Севера по всей стране. Так, например, подготовка будущих учителей велась в Ленинграде с 1924 г. на рабфаке при ЛГУ, куда впервые отправили по специально выделенной квоте обучаться четырех человек, двое из которых были представителями коренных этносов. К 1930-м гг. появились кадры, которые готовы были

работать в тяжелых условиях Севера, впрочем, привычных для них, вести здесь культурно-просветительскую работу.

Велась работа и на уровне школьного образования. С 1926 г. были разработаны и приняты школьные программы, принципиально закрепляющие отказ от русификации национальных школ для коренных народов Севера, что сильно отличало их от действовавших в царской России [7, с. 65].

С 1925 г. признаются эффективными формами культурного строительства организации культбаз.

Конечно, реализовать все зафиксированные решения в документах в те годы не представлялось возможным, но важно то, что очень быстро была сформирована идеология национальной политики, претворявшаяся в жизнь многие последующие годы. Однако можно также заметить, что национальная политика, зарождающаяся в новом государстве, во многом базируется на идеалистических проектах и видении устройства мира в ближайшем будущем.

Важно отметить, что этносы, которые находились в бедственном положении, буквально на грани вымирания, получили значительную материальную поддержку со стороны государства, и в этом выражается в целом гуманистическое ядро советской национальной политики.

Роль малых народов Севера была признана как равная и не меньшая, чем у всех остальных народов СССР, в жизни государства. Хотя при этом и сохранялся взгляд на коренные этносы Севера как «отсталые», не прошедшие все необходимые стадии в своем естественном развитии, тем не менее велика была вера в их мощный творческий потенциал и способность стать строителями прекрасного социалистического будущего наравне с абсолютно всеми народами огромной и многонациональной страны.

В столь масштабном деле по коренному переустройству жизни северян не могло обойтись без сложностей и ошибок. Это касается и несколько идеалистических устремлений ученых, законодателей и партийных работников в 1920-е гг., которые никак не могли быть согласованы с возможностями государственного регулирования в области образования, судебной системы, экономики и территориального администрирования. Тем не менее за короткое время жители Севера получили доступ к образованию, квалифицированным медицинским услугам, приняли активное участие в промышленном и сельскохозяйственном освоении когда-то практически пустынных территорий, вырастили собственную интеллигенцию, внесли неопределимый вклад в культурную жизнь советского общества.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.
2. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923 гг.: (вместо отчета). М., 1924. 228 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.
4. Емелина М. А. Организация и деятельность Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера (1919 – начало 1920 г.) // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2019. Т. 6.
5. Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму: опыт социалистического строительства на Енисейском Севере. М.: Мысль, 1971.
6. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: сб. документов и материалов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1959.
7. Чурсина А. С. Основы государственной политики в сфере образования в отношении коренных малочисленных народов Енисейского Севера в 1920-е гг. // *The Newmap in Foreign Policy*. 2019. № 47 (91).
8. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Компенсаторные практики формирования этнокультурной идентичности // *Сибирский антропологический журнал*. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–48.
9. Белимова Т. Социальная сеть «ВКонтакте» как способ этнической манифестации коренных народов Сибири // *Этнические процессы Арктики, Севера и Сибири*. 2020. Т. 1, № 1. С. 6–20.
10. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // *Социальная антропология Сибири*. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.
11. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // *Социальная антропология Сибири*. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.
12. Замараева Ю. С. Анализ понятия «глобальные трансформации». Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) // *Цифровизация*. 2021. Т. 2, № 1. С. 27–40.
13. Замараева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // *Социальная антропология Сибири*. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
14. Кистова А. В., Резникова К. В., Середкина Н. Н. Исторический обзор проблем изучения этносов в социально-исторической литературе // *Этнические процессы Арктики, Севера и Сибири*. 2020. Т. 1, № 4. С. 6–20.
15. Колесник М. А., Лещинская Н. М., Пчелкина Д. С. «Енисейские епархиальные ведомости» как источник по истории народов Севера Енисейской губернии конца XIX – начала XX в. // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2021. № 16. С. 889–897.
16. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.

17. Крупкина К. А. Концептуальные основания этнических исследований // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 8–16.
18. Крупкина К. А. Культурная память и этническая идентификация современных кетов // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2021. С. 41–48.
19. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. СПб.: Эйдос, 2011. 174 с.
20. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
21. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.
22. Лещинская Н. М., Сертакова Е. А., Пашова Э. В. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 20–29.
23. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Экспедиция в поселок Суринда Эвенкийского муниципального района. Дневник полевого исследования // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 2. С. 6–29.
24. Мезит Л. Э. Деятельность ленинградский вузов по подготовке кадров для районов Крайнего Енисейского Севера // European Social Science Journal. 2014. № 7-2. С. 112.
25. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
26. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
27. Обращение II Всероссийского съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5300/>.
28. Пашова Э. В. Тенденции и практики взаимодействия с коренными и коренными малочисленными народами в области образования // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 39–51.
29. Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа / Ю. Н. Авдеева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 3. С. 8–25.
30. Пчелкина Д. С. Концептуальный потенциал художественной культуры как формы этнической манифестации коренных северных народов // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 17–24.
31. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.
32. Резникова К. В. Особенности использования цифровых технологий коренными малочисленными народами // Цифровизация. 2021. № 4. С. 14–23. DOI: 10.37993/2712-8733-2021.

33. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 3. С. 34–47.
34. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
35. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
36. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
37. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.
38. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
39. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.
40. Шпак А. А., Замараева Ю. С., Копцева Н. П. Сложные формы идентичности. Проблемы исследования. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. 248 с.
41. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: the current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (8). P. 1552–1567. DOI: 10.17516/1997–1370–0464.

УДК 304.444

А. А. Шпак

*Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

КОНСТРУИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И МЕЖГРУППОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Изучение сложных идентичностей связано с современными вызовами глобализации. Процессы глобализации рассматриваются в качестве факторов возникновения сложных этнических идентичностей. Междисциплинарность затрагиваемых областей знания социального и культурологического обогащает и позволяет выявлять новые методологические и концептуальные положения. Применение принципов работы социальных механизмов сложных идентичностей в культурологии обогащает и раскрывает принципы работы с этнической идентичностью в русле полиэтничного общества и национальной политики в целом.

Ключевые слова: полиэтничность, сложная этническая идентичность, глобализация, культурные механизмы.

The study of complex identities connected with the modern challenges of globalization. The processes of globalization considered as factors of the emergence of complex ethnic identities. The interdisciplinarity of the affected areas of social and cultural knowledge enriches and makes it possible to identify new methodological and conceptual provisions. The application of the principles of the social mechanisms of complex identities in cultural studies enriches and reveals the principles of working with ethnic identity in line with a multiethnic society and national politics in general.

Keywords: polyethnicity, complex ethnic identity, globalization, cultural mechanisms.

Конструирование этнической идентичности не может быть рассмотрено без опоры на семиотический подход в анализе культуры, основанный на базе герменевтики и постструктурализма. Постструктурализм, в свою очередь, представлен К. Гирцем и опирается на категории герменевтики, используя понятия «семиотический» и «интерпретативный». То есть одними из важных свойств семиотики является ее динамичность и процесс интерпретации зна-

---

© Шпак А. А., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.
Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43014.

ковых систем. Семиотика возникла в русле структурализма и представляет собой базу знаков и кодов в информационной системе культуры, которые формируют законы социума и культурные тексты.

Опираясь на теорию К. Гирца, в которой культура является производством и использованием символических форм [1, с. 11], культурные системы формируются через символы, то есть сама культура рассматривается как пространство символических форм. Символические формы взаимосвязаны с социумом. Взаимосвязь таких символов может иметь двойственное значение: выражение и воспроизводство действительности и ее конструирование. Элементы культуры не существуют за пределами деятельности человека, а поэтому культура в теории К. Гирца имеет совокупность таких контрольных механизмов, как культурные программы, управляющие поведением индивида [2, с. 17–21].

Указывая на теорию развития культуры через символические формы, можно говорить о формировании этнокультурных групп. Этнос в данном случае можно рассмотреть как объединенное посредством определенных символических форм сообщество и сформированное на самоидентификации и устойчивых связях с другими общностями.

Этнокультурные группы, изучаемые через призму знаков и символов, способствуют возникновению такого понятия, как культурные механизмы, использующие культурные тексты и имеющие определенные последствия и воздействия на сложные социальные группы.

Этносоциальные и этнокультурные процессы фиксируют степень основания традиционных структур культуры и изменения аксиологических характеристик и параметров этничности с локальных и общих сторон. С общих сторон стоит отметить процессы гетерогенизации как обострения ряда феноменов: этногенеза, этнического интереса, этнической культуры и этнических корней.

Рассмотрение культуры в качестве символических форм позволяет говорить о формировании этнических общностей на основе тех или иных традиционных структур. Этнические общности или группы производят символические формы и структуры. Данные структуры имеют тенденции к изменению как со стороны локальных, так и со стороны общих действий. Культура как система знаков может быть интерпретирована, воспроизведена и сконструирована. Этнокультурные тексты, в свою очередь, являются держателями символических форм культуры.

Этническая идентичность, согласно конструктивистскому подходу, может быть трактована как продукт и результат социальных взаимоотношений меж-

ду людьми. Этническая идентичность имеет динамичный характер, при котором могут происходить трансформационные процессы.

При обосновании принципов этничности конструктивистский подход является базовым, так как согласно данному подходу этничность есть некоторый когнитивный конструкт, представляющий собой результат созданных целенаправленно представлений индивида о социуме в целом. Этническая идентичность рассматривается как форма социальной, коллективной идентичности. Коллективная идентичность менее личностна, однако она оказывает влияние на личность, чувства, мышление и поведение. Коллективная идентичность — это неотъемлемая часть самосознания. Символические знаки, согласно исследованиям Ф. Барта [3] и Р. Дженкинса [4] социальной идентичности, формируются даже в том случае, если члены группы не имеют общих черт или общего опыта, что нивелирует примордиалистский подход к изучению этничности.

В конструктивизме одним из базовых механизмов создания определенных социальных общностей выступает политическое и экономическое конструирование со стороны политических и культурных элит через разные государственные институты.

Современная эпоха с большим количеством социальных трансформаций приводит к усилению роли социального конструирования идентичностей. В большей степени данное утверждение прослеживается на региональном, гражданском, национальном, этническом, цифровом уровнях через государственные аппараты. Так, например, В. А. Тишков отмечает, что по отношению к национальной идентичности «нация является собой не только результат этнокультурной унификации, а результат целенаправленного воздействия политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди людей представлений о народе как нации, общих ценностях и символов культуры» [5].

При целенаправленном изменении идентичности в современном мире большую роль играют такие феномены, как реклама, средства массовой информации и коммуникации, информационные сети (например, интернет), манипулирование посредством различных политических, гражданских, национальных, региональных установок. Временной фактор также важен, некоторые механизмы конструирования идентичностей могут иметь тенденцию к отживанию и не способны более служить новым потребностям социальной общности.

Мультикультурные установки позволяют говорить о конструировании идентичности в ключе проблемы миграционных потоков.

Конструирование социальных идентичностей происходит через социальные отношения и формирует социальную действительность. Методологические подходы в конструировании идентичностей разделяются на узкие и широкие по характеру охвата социальных областей. Идентичность рассматривается как итог сложных социальных отношений и воздействий, где особую роль занимают конструирующие. Изменение идентичности сверху происходит через различные установки в любой сфере социальной общности.

Межэтническое взаимодействие может проходить с двух сторон, как интеграция и дифференциация различных сообществ.

В зависимости от внешней среды существуют политические, национальные, гражданские, экономические, культурные механизмы формирования идентичности. Одним из методов конструирования сложной идентичности можно выделить культурные механизмы, через знаково-символическую природу которых могут формироваться определенные межэтнические установки.

Механизмы конструирования идентичности, в отличие от методов или подходов, в которых акцент смещен в сторону индивидуализированных процессов, предлагают конкретные рабочие схемы взаимодействия с идентичностью для ее успешного конструирования. Конструирование идентичности изначально направлено на большие социальные группы нежели на конкретного индивида.

Культурные механизмы трансляции личностного или социального опыта через культурные тексты оперируют возникновением при считывании знаков, символов произведения личностного смысла посредством субъект-объектных отношений. В данных отношениях возникают понятия «смысл» и «значение» знаково-символических структур.

Конструирование социальных идентичностей происходит в сложном социокультурном пространстве, ведь именно поликультурная сложность определяет современную социальную действительность. Формирование сложной этнической идентичности происходит через знаковую систему культурного текста и может иметь целенаправленный, проектный характер.

Список литературы

1. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Коваленко Е. М. Культура как объективированная система значений в символической концепции Клиффорда Гирца // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2. С. 17–21.
3. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Oslo, 1969. 153 p.

4. Jenkins R. Rethinking Ethnicity. London: SAGE Publications Ltd., 2008. 224 p.
5. Тишков В. А. Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия. М.: АЦ «Российские исследования», 1994. (Политология. Вып. IV).
6. Бережнова М., Пименова Н. Н. Рост социально-культурного разнообразия как результат межэтнических коммуникаций: якуты с озера Ессей // Социодинамика. 2016. № 4. С. 28–40.
7. Березюк С. В. Стилиевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 2. С. 32–40.
8. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.
9. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.
10. Замараева Ю. С. Анализ понятия «глобальные трансформации». Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) // Цифровизация. 2021. Т. 2, № 1. С. 27–40.
11. Замараева Ю. С. Концептуальное и методологическое основание исследования сложной идентичности в российской культурологии. Проблемы исследовательской программы // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2021. С. 13–22.
12. Замараева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
13. Кистова А. В., Пименова Н. Н., Букова М. И. Современное состояние декоративно-прикладного искусства эвенков – коренных народов Сибирской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 49–56.
14. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.
15. Крупкина К. А. Концептуальные основания этнических исследований // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 8–16.
16. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. СПб.: Эйдос. 2011. 174 с.
17. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
18. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.
19. Лобакова Н. М., Сертакова Е. А. Коренное здравоохранение-текущее состояние и перспективы (на материале Красноярского края) // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 1. С. 6–19.
20. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.

21. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
22. Пименова Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки // Социодинамика. 2016. № 3. С. 37–45.
23. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.
24. Резникова К. В. Особенности использования цифровых технологий коренными малочисленными народами // Цифровизация. 2021. № 4. С. 14–23. DOI: 10.37993/2712-8733-2021.
25. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
26. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
27. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
28. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.
29. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
30. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.
31. Шпак А. А., Замараева Ю. С., Копцева Н. П. Сложные формы идентичности. Проблемы исследования. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. 248 с.
32. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: the current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (8). P. 1552–1567. DOI: 10.17516/1997–1370–0464.
33. Kolesnik M. A., Libakova N. M., Sertakova E. A. Enets language in the studies of domestic and foreign scientists // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11 (4). P. 546–560.
34. Religion of Dolgans, Nganasans, Nenets and Enets / A. V. Kistova, N. N. Pimenova, K. V. Reznikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (5). P. 791–811. DOI: 10.17516/1997–1370–0424.
35. Semyonova A. A. The concept “state” in local culture of Krasnoyarsk: The results of an associative experiment based on the method “Series of thematic associations” // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 11 (4). P. 1526–1542.
36. Zamaraeva Yu. S., Koptseva N. P. History of complex identity research // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (7). P. 1216–1229. DOI: 10.17516/1997-1370-0637.

УДК 304.5

Д. С. Пчелкина

Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения, заместитель директора по научной работе Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА*

История этнической культуры представляет собой процесс смыслообразования, развернутого во времени. Характерными формами самопрезентации культуры этнокультурных групп называют экономическую основу, национальный язык, еду, костюм, художественную культуру, в том числе навыки рукоделия, праздники. Ключевая роль отводится хозяйственно-промысловой деятельности в формировании уникальной этнической культуры коренных малочисленных народов Севера. Именно она лежит в основе языковой системы, художественной культуры, обрядово-ритуальных практик. Специфика хозяйствования в географических условиях Крайнего Севера актуализирует составляющие этнической культуры.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, КМНС, этничность, этническая культура, этническая идентичность.

The history of ethnic culture is a process of meaning formation unfolded in time. Characteristic forms of self-presentation of the culture of ethno-cultural groups are called the economic basis, national language, food, costume, artistic culture, including needlework skills, holidays. A key role is assigned to economic and commercial activities in the formation of a unique ethnic culture of the indigenous peoples of the North. It is she who underlies the language system, artistic culture, ritual and ritual practices. The specifics of economic management in the geographical conditions of the Far North actualizes the components of ethnic culture.

Keywords: indigenous peoples of the North, ethnicity, ethnic culture, ethnic identity.

Хозяйственно-промысловая деятельность со времени начала этногенеза являлась не только экономическим основанием, но и базисом для развития языковой системы, художественной культуры и обрядово-ритуальных практик. Традиционное природопользование выступает как один из главных ис-

---

© Пчелкина Д. С., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.

Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43014.

точников создания смысловых структур для этнокультурного сообщества, на его основе формировались и транслируются социоцентрические идеалы всей группы, выступая пространством коммуникации для носителей этнической культуры и продуцируя их. Именно оно актуализирует национальный язык, так как лексика связана с оленеводством, рыболовством и т. д.; создание национального костюма – материалы, технология изготовления, декоративная составляющая – также связаны с видами деятельности, этническое самосознание и т. п. Таким образом, хозяйственно-промысловый вид деятельности как форма этноманифестации реализуется именно тундровыми представителями этнокультурных групп. Для тех представителей коренных малочисленных этнокультурных групп Севера, местом проживания которых являются национальные села или крупные города, эта форма этноманифестации не может полноценно реализоваться.

На формирование национальной еды коренных малочисленных народов Севера, безусловно, оказали влияние климатические условия и особенности хозяйственно-промысловой деятельности. Национальная еда – одна из доступных для ретрансляции и воспроизводства этнических идеалов, позволяющих спровоцировать появление чувства причастности к группе. Воспроизвести специфические национальные блюда относительно легко, поэтому проживающие в поселках и городах обращаются к кухне, характерной для их национальной культуры. Также в связи с особенностями расселения одни и те же экологические ниши занимают разными группами индигенных народов, в связи с чем традиционные виды деятельности и культуры в целом (в том числе близость религиозных практик и т. п.) обнаруживают сходства и в национальной кухне.

Общественные мероприятия этнического содержания является одной из ключевых форм проявления этничности. Проведение национальных праздников имеет целью солидаризацию членов группы посредством реактуализации социоцентрических идеалов. В культуре коренных малочисленных народов Севера национальные праздники становятся площадкой воспроизведения этнических социальных идеалов через разнообразные формы материальности, становится возможным установление взаимодействия и единения разных поколений. Национальный праздник – это форма манифестации, в которой задействованы и иные формы этнической манифестации. Подобное мероприятие сопровождается говорением на национальном языке, ношением национального костюма, приготовлением и угощением блюдами национальной

кухни, представлением продуктов художественных ремесел и достижений художественной деятельности и т. п. Возобновляя и регулярно проводя подобный праздник, воспроизводились необходимые для поддержания культуры концепты – поклонение предкам, смена времен года; реализовывалась роль шамана и прочее.

В настоящее время одним из популярных праздников является День оленевода, в программу которого входят проведение спортивных мероприятий – соревнования по экстремальным видам спорта – и знакомство с культурой этнокультурных сообществ, для этого создается так называемая этнодеревня. Для принятия участия в праздничном мероприятии съезжаются мастера художественного творчества и продают образцы рукоделия. Проводится он весной, но точные даты разнятся в зависимости от района, муниципалитета и т. д. – праздник является «кочевым», перебираясь от одного населенного пункта к другому.

Главное событие праздника – гонка на оленьих упряжках, где за победу борется большое количество оленеводов, специально съезжающихся с разных территорий. Это одна из редких возможностей собраться вместе, увидеть оленеводов и их семьи из разных стойбищ. Участвуют как опытные оленеводы, так и молодые, которые демонстрируют свои возможности и умения в различных традиционных состязаниях на силу, выносливость, ловкость и скорость. День оленевода выполняет еще одну сторону солидаризирующей функции – дает возможность встретить жениха или невесту для последующего заключения брака и ведения кочевого образа жизни. Женщинам также предоставлена возможность репрезентировать свои навыки, которые входят в смысловое поле их этничности, – демонстрация основ ведения хозяйства в условиях проживания в чуме (в том числе женщины делятся с гостями фестиваля техникой его постановки и угощают блюдами традиционной этнической кухни, показывают процесс приготовления блюд).

С одной стороны, праздник не является исконным, с другой – и к инновационным его нельзя отнести, поскольку он возник на основе традиционного празднования Дня Солнца, но ввиду политических причин он был концептуализирован и актуализирован. Таким образом, можно проследить преемственность политики Советского Союза и России по отношению к коренным малочисленным народам Арктической зоны.

Языковая ситуация также неоднозначная. Язык называют одним из основных маркеров этнической идентификации и манифестации человека. Он

играет одну из главнейших ролей в конструировании и закреплении этничности и служит инструментом социализации, изучения устройства мира, фактором, определяющим мышление. С точки зрения существования этнокультурной группы язык является инструментом установления и поддержания эмоциональной связи со своим этносообществом, усиливающим ощущение единения с ним. Язык как форма этноманифестации может реализовываться как в естественной языковой среде, так и искусственной. Например, в кочевых семьях нет потребности и цели использовать иной язык, имеющаяся языковая система отвечает всем процессам и потребностям тундрового образа жизни. Подрастающее поколение с рождения осваивает свой язык, если вовлечено в такой образ жизни. В случае с поселковой молодежью язык чаще всего понимается на слух, а ситуации реализации – общение со старшим поколением. Для городских представителей знание и обращение к национальному языку является результатом специального образования в области этнической культуры.

Из всех составляющих сферу культуры именно художественная сфера обладает большими возможностями для саморепрезентации этноса. Это связано с природой художественного. Оно фиксирует в чувственно-явленной и доступной для понимания форме национальный характер этнокультурной группы. И делает это посредством выражения ключевых ценностных доминант, прошедших селекцию в ходе этнического культурогенеза. При всех признаваемых положительных тенденциях глобализации последствиями с деструктивным влиянием можно назвать модификации морально-этического и психологического облика человека и, следовательно, всего социума.

Этническая художественная культура фиксирует и отражает в материально-чувственной форме специфику этнической самобытности, она сохраняет и ретранслирует в своих образах родовую сущность устройства этнокультурного социума. Традиция как сложная конфигурация, состоящая из морально-нравственных, социально-исторических, религиозных, философских и художественно-эстетических категорий, фиксирует разнообразие отношений человека с окружающим миром.

Список литературы

1. Березюк С. В. Стилиевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 2. С. 32–40.
2. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.

3. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.
4. Замараева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
5. Замараева Ю. С. Анализ понятия «глобальные трансформации». Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) // Цифровизация. 2021. Т. 2, № 1. С. 27–40.
6. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.
7. Крупкина К. А. Концептуальные основания этнических исследований // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 8–16.
8. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. СПб.: Эйдос, 2011. 174 с.
9. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
10. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.
11. Лещинская Н. М., Сертакова Е. А., Пашова Э. В. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 1 (3). С. 20–29. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29.
12. Макушева М. О. Трансформации идентичности ненецкой молодежи в инокультурной среде. Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2017. № 4.
13. Момзикова М. «Северная масленица»: День оленевода в советском и современном российском контекстах // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. ст. М., 2013.
14. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
15. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
16. Пашова Э. В. Тенденции и практики взаимодействия с коренными и малочисленными народами в области образования // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 39–51.
17. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.
18. Резникова К. В. Особенности использования цифровых технологий коренными малочисленными народами // Цифровизация. 2021. № 4. С. 14–23. DOI: 10.37993/2712-8733-2021.

19. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
20. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
21. Степанова О. Б. Связь двух эпох: воплощение в празднике // Вестник археологии, антропологии и этнографии ИПОС СО РАН. 2018. № 2 (41).
22. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) // Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
23. Сулейманова О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 11–15 (9).
24. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.
25. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
26. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.
27. Religion of the Selkups and the Kets in the Historical and Cultural Genesis / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (5).

УДК 304.444

К. А. Дегтяренко

*Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения
Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ КЕТСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Этническая группа кетов, именовавшаяся в научных и научно-популярных источниках до 1920-х гг. енисейскими остяками, енисейцами, получает свое современное этническое название в советский период. Данная работа фиксирует базовые направления исследований этнокультурной группы кетов в советский период на основе аналитического обзора знаковых работ отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: кеты, енисейские остяки, енисейцы, кетский язык, СССР.

The ethnic group of Kets, referred to in scientific and popular science sources until the 1920s. Yenisei Ostyaks, Yenisei, gets its modern ethnic name in the Soviet period. This work captures the basic directions of research of the ethnocultural group of Kets in the Soviet period, based on an analytical review of the landmark works of domestic and foreign scientists.

Keywords: Kets, Yenisei Ostyaks, Yenisei, Ket language, USSR.

Этническая группа кетов, именовавшаяся в научных и научно-популярных источниках до 1920-х гг. енисейскими остяками, енисейцами, получает свое современное этническое название в советский период. Научное логическое обоснование внедрения в 1920–1930-х гг. и дальнейшего употребления этнонима «кеты», как и этнонимов других коренных народов Севера, дают З. П. Соколова и В. А. Туголуков [1].

Исследованием палеоазиатских (палеосибирских) народов и их языковых особенностей, в частности кетской этнокультурной группы, в разное время занимались Г. М. Корсаков [2], Р. Якобсон [3], И. И. Мещанинов [4], И. С. Вдовин [5], Е. А. Крейнович [6], П. Я. Скорик [7], Э. Дж. Вайда [8] и др. Так, П. Онъибене [9] рассматривает политический аспект создания и внедрения алфавита и литературного языка палеоазиатских народов (в рамках характерной своему времени программы государственной политики) и результаты

© Дегтяренко К. А., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.
Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43014.

данных процессов на современном этапе существования выделенной группы языков.

Многие исследователи классифицируют кетский язык, рассматривая его в качестве единственного существующего из семьи языков енисейских народов, как изолированный. Но легитимность данного положения не доказана, так как изолированным языком считается тот, по отношению к которому нет фактических сведений о генетическом родстве с другими языками. Кетский же язык является частью енисейской языковой семьи, наряду с исчезнувшими языками коттов, пумпоколов, ассанов, аринов, югов. Объединение вышеперечисленных этнических общностей в группу енисейских народов встречается в работе немецкого лингвиста, востоковеда Ю. Г. Клапрота «Asia Polyglotta» [10, p. 167].

Этнографические, антропологические и лингвистические особенности кетов исследовал В. И. Анучин [11], который во время экспедиционных поездок 1905–1908 гг. по территории современного Туруханского района собрал большое количество ценного этнографического материала. Анучиным «было записано свыше двадцати валиков фонограмм шаманских песен, которые пока остаются непереуведенными и неизученными. Предметы, собранные В. И. Анучиным, вошли в экспозицию Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого» [12, с. 736].

А. Я. Тугаринов [13] и Д. Е. Лаппо [14] освещают современные процессы коренного населения Енисейского Севера, в частности Туруханского края, по итогам первого десятилетия советской власти.

Советский этнограф и лингвист Н. К. Каргер, имеющий опыт экспедиционной работы на местах расселения кетской этнокультурной группы и знание этнокультурного своеобразия кетов [15; 16], в 1930-е гг. в составе Комитета нового алфавита народов Севера работал над созданием кетской письменности и первого букваря на кетском языке [17]. Когда в 1935 г. Н. К. Каргер был репрессирован и выслан из Ленинграда, к изучению языка и этнографии кетов был привлечен советский этнограф и лингвист Г. М. Корсаков, известный до этого как специалист по корякскому языку [18]. Во время экспедиционной поездки по берегам Подкаменной Тунгуски, в места расселения кетов, ученым был собран материал по традиционным религиозным верованиям, системе родства кетского народа и элементам фольклора на кетском языке.

В 1950–60-е гг. изучением языка и культуры кетского народа активно занимался Е. А. Крейнович [19]. За время исследовательской деятельности,

включающей и полевые работы, автором были собраны материалы по структуре кетского языка [20], многочисленные фольклорные записи [21–23], обрядовые действия [24; 25] и бытовые рассказы представителей уникальной этнокультурной группы кетов.

Начиная с конца 1950-х гг. возрастает внимание к изучению кетского языка и фольклора, связано это с деятельностью отечественного лингвиста А. П. Дульзона [26] и его последователей.

Большая роль в изучении кетской истории и этнографии принадлежит советскому исследователю народов Севера Б. О. Долгих [27]. Изучению шаманизма в кетской мифологии посвящена работа Р. В. Николаева [28]. Х.-И. Р. Папрот [29] поднимает вопрос связующих линий в промысловых верованиях северных народов на примере медвежьего праздника кетов.

В 1948–1949 гг. С. И. Вайнштейн принял участие в экспедициях к кетам Подкаменной Тунгуски, организованных Институтом этнографии АН СССР. Полагаясь на полученный в ходе экспедиций полевой материал, советский этнограф изучал вопросы этногенеза кетской этнокультурной группы, в чем явился последователем «идеи Кастрена о южном происхождении кетов, и выделил в составе кетов помимо южного компонента (тагарские племена Среднего Енисея) аборигенный с неизвестной этнической основой» [30]. Работы С. И. Вайнштейна [31; 32] содержат ценные сведения о культуре кетов, в том числе редкие рисунки и фотографии автора, и до настоящего времени не утратили свое научное значение.

Исследованиям языковых и этнокультурных особенностей посвящены работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова [33], Б. А. Успенского [34] и др.

Новые обширные данные были получены в результате сбора полевого материала в 1970–1972 гг. Основными информантами в годы полевых работ стали кеты пожилого возраста из разных локальных групп, среди близких родственников которых были шаманы. Особую роль стоит отвести Е. А. Алексеенко [35–37], посвятившей исследованию фольклора, этногенеза, истории традиционной культуры кетов три десятилетия.

Таким образом, важная роль в создании основы процесса этнокультурной идентификации коренных малочисленных народов Севера России отводится результатам традиционных этнографических исследований ученых прошлых столетий. Научные сведения, сформированные в те или иные периоды истории изучения этнокультурных групп коренных малочисленных народов северных и арктических территорий Российской Федерации и зафиксированные

в научной и/или научно-популярной литературе, становятся содержательной основой для воспроизводства культурной памяти этих народов.

Список литературы

1. Соколова З. П., Туголуков В. А. Старые и новые названия народов Севера // Советская этнография. 1983. № 1. С. 76–88.
2. Корсаков Г. М. Инкорпорирование в палеоазиатских и североамериканских индейских языках // Советский Север. 1939. № 4.
3. Jakobson R. The paleosiberian languages // American Anthropologist. 1942. Vol. 44 (4). P. 602–620.
4. Мещанинов И. И. Палеоазиатские языки // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 1. С. 92–105.
5. Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М.: Изд-во АН СССР. 1954. 163 с.
6. Крейнович Е. А. Об одной тюркско-палеоазиатской языковой параллели // Turcologica. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние. 1976. С. 94–100.
7. Скорик П. Я. Палеоазиатские языки и их изучение в Институте языкознания АН СССР // Палеоазиатские языки: сб. науч. тр. 1986. С. 20–26.
8. Vajda E. J. The Languages of Siberia // Languages and Linguistics Compass. 2009. Vol. 3 (1). P. 424–440.
9. Онъибене П. Алфавит как политический выбор. Палеоазиатские языки и их алфавиты // Studi Slavistici. 2017. № 14 (1). С. 157–160.
10. Klapproth J. Asia polyglotta. Paris, 1823. 167 p.
11. Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. 1914. Т. 2. 90 с.
12. Religion of the Selkups and the Kets in the Historical and Cultural Genesis / Y. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (5). P. 736.
13. Тугаринов А. Я. Туземцы Приенисейского Севера // Библиотека Приенисейского краеведа. Красноярск: Бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества. 1927. № 16. С. 1–14.
14. Лаппо Д. Е. Советизация туземных племен Туруханского края // Библиотека Приенисейского краеведа. Красноярск: Бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества. 1927. № 16. С. 15–18.
15. Каргер Н. К. Кетский (енисейско-остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. М. – Л., 1934. С. 223–238.
16. Каргер Н. К. Оленеводство у енисейцев (кето) // Советский Север. 1930. № 6. С. 28–38.
17. Karger N. K. Bukvar. L.: Uchpedgiz, 1934. 58 p.
18. Корсаков Г. М. Нымыланско (корякско)-русский словарь. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1939. 350 с.
19. Крейнович Е. А. Кетский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. С. 453–473.
20. Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1968. 282 с.

21. Крейнович Е. А. Кетское предание об одном из их сражений с юраками // Кетский сборник. М., 1969. С. 231–235.
22. Крейнович Е. А. Кетские загадки // Кетский сборник. М., 1969. С. 227–230.
23. Крейнович Е. А. Анализ одной кетской легенды о птице Даб // Лингвистические исследования. М., 1983. С. 104–115.
24. Крейнович Е. А. Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник. М., 1969. С. 6–112.
25. Крейнович Е. А. Обряд кормления «дорожной старухи» у кетов // Кетский сборник. М., 1969.
26. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968. С. 236–243.
27. Долгих Б. О. Кеты. Иркутск – М.: ОГИЗ. 1934. 146 с.
28. Николаев Р. В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. 128 с.
29. Paproth H.-J.R. Das Bärenfest der Ketó in Nordsibirien in Zusammenhang gebracht mit den Bärenzeremonien und Bärenfesten anderer Völker der nördlichen Hemisphäre // Anthropos. 1962. P. 55–88.
30. Дегтяренко К. А. Актуальное состояние коренных малочисленных народов Севера // Социодинамика. 2015. № 10. С. 39–57.
31. Вайнштейн С. И. К вопросу об этногенезе кетов // КСИЭ. 1951. Вып. 13. С. 3–7.
32. Вайнштейн С. И. Кеты Подкаменной Тунгуски (историко-этнографическое исследование по материалам экспедиций в 1948 и 1949 гг.). Красноярск: Сибирские промыслы. 2015. 176 с.
33. Иванов В. В., Топоров В. Н. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения их в циркумполярную область // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.: Наука. 1964. 12 с.
34. Успенский Б. А. Замечания по типологии кетского глагола // Вопросы структуры языка. М.: Наука, 1964. С. 144–156.
35. Алексеенко Е. А. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967. 263 с.
36. Алексеенко Е. А. Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. С. 29–65.
37. Алексеенко Е. А. Этнокультурные аспекты изучения шаманства у кетов // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.: Наука, 1984. С. 50–73.
38. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Визуализация образа кетов как современная культурная практика // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 2. С. 16–31.
39. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Компенсаторные практики формирования этнокультурной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–48.
40. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
41. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
42. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.
43. Крупкина К. А. Концептуальные основания этнических исследований // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 8–16.

44. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. СПб.: Эйдос, 2011. 174 с.
45. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
46. Пашова Э. В. Мировые тенденции и практики взаимодействия с коренными народами в области образования // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 1. С. 112–126.
47. Пчелкина Д. С. Историография исследований по теме трансформации идентичности коренных народов Севера // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: Опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 304–311.
48. Пчелкина Д. С. Концептуальный потенциал художественной культуры как формы этнической манифестации коренных северных народов // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 17–24.
49. Пчелкина Д. С. Цифровая этнография: методологические основания в культурологическом исследовании этнической манифестации // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 4. С. 25–33.
50. Середкина Н. Н., Пименова Н. Н., Шпак А. А. Научно-популярное издание для детей «Народы России» как исторический источник // Былые годы. 2021. № 16. С. 1972–1980.
51. Шпак А. А. Сложные этнические идентичности: изучение феномена в современном гуманитарном знании // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 9–15.
52. Shpak A. A., Pchelkina D. S. Methodology for the study of complex identity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (5). P. 752–761. DOI: 10.17516/1997-1370-0604.

СЕКЦИЯ 2

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

УДК 37.064.3

К. А. Оленченко

Магистрант кафедры информационных технологий и непрерывного образования Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА В СИТУАЦИИ БУЛЛИНГА КАК ПРОЯВЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена теоретическим основам применения восстановительного подхода в ситуациях буллинга, вызванного конфликтами на межэтнической почве.

Ключевые слова: медиация, конфликт, этнический конфликт, восстановительный подход.

The article is devoted to the theoretical foundations of the use of the restorative approach in bullying situations caused by conflicts on interethnic grounds.

Keywords: mediation, conflict, ethnic conflict, restorative approach.

В современных условиях педагоги и психологи все чаще обращаются к вопросам толерантности и противостояния агрессии. Особенную актуальность эти вопросы приобретают в подростковом возрасте в силу его изначальной кризисности, отсутствия стабильности и чувства защищенности. Крайне актуальным становится вопрос о психологической безопасности образовательной среды и профилактики негативных явления. Англоязычное слово «буллинг» (*bullying*) становится в последнее время общепринятым для обозначения школьной травли. Важность изучения проблемы буллинга вызвана высоким распространением конфликтов среди учащихся и высокими показателями агрессивного поведения подростков.

Красноярский край является самостоятельным субъектом Российской Федерации, в котором проживают представители свыше ста национальностей. Нерусское население составляет 12,4 % жителей края. В 15 городах и районах региона их удельный вес достигает либо превышает 15%-ный уровень. А значит, эти города и районы относятся к категории полиэтнических территорий.

Русское население на протяжении почти четырех веков живет вместе с коренными (аборигенными) народами в бассейне реки Енисей мирно, по-соседски, совместно осваивая природные богатства края, обмениваясь трудовым опытом, помогая друг другу.

В настоящее время в Красноярском крае межнациональные отношения носят в целом стабильный характер. Однако социально-экономический кризис, связанный с переходом хозяйства страны на рыночные отношения, и резкое ухудшение экономической ситуации осложнили социальное положение населения. А это, в свою очередь, негативно отражается на сфере национальных отношений, политизируя в отдельных случаях этнические процессы. Устранение причин, порождающих национальные проблемы, осложняется не только тяжелым хозяйственно-финансовым положением региона, но и отсутствием соответствующей правовой базы.

На межнациональные отношения оказывают непосредственное влияние такие общие для всей страны взаимосвязанные тенденции общественного развития, как:

- стремление народов к самоопределению при объективной необходимости интеграции российского общества;
- стремление сохранять и развивать этнокультурную самобытность при одновременном процессе интеграции культур, формировании общих духовно-нравственных ценностей.

Неразрешенные проблемы характерны не только для межнациональных отношений в целом, но и для каждого народа из числа проживающих в крае.

Почти в каждом образовательном учреждении периодически происходят ситуации, связанные с тем, что обучающиеся конфликтуют, проявляют агрессию по отношению друг к другу. В отличие от эпизодических инцидентов, буллинг (травля) – это хронический конфликт, при котором существуют устойчивые роли преследователя и жертвы. В таких случаях имеет место преднамеренное, повторяющееся агрессивное поведение одних детей в отношении других, включающее неравенство власти или силы. Иногда такое неравенство может быть обусловлено различием в уровне физической силы. Ребенок с более высоким статусом может лучше учиться, иметь больше друзей и соратников, иметь более богатых или имеющих больше власти родителей и т. п. Помимо преследователей и жертвы, почти всегда присутствует большая группа детей – свидетелей происходящего, которые могут присоединяться (активно или неактивно, через поступки, улыбки, внимание) к тем, кто преследует, или к тем, кого преследуют.

Самая эффективная профилактическая программа предложена известным исследователем буллинга Д. Олвеусом в Бергене (Норвегия) 20 лет назад, она успешно применяется в Норвегии, где ей с 2001 г. придан статус приоритетной

общенациональной программы. Эта программа основана на четырех базовых принципах – созданных в образовательном учреждении условий, характеризующихся:

- теплом, положительным интересом и вовлеченностью взрослых;
- твердыми рамками и ограничениями неприемлемого поведения;
- последовательным применением некарательных, нефизических санкций за неприемлемое поведение и нарушение правил;
- наличием взрослых, выступающих в качестве авторитетов и ролевых моделей.

Обобщая мировой опыт программ профилактики буллинга, можно выделить три основные группы методов профилактики:

- 1) методы, ориентированные на конкретных детей и подростков;
- 2) методы, ориентированные на семейные отношения;
- 3) методы, ориентированные на ближайшее окружение ребенка (микросоциум).

Анализ отечественного опыта позволяет сформулировать следующие основные положения:

1. Направления работы на уровне образовательного учреждения:

- диагностика психоэмоциональной среды образовательного учреждения и мотивационно-образовательная работа с администрацией;
- программы формирования благоприятного психологического климата образовательного учреждения;
- мероприятия, направленные на сплочение школьного сообщества.

2. Направления работы с педагогическим коллективом и родителями:

- консультативно-образовательная работа с педагогическим составом и родителями;
- программы повышения психолого-педагогической компетентности взрослых (родителей, педагогов).

3. Направления работы с учащимися:

- консультативно-коррекционная работа с детьми, подвергшимися жестокому обращению;
- информационно-просветительская работа с коллективом учащихся;
- повышение уровня коммуникативной культуры учащихся;
- профилактика и коррекция отклонений в эмоциональной сфере подростков;
- профилактика асоциального поведения школьников;

- развитие навыков стрессоустойчивости, конструктивного поведения в конфликте и уверенного поведения, навыков саморегуляции.

Работа школьного медиатора с агрессором и жертвой проводится по процедуре восстановительной медиации. Работа с классом проходит с помощью восстановительных программ «Круг примирения» и «Круг исцеления».

«Круг примирения» используется, когда травля возникла в классе и к ней привлечена значительная часть учеников. Во время проведения Круга группа обсуждает, что произошло; каждый имеет возможность высказаться по поводу конфликта и быть услышанным. После этого группа переходит к обсуждению того, каким образом можно решить сложившуюся ситуацию. Важно помнить, что решение проблемы должно удовлетворить каждого участника Круга, только тогда процедура может быть завершена. «Круги исцеления» проводятся для обучающихся, которые уже прошли процедуру медиации. Именно с помощью таких Кругов проходит их восстановление в обществе. Целью таких Кругов является улучшение взаимоотношений между людьми и возвращение их к тем отношениям, которые были до конфликта. Традиционно такие Круги начинаются с ценностей, а затем происходит обсуждение сложившейся ситуации, результатов медиации и перспектив восстановления отношений.

Восстановительная антибуллинговая программа содержит следующие основные позиции:

1) признание факта травли и негативных последствий этого для всех втянутых в нее участников (обучающихся, администрации, родителей, педагогов);

2) прояснение происходящего (поскольку травля – скрытый процесс, и без понимания происходящего с разных сторон сложно принимать адекватные решения);

3) обсуждение ситуации с участием всех участников травли. На обсуждении имеет смысл не просто ставить вопрос, как решить ситуацию, а развернуть его в вопросы:

- Кому в ходе всех трагичных событий был причинен вред?
- К каким последствиям это привело?
- Кто и как из участников может эти последствия исправить?
- Как укрепить положительные тенденции, итоги, договоренности?

Школьному медиатору надо осознавать сложность организации коммуникации при буллинге, ее эмоциональную напряженность и быть готовым к проведению восстановительных программ не за одну встречу.

Для создания безопасной психологической среды в образовательной организации необходимо объединить профилактические мероприятия в единую систему. В основном меры при профилактике буллинга в образовательных организациях сводятся к формированию определенных установок у обучающихся, а также введению правил и норм, направленных против буллинга.

Список литературы

1. Бреслав Г. Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: учеб. пособие для специалистов и дилетантов. СПб.: Речь, 2006. 321 с.
2. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15–18.
3. Концепция региональной национальной политики Красноярского края: утв. Постановлением Законодательного собрания края от 21 января 1999 г. № 5-263П URL: <http://docs.cntd.ru/document/985501757> (дата обращения: 17.10.2021).
4. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна и Э. Миллера. СПб.: РГ и Т, 2001. 156 с
5. Макшанов С. И. Психология тренинга. СПб.: Речь, 1997. 124 с
6. Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Флинта, 1996. 346 с.

УДК 304.444

Н. М. Лещинская

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Традиционная культура коренных малочисленных народов немыслима вне традиционной религиозности. Анализ воздействия политических решений, принимавшихся относительно культуры и религии коренных народов Севера и Сибири, позволяет проследить процесс изменений, которые претерпевала традиционная религиозность коренных жителей Севера и Сибири с момента включения данных регионов в состав Российской империи, а также в ходе атеистической пропаганды в постреволюционной России.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера и Сибири, культура, религия, советская атеистическая пропаганда.

The traditional culture of indigenous peoples is unthinkable outside of traditional religiosity. An analysis of the impact of political decisions made regarding the culture and religion of the indigenous peoples of the North and Siberia allows us to trace the process of changes that the traditional religiosity of the indigenous peoples of the North and Siberia has undergone since the inclusion of these regions into the Russian Empire, as well as in the course of atheistic propaganda in post-revolutionary Russia.

Keywords: indigenous peoples of the North and Siberia, culture, religion, Soviet atheistic propaganda.

Со времени включения территорий Сибири в состав Российской империи проживавшие там коренные народы стали испытывать на себе воздействие различных практик (военных, политических, административных, культурных), целью которых было интегрирование данных народов в состав русского населения. В частности, религиозность коренного населения стала предметом активного воздействия деятельности православных миссионеров. Традиционные языческие верования, шаманизм стали «проверяться» на прочность и уходить вглубь культуры и быта, оставляя на поверхности только неброские проявления, ровно в той мере, насколько позволяли внешние обстоятельства.

В дореволюционной России все религии делились на три категории: государственная (православное христианство), терпимые (католическая, протестантская, армяно-григорианская церкви, иудаизм, ислам, буддизм, ламаисты, язычество) и нетерпимые (старообрядцы, духоборы, хлысты, иконоборцы, молокане, скопцы, мормоны). Религии коренных малочисленных народов Сибири попадали во вторую категорию.

Для понимания религиозной ситуации в первую очередь необходимо рассмотреть законодательные акты, касающиеся положения коренных народов Сибири в составе Российской империи. В последние годы XIX в. и до революционного 1917 г. основным документом являлось Положение об инородцах 1892 г., в котором определялись статус этносов, попадающих в категорию инородцев, их права, особенности управления данными народами, а также обозначались их права в области исповедания традиционных религий.

И еще один важный документ: Устав духовных дел иностранных исповеданий. На основе анализа Устава можно заключить, что имперская политика в отношении коренных малочисленных народов определялась понятием терпимости: с одной стороны, инородцам не запрещалось исповедовать свою религию, осуществлять культовую деятельность, но в то же время приветствовалось принятие ими православного христианства, хотя государственная религия и не насаждалась.

Одним из интереснейших источников, позволяющих получить сведения об особенностях религиозной ситуации среди коренных малочисленных народов Севера и Сибири до 1917 г., то есть времен Российской империи, является периодическое издание «Енисейские епархиальные ведомости». Ведомости в течение длительного времени (с февраля 1884-го по 1906 г., затем с августа 1908-го по 1919 г.) являлись официальным изданием Енисейской и Красноярской епархии, следовательно, могут рассматриваться как источник, транслирующий официальную позицию государства по отношению к религиозности жителей Енисейской губернии, в том числе и коренных малочисленных народов.

Для настоящего исследования интерес представляют, прежде всего, опубликованные в ведомостях материалы из отчетов о миссионерских поездках. В отчетах православные миссионеры описывают свой опыт взаимодействия с коренными народами, отмечают особенности их образа жизни, быта и, конечно, религиозности, моментов соприкосновения традиционных верований северян и православия.

На основе изучения миссионерских заметок можно отметить, что шаманы в XIX столетии были непререкаемыми авторитетами, очень влиятельными людьми для коренных жителей Севера Енисейской губернии. В путевых заметках священника-миссионера Макария (Сулова Михаила Ивановича) отмечается, что шаманы могли противостоять желанию своих соплеменников обратиться в христианскую веру, вмешивались в процессы проповеди. Крещенные и некрещенные люди с уважением и опаской относились к шаманам, которые настаивали на том, что перемена веры и непочтение по отношению к ним и «шайтанам» способны навлечь «страшные беды», будь то смерть или разорение.

Многие коренные жители тем не менее принимали христианство, этому способствовала и государственная политика. Как отмечалось ранее, в Уставе духовных дел иностранных исповеданий священнослужителям предписывалось не препятствовать этому процессу.

В целом религиозная ситуация на территории Сибирского Севера в предреволюционной России может быть осмыслена как параллельное сосуществование традиционных верований, которым следовали коренные жители Севера Сибири, и традиций православного христианства. Несмотря на то что на законодательном уровне утверждалось доминирование православия и предписывалось взаимное толерантное отношение, из заметок о. Михаила Сулова известно о вмешательстве шаманов в деятельность православных священников, препятствие принятию крещения местными жителями, что можно расценивать как стремление сохранить чистоту древних традиций предков.

Революционные события 1917 г. в прямом и переносном смысле стали переломными. Призывы разрушить старый мир, построить новое государство с неизбежно светлым будущим, основанное на принципах равенства и справедливости, не предполагало присутствия в этих процессах церкви как социального института, да и религия абсолютно не вписывалась в картину мира нового государства. В Российской империи считалось недопустимым быть вне конфессии. Советская власть объявила религию пережитком и препятствием на пути к мировой революции, к победе мирового пролетариата.

Переосмысление отношений государства и церкви в соответствии с социалистическими идеалами в первые годы становления советской власти привело к тому, что церковь была лишена юридического статуса, всяческого права на владение и приобретение собственности, всё, что имелось ранее, подверг-

лось национализации. Церковь целенаправленно разрушалась как социальный институт, духовенство уничтожалось как носитель антиреволюционных идей. Церковь перестала быть организацией, которая могла бы представлять интересы определенных социальных слоев и быть политической силой. Постановления правительства о религиозных общинах, инструкции по их реализации подчеркивали право данных сообществ на занятие культовой деятельностью, направленной на удовлетворение религиозных потребностей. При этом существовал полный запрет на какую-либо иную деятельность: проведение любых собраний расценивалось как антисоветская пропаганда и влекло за собой наступление уголовной ответственности.

Специфика религиозной ситуации на севере Сибири обусловлена в определенной степени удаленностью региона от центра страны, труднодоступностью, а также тем, что коренные народы уже имели значительный опыт сохранения религиозных традиций в условиях давления привнесенной извне православной культуры. Утверждение советской власти происходило с трудом. На территории Енисейской губернии в ходе Гражданской войны случались жесточайшие столкновения между сторонниками большевиков и защитниками прежних ценностей, в том числе и религиозных. Официально считается, что в 1920 г. Гражданская война закончилась. В регионе стала укрепляться централизованная власть, губернские органы власти работали над внедрением политических решений в области религии, в соответствии с инструкциями реализовывали отделение церкви от государства. Прежде всего, это касалось православной церкви, тогда как верования коренных народов Эвенкии и Таймыра, наоборот, получили своеобразное послабление за счет декларирования права на свободу совести.

Изначально антирелигиозная деятельность велась целенаправленно в отношении главного противника и идеологического врага – Русской православной церкви. Но в конце концов, духовные лидеры всех форм религиозных верований воспринимались как идеологические враги. Исконной религиозной формой, распространенной среди жителей Таймыра и Эвенкии был шаманизм. Шаманы пользовались непререкаемым авторитетом, к ним верующие обращались за помощью в различных ситуациях, и это вызывало опасения у новой власти, к тому же шаманы были достаточно обеспеченными людьми, что тоже было поводом для преследований.

Известны факты преследований шаманов по обвинению в шарлатанстве, в нанесении вреда здоровью шаманскими практиками, в ведении антисовет-

ской деятельности. Не отказавшись от своих убеждений, люди становились жертвами политических репрессий. В Книге памяти жертв политических репрессий Красноярского края есть упоминания о судьбах шаманов.

В заключение необходимо отметить, на сегодняшний день решения, принятые в период становления Советского государства в отношении церкви, священнослужителей, религиозных общин, в том числе в отношении верующих людей, проживавших на территории Таймыра и Эвенкии, не имеют однозначной оценки. Политика Советского государства, направленная на уничтожение идеологических врагов в лице священнослужителей, духовных лидеров, со временем снизила градус радикальности в решениях и трансформировалась в общую просветительскую деятельность. От репрессий в адрес шаманов – к расширению масштабов политической просветительской деятельности, которая дала со временем свои плоды. В 1940-е гг. многочисленные политпросветшколы изжили себя, на их месте появились средние школы, целью которых было всеобщее образование и просвещение.

Несмотря на стремление утвердить материалистическое мировоззрение, не произошло полного искоренения традиционных форм верований, сохраненных как части национальной истории народов, части этнических культур, как формы фольклора. Известно множество исследовательских подвигов, совершенных советскими учеными, такими как Василевич Глафира Макарьевна, Воскобойников Михаил Григорьевич, ради сохранения уникальных культур коренных, прежде всего малочисленных народов Сибирского Севера. На сегодняшний день мы видим возрождение традиционной религиозности, ставшее возможным благодаря этим ученым.

Список литературы

1. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Компенсаторные практики формирования этнокультурной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–48.
2. Березюк С. В. Стилевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 2. С. 32–40.
3. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.
4. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.
5. Замаева Ю. С. Анализ понятия «глобальные трансформации». Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) // Цифровизация. 2021, Т. 2. № 1. С. 27–40.

6. Замараева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
7. Колесник М. А. Философские аспекты понятия «культурная идентичность» // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 2. С. 22–33.
8. Колесник М. А., Смолина М. Г. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 41–53.
9. Копцева Н. П., Дегтяренко К. А., Шпак А. А. Журнал «Природа и люди» (1910 г.) как источник по истории народов Российской империи // Былые годы. Российский исторический журнал. 2021. № 16. С. 990–999.
10. Копцева Н. П., Пименова Н. Н. Своеобразие культурных сообществ сегодня: опыт изучения трансформаций в культурных пространствах и классификация Т. Х. Эриксона // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 3. С. 57.
11. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.
12. Крупкина К. А. Концептуальные основания этнических исследований // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 8–16.
13. Крупкина К. А. Теоретико-методологические основания современных исследований этничности // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 4. С. 11–24.
14. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций / Н. П. Копцева [и др.]. СПб.: Эйдос, 2011. 174 с.
15. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
16. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.
17. Лещинская Н. М., Сертакова Е. А., Пашова Э. В. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 20–29.
18. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 184 с.
19. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
20. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
21. Пашова Э. В. Тенденции и практики взаимодействия с коренными и коренными малочисленными народами в области образования // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 39–51.
22. Пименова Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки // Социодинамика. 2016. № 3. С. 37–45.

23. Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа / Ю. Н. Авдеева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 3. С. 8–25.
24. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.
25. Резникова К. В. К вопросу об эпическом культурном наследии коренных малочисленных народов Красноярского края // Litera. 2016. № 2. С. 20–34.
26. Резникова К. В. Особенности использования цифровых технологий коренными малочисленными народами // Цифровизация. 2021. № 4. С. 14–23. DOI: 10.37993/2712-8733-2021.
27. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
28. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
29. Сертакова Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 999–999.
30. Сертакова Е. А., Ситникова А. А., Замараева Ю. С. Источники по истории енисейских народов Российской империи (на примере анализа материалов газеты «Красноярец») // Былые годы. 2021. № 16. С. 2034–2042.
31. Ситникова А. А. Современные практики форсайт-исследования будущего социально-антропологических систем, в том числе этнокультурных групп северных регионов Российской Федерации // Социодинамика. 2014. № 9. С. 44–62.
32. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
33. Специфика религиозного сознания кетов и селькупов в контексте культурного и исторического развития / Авдеева [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 63–80.
34. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
35. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.
36. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
37. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.
38. Шпак А. А. Сложные этнические идентичности: изучение феномена в современном гуманитарном знании // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 9–15.

39. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: The current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (8). P. 1552–1567.
40. Religion of dolgans, nganasans, nenets and enets / A. V. Kistova, N. N. Pimenova, K. V. Reznikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (5). P. 791–811.
41. Religion of the Selkups and the Kets in the historical and cultural genesis / Y. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (5). P. 726–751. DOI: 10.17516/1997-1370-0419.
42. Sertakova E. A. Nenets children's literature: The history and specificity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9 (9). P. 2013–2021.
43. Sitnikova A. A. The world practice of development of writing for non-literate cultures // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11 (10). P. 1635–1652. DOI: 10.17516/1997-1370-0325.

УДК 314.74

А. А. Ситникова¹, М. А. Колесник², А. И. Дёмина³

¹Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

²Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

³Студент направления «Культурология» кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ НАЧАЛА XXI в.*

В статье раскрываются основные художественные практики современного искусства, связанные с тематикой миграционных процессов. Делается вывод о том, что в российской художественной культуре можно выделить несколько направлений: это особенности и проблемы региональной специфики быта мигрантов, попытка философского осмысления феномена миграции, обращение к прошлому, которое показывает возможности культурного обогащения страны благодаря процессам миграции. В целом можно сказать, что художники стараются вывести разговор о мигрантах за рамки существующих стереотипов, придать видимость явлениям, которые общество часто не замечает или замалчивает.

Ключевые слова: миграция, художественная культура, современное искусство.

The article reveals the main artistic practices of contemporary art related to the theme of migration processes. It is concluded that several directions can be distinguished in the Russian artistic culture: these are the features and problems of the regional specifics of the life of migrants, an attempt to philosophically comprehend the phenomenon of migration, an appeal to the past, which shows the possibilities of cultural enrichment of the country due to migration processes. On the whole, it can be said that the artists are trying to bring the conversation about migrants beyond the existing stereotypes, to give visibility to phenomena that society often does not notice or hush up.

Keywords: migration, artistic culture, contemporary art.

Несомненно, создание толерантной среды и аккультурация мигрантов в современных городах является одной из ключевых повесток для современ-

---

© Ситникова А. А., Колесник М. А., Дёмина А. И., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.

Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43014.

ного общества. Данная проблема решается на уровне административного управления городами, в социологических исследованиях, урбанистическими проектами, а также в сфере современного искусства.

Современное искусство является частью художественной культуры и как специфическая деятельность выступает пространством осмысления общечеловеческих ценностей, феноменологии человеческого и человеческих отношений. Таким образом, в отличие от прикладной направленности административной деятельности и урбанистических проектов современное искусство старается обратить внимание на гуманистические аспекты в отношениях между мигрантами и местными сообществами. Художественные проекты в сфере современного искусства, направленные на осмысление темы интеграции мигрантов в местные гражданские сообщества, чаще всего реализуются в таких жанрах как видео, перформансы, инсталляции, партиципаторные проекты, а также в иных медиа.

В начале XXI в. в современном искусстве наблюдается очевидный рост количества произведений искусства, работающих с проблемами мигрантов. Можно отметить, что число зарубежных художественных практик, дружелюбно ориентированных на создание комфортных условий для интеграции мигрантов в иную культуру, значительно превышает количество российских проектов на эту тему. В российском же искусстве художественные проекты с мигрантами реализуются преимущественно в столичном искусстве, в то время как провинциальное современное российское искусство пока только начинает развиваться. Современные художественные проекты о мигрантах раскрывают самые разные аспекты их жизни: проблемы экономического неравенства мигрантов в современных сообществах; проблемы «потерянного дома» и собственной культуры, с которой расстаются мигранты при переезде; проблемы изолированности мигрантов от многих сторон социального взаимодействия в «принимающем» сообществе и другие. Остановимся подробнее на рассмотрении конкретных проектов в сфере современного искусства на тему миграции.

К теме мигрантов часто обращается в своем творчестве одна из ключевых фигур в сфере современного уличного искусства – анонимный художник Бэнкси. В его творчестве довольно много произведений с гуманистическими посылами о том, что важно проявлять милосердие и сострадание к людям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях (в частности, к мигрантам, которые часто ограничены в своих правах и экономических возможностях). Одно из наиболее известных произведений Бэнкси на эту тему – портрет Стива

Джобса на стене рядом с лагерем сирийских беженцев во французском городе Кале, где они живут в палатках без всякого доступа к современному комфорту, ожидая возможности перебраться в Британию. На портрете Стив Джобс – создатель компании Apple, культовая личность для современной культуры – изображен в образе беженца с телевизором и вещевым мешком в руках. К этому образу Бэнкси обращается, потому что Стив Джобс сам был выходцем из семьи сирийских мигрантов. Смысловое послание данной работы считывается однозначно: толерантное и инклюзивное отношение к мигрантам, беженцам может привести к появлению выдающихся личностей в обществе, поэтому не стоит отказывать этим людям в возможностях реализовать себя. На своем сайте художник так прокомментировал эту работу: «Нас часто убеждают в том, что миграция – это ущерб для принимающей страны, но Стив Джобс был сыном сирийских мигрантов. Apple – компания с самым большим доходом в мире, ежегодно она платит семь миллиардов долларов налогов. И все это благодаря тому, что страна приняла к себе молодого сирийца из Хомса».

Не менее знаменитый китайский художник Ай Вэйвэй, покинувший Китай и сам оказавшийся в позиции мигранта в Германии, также создает многочисленные работы на тему миграции, в частности вынужденной миграции. Один из ключевых его проектов на эту тему был реализован в Нью-Йорке в 2017 г. и назывался *Good Fences Makes Good Neighbors* («Хорошие заборы – хорошие соседи»). Данный проект был направлен против компании президента Дональда Трампа по созданию стены между США и Мехико. Он включал в себя большую золотую клетку в Центральном парке в Нью-Йорке, металлический забор со сквозным проемом в виде двух человеческих фигур внутри арки в Вашингтон-сквере и еще несколько инсталляций в городе в виде заборов-клеток в серебряном или золотом цветовом решении. Основной посыл данного проекта связан с желанием обратить внимание людей-зрителей на проблему возведения межкультурных стен в современном обществе. Сетка выступает метафорой этих границ, где в Центральном парке открыта лишь верхняя часть клетки. Показано небо – это говорит нам о том, что мы все равны и находимся под одной крышей. Также зеркальное отражение в человеческих фигурах в арке сквера показывает нам, что все мы являемся одним целым и не должны поддаваться делению, ведь мы отражение друг друга.

Ай Вэйвэй организует и другие проекты на эту тему. Например, его выставка «Закон путешествия», которая была создана для пражской Националь-

ной галереи в 2017 г. Центральным экспонатом выступает гигантская инсталляция – парящая над залом лодка с черными надувными фигурами беженцев. Они представлены одинаковыми и безликими. Художник призывает нас обратить внимание на проблему восприятия личности мигрантов. Также Ай Вэйвэй создает инсталляции из множества спасательных жилетов – самой важной вещи для беженцев в районе Средиземного моря и других регионах, которая сохраняет человеку жизнь и является символом человека. Инсталляции со спасательными жилетами, подчеркивающими тотальность проблемы миграции в Европе, он представил в 2016 г. в концертном зале в Берлине и в пруду садового комплекса Бельведер в Вене. Он снял несколько документальных фильмов о проблемах европейских мигрантов – «Человеческий поток» (2017), «Дрейфующий Ай Вэйвэй» (2018).

На стыке урбанистического дизайна и партиципаторного искусства был реализован проект датской арт-группы Superflex в мигрантском районе Копенгагена – Нёрребро. В этом районе проживают представители более 60 национальностей. При разработке дизайна парка в виде клина, отчего он и получил свое название Superkilen, жители района были приглашены для участия в разработке проекта: им было предложено вспомнить, как выглядели парки, качели, лавочки в местах их исконного проживания, для того чтобы воспроизвести эти формы в нынешнем парке и вернуть жителям ощущения потерянного дома. Район Нёрребро считается не самым благополучным в Копенгагене, в частности потому, что жители не относятся к нему как к своему родному дому, поэтому проект был реализован как попытка усилиями дизайнера и искусства снизить уровень напряженности в мигрантской среде города.

Один из самых противоречивых художников в современном зарубежном искусстве, который часто работает с темой мигрантов, – испанец Сантьяго Сьерра. Он жестко обращает внимание на тему экономического неравенства и рабского труда мигрантов в местных сообществах: чаще всего он «нанимает» мигрантов «за копейки» для исполнения своих, отчасти унижительных, перформансов – например, мигрантам платят совершенно небольшие деньги (менее 100 долларов) за нанесение татуировок на их тела или за покрытие их монтажной пеной. Один из перформансов художника, работающих непосредственно с темой низкооплачиваемого труда мигрантов, был осуществлен в 2002 г. в Кунстхалле в Санкт-Галлене (Швейцария) и назывался «Три куба по 100 см с каждой стороны передвинуты на 700 см». Для исполнения работы он нанял шесть нелегальных албанских беженцев, которые не имели прав на

рабочую деятельность. Во время презентации проекта рабочие переместили три куба от одной стены галереи к другой, противоположной. В этом произведении труд мигрантов сталкивается с минималистической скульптурой (кубы с их буквальными названиями отсылают к минималистическим скульптурам Дональда Джадда), и произведения минималистического искусства «вытаскивают» низкооплачиваемый и эксплуатируемый труд мигрантов-рабочих из профанного состояния до уровня духовного и экзистенциального. Согласно исследованию магистранта Сибирского федерального университета 2-го курса, обучающегося по программе «История искусств», Т. Ермакова, это произведение С. Сьерра можно принять за визуализацию экзистенциального трактата А. Камю «Сизифов труд».

Еще одним вариантом работы с темой жизни мигрантов в зарубежном искусстве является проект кубинской художницы Тани Бругеры – «Международное иммигрантское движение», – задуманный в 2010 г. и реализованный с 2010 по 2015 г. в сотрудничестве с Музеем искусств Квинса в Нью-Йорке. Таня Бругера называет свое искусство – «искусство поведения». Действительно, в рамках ее художественных проектов она исследует и выставляет модели поведения людей в различных социальных ситуациях. В рамках данного проекта она провела «полевое исследование» в многонациональном районе Нью-Йорка в Квинсе, где общалась с семьей мигрантов, узнавала о тех сложностях, которые возникали у них в социальном плане (например, оформление медицинской страховки и других документов, низкая заработная плата). Она открыла магазин в этом районе, где собиралась проводить художественные мастер-классы, но поняла, что в большей степени потребности мигрантов связаны с необходимостью изучения английского языка или поиском юридической помощи. В конечном счете она собиралась изучить феномен «мигранта» как «гражданина мира», человека, преодолевающего барьеры национальных границ в культурном плане. Во время презентаций данного художественного проекта она рассказывала о своем философском осмыслении феномена «мигрант» и представляла документацию жизни в коммуне мигрантов.

В российском современном искусстве тема мигрантов также получает все более широкое освещение.

Примером тому служит творчество российской художницы Ольги Житлиной, которая выступает обычно в соавторстве с художниками или представителями общества, занятыми проблемами мигрантов (например, правозащитник Андрей Якимов), или же с самими мигрантами непосредственно.

Самая известная и яркая ее работа – «Россия – страна возможностей» (2011), представляющая собой изначально скорее концепцию настольной игры, в итоге таковой и стала в 2015 г.; с тех пор получила еще четыре издания. Первоначально рисунок, представляющий собой игровое поле, был сделан специально для выпуска газеты про миграции арт-группы «Что делать?». К созданию были привлечены правозащитник Андрей Якимов, дизайнеры Татьяна Александрова и Надежда Воскресенская, также были использованы рисунки известного художника Давида Тер-Оганьяна. В разработке принимали участие даже родственники художницы Александр Лях и Галина Житлина.

Будучи игровым полем, произведение провоцирует зрителя на изучение правил, принятие ролей и вызывает желание совершать определенные действия. Уже на старте в виде условных обозначений, которые будут встречаться на пути зрителя-игрока, даны особенные реалии, с которыми придется столкнуться всякому мигранту в России, они же и будут определять его жизнь в принимающей стране: это возможность получить действительное или фальшивое разрешение на работу, хитрить и обходить закон либо четко знать свои права и соблюдать законы и правила принимающей страны.

В самом поле обозначены все этапы пути мигранта: подготовка к выезду из родной страны, оформление разрешения на работу и регистрации, заполнение миграционной карты, поиск работы, первые заработанные деньги. В поле также размещены рисунки, условно изображающие сцены насилия, а также знаки, намекающие на то, что в реальности данная игра действительно жестока, опасна и что в России у мигранта есть риск столкнуться с насилием и проявлением национализма, а где-то даже и попасть в рабство. Но игра на то и игра, в ней всегда есть возможность понять, даже не будучи мигрантом, с какими сложностями придется иметь дело, какие есть варианты действий в разных ситуациях и как все может пройти благополучно.

Другой проект Ольги Житлиной – «Конкурс шутки Ходжи Насреддина». Это как раз тот вариант художественной практики, предполагающий включение представителей мигрантской среды в некое действие. В рамках проекта художники создавали благоприятные условия для взаимодействия с мигрантами, всячески стараясь отмежеваться от обоюдных стереотипов и наладить дружественное общение. Образ фольклорного персонажа, известного всем жителям Средней Азии, всем представителям мусульманской культуры своим хитроумием и способностью найти выход даже из самой сложной ситуации,

был использован в качестве повода для разговоров, в ходе которых были собраны интересные истории, отражающие типичные ситуации, в которые попадают мигранты, но сдобренные шутками, а также были сделаны рисунки, позднее опубликованные в нескольких номерах газеты «Насреддин в России», тоже представляющей собой художественное высказывание. Здесь собраны рисунки в духе комиксов, отражающие типичные проблемы мигрантов в России, но воспринятые как бы Ходжой Насредином и в виде шутки. Интересно, что художники постарались здесь также раскрыть мир мигрантов и с творческой стороны. Так, в третьем выпуске газеты есть заметка о том, как мигранты где-нибудь на стройках прерывают работу и превращают предметы труда в музыкальные инструменты, записывают видеоролики. То есть люди, часто исключенные из культурной жизни совсем в силу их невыгодного положения в обществе, находят пути для реализации своей творческой энергии.

В числе художественных событий, связанных с проблемами и осмыслением феномена современной миграции можно назвать выставку 2016 г. «Через границы / Сквозь ограничения» в Музее стрит-арта в г. Санкт-Петербурге. По большому счету причислить к российским данный проект можно только в связи с географической привязкой, поскольку здесь были представлены работы художников из разных стран. Темы, интересующие художников, связаны с проблемами миграций и мигрантов в мировом контексте, далеком от региональных особенностей. В данном случае можно выделить работу Кирилла Кто «Непонятное», представляющую собой окрашенную в разные цвета стену, поверх которых нанесены надписи на различных языках. Так стена превращается не просто в нечто, что определяет границы пространства, но и в границу, определяющую разобщенность людей, сложность коммуникации между ними, хотя само сообщение является весьма простым, не нагруженным сложными конструкциями и смыслами.

В 2019 г. в центре Гиляровского в г. Москве открылась выставка «Дорогие москвичи и гости столицы», посвященная миграциям как явлению городской жизни, неотъемлемому от истории города и его современного состояния. Все это было сделано на материале, рассказывающем о Москве, история которой на протяжении всего времени была связана с этими процессами. Например, были представлены московские семейные альбомы. Также стоит отметить, что эта выставка объединила очень разные объекты: от этнографических до произведений современных художников, посвященных миграциям.

Из совсем свежих художественных проектов, реализуемых в данный момент, в рамках нашей темы выделяется выставка Натальи Гончаровой «Оранжевый шум», действующая до 19 декабря 2021 г. в Ельцин Центре. Художница представила живописные произведения наряду с керамическими и выполненными в технике вышивания, связанные между собой темой представления образа мигранта в качестве личности, выведенной в качестве главного или даже единственного героя выставки. Сама Гончарова говорит о том, что сквозная идея произведений была связана с ужасом, который вызвал у нее опрос жителей двора, не сумевших описать дворника, который, однако, каждый день затрачивает много усилий для приведения территории в порядок. Именно этим желанием обозначить личность вызвано то, что большая часть представленных живописных образов рождает ассоциации с известными во всем мире произведениями искусства, а совершенно не представительский вид персонажей и локации, где они находятся, решаются в каноне парадного портрета.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

- Современное искусство в виде институций (музеи, галереи, культурные центры и т. п.) и коммуникативных художественных практик является пространством, открытым для коммуникации и взаимодействия с мигрантами. В то время как многие локальные социальные пространства (рынок труда, магазины, школы и т. п.) могут допускать мигрантов в формальную систему взаимодействия, они остаются закрытыми для обсуждения проблем мигрантов, темы экономического и социального неравенства, в то время как современное искусство становится той самой платформой для организации общечеловеческой коммуникации метанационального масштаба.
- В современном искусстве начала XXI в. накопился богатый опыт работы с темой миграционных процессов – здесь создаются произведения искусства, представляющие собой гуманистический посыл всем людям о необходимости межнационального взаимодействия, художники обращают внимание на проблемы экономического неравенства и социальной исключенности мигрантов из жизни местных сообществ.

В России, несмотря на то что тема миграций в художественном творчестве только получает развитие, можно выделить несколько направлений, которые интересуют художников: это особенности и проблемы региональной специфики быта мигрантов, попытка философского осмысления феномена миграции, обращение к прошлому, которое показывает возможности культурного обогащения страны благодаря процессам миграции. В целом можно

сказать, что художники стараются вывести разговор о мигрантах за рамки существующих стереотипов, придать видимость явлениям, которые общество часто не замечает или замалчивает.

Список литературы

1. Безгодова Ю. С. Переход с материального в индексный статус художественного образа портретного живописного произведения искусства // Вестник Красноярского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 10. С. 144–151.
2. Газета «Насреддин в России» // Музей «Гараж»: сайт. URL: <https://garagemca.org/ru/exhibition/bureau-des-transmissions/materials/gazeta-nasreddin-v-rossii-nasreddin-in-russia> (дата обращения: 22.11.2021).
3. Гудкова Е. Е., Сертакова Е. А. Значение архетипа «Ангел в смирительной рубашке» для понимания специфики современного русского социально-культурного пространства // Социодинамика. 2015. № 4. С. 64–74.
4. Дорогие москвичи и гости столицы // Музей Москвы: сайт. URL: <https://mosmuseum.ru/exhibitions/p/dorogie-moskvichi-i-gosti-stolitsyi/>.
5. Замаараева Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 600–600.
6. Зборовицкая Н. Н., Середкина Н. Н. Образ мигранта в современном Российском кинематографе (на материале анализа фильма «Звёзды» А. Новикова-Янгвинова) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 167–176.
7. Искусство как способ увидеть Другого сквозь шум. URL: http://xn--80atdujec4e.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/common_content/item/art_post/659.
8. Кистова А. В. Культура как фактор социальной динамики // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 100–111.
9. Кистова А. В. Синтетическая модель культуры и культурные практики // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 111–121.
10. Клыкова А. В. Иконографическое исследование произведения Поля Гогена «Карикатура на губернатора Таити Лакаскада» // Вестник Красноярского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 3. С. 97–112.
11. Козлов Е. С., Сертакова Е. А. Образ «космоса» в произведениях современной аудиовизуальной культуры // Цифровизация. 2021. Т. 2, № 2. С. 44–50.
12. Колесник М. А., Лещинская Н. М., Сертакова Е. А. Образ поэта-творца в символизме Гюстава Моро // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 4. С. 25–37.
13. Копцева Н. П., Пименова Н. Н. Культурные трансформации: возможности изучения // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 3. С. 36–44.
14. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 184 с.
15. Новая арт-критика на берегах Енисея / Н. П. Копцева, А. В. Бралкова, А. А. Герасимова [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 340 с.

16. Описание настольной игры «Россия – страна возможностей». URL: https://chtodelat.org/ar_4/nr_4/%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%B8%D0%B3/?lang=ru (дата обращения: 22.11.2021).
17. Описание проекта Сантьяго Сьерра «Три куба по 100 см с каждой стороны передвинуты на 700 см». URL: <http://openfileblog.blogspot.com/2012/06/santiago-sierra-3-cubes-of-100-cm-on.html>.
18. Отражение социального опыта мигрантов в искусстве URL: <https://syg.ma/@shaninka/otrazhieniie-sotsialnogho-opyta-mighrantov-v-iskusstvie> (дата обращения: 22.11.2021).
19. Официальный сайт художника Бэнкси. URL: <http://www.banksy.co.uk/index.html> (дата обращения: 21.11.2021).
20. Резникова К. В., Ситникова А. А., Замараева Ю. С. Философия искусства в творчестве Эгона Шиле // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 4. С. 38–48.
21. Сайт Музея стрит-арта. URL: <https://streetartmuseum.ru/chez-granitsy-skvoz-ogranicheniya-2016/>.
22. Середкина Н. Н. Антропологические и этнологические подходы к изучению общероссийской гражданской идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2022. № 1 (3). С. 111–121. DOI:10.31804/2542-1816-2022-6-1-111-121.
23. Середкина Н. Н., Кистова А. В., Пименова Н. Н. Три картины Эдварда Мунка: философско-искусствоведческий анализ цикла «Фриз жизни» // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3, № 4. С. 49–64.
24. Сертакова Е. А. Исследования «города» в классических концепциях зарубежных ученых // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 381.
25. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
26. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
27. Этнокультурная динамика Красноярского края в творчестве красноярских художников / А. И. Филько, Ю. Н. Авдеева, А. В. Кистова [и др.] // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 873–889.
28. Gibson E. Ai Weiwei protests border wall with huge New York installations. 2017. URL: <https://www.dezeen.com/2017/10/11/good-fences-make-good-neighbours-ai-weiwei-new-york-installations-protest/> (дата обращения: 21.11.2021).
29. Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Zamaraeva Yu. S. Three paintings by Egon Schiele: ideas about the essence of art // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (7). P. 1240–1255.
30. Sertakova E. A., Leshchinskaia N. M., Kolesnik M. A. Three Gustave Moreau pictures: myth, religion, creativity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (7). P. 1316–1334.
31. Superkilen. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Superkilen> (дата обращения: 21.11.2021).

УДК 314.74

Р. В. Павлюкевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета, Красноярск, Россия

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ МЕЖДУ КРАСНОЯРСКОМ И РЕСПУБЛИКАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1960-е гг.

В статье анализируются миграционные потоки между городом Красноярском и советскими республиками Средней Азии в 1961–1970 гг. Рассматривается эмиграция, иммиграция, а также механический прирост между Красноярском и Казахской, Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР. Анализ потоков позволил заключить, что миграционное сальдо между Красноярском и Средней Азией было отрицательным, за исключением Казахстана. Данная ситуация была достаточно парадоксальной. В рассматриваемое десятилетие Красноярский край в целом и Красноярск в частности выступали как регион-реципиент, нуждавшийся в новых силах, переселенцах. Для большинства республик Средней Азии Красноярский край и Красноярск являлись донором. Это можно объяснить тем, что правительство полагало ускоренное развитие данных республик за счет мигрантов из РСФСР приоритетной задачей и видело в данных потоках один из ключевых инструментов для достижения этой задачи.

Ключевые слова: миграционные потоки, иммиграция, эмиграция, Красноярск, республики Средней Азии, 1960-е гг.

The paper analyzes migration flows between Krasnoyarsk and Soviet republics of Central Asia in 1961–1970. Emigration, immigration, as well as mechanical growth between Krasnoyarsk and Kazakh, Uzbek, Turkmen, Tajik and Kyrgyz SSR are considered. The author concludes that the migration balance between Krasnoyarsk and Central Asia was negative, with the exception of Kazakhstan. This situation was rather paradoxical. In the decade under consideration Krasnoyarsk region in general, and Krasnoyarsk in particular, acted as a recipient region, in need of new forces, migrants. Whereas with most Central Asian republics Krasnoyarsk krai, and Krasnoyarsk became a donor. This can be explained by the fact that the government considered accelerating the development of these republics at the expense of migrants from the RSFSR as a priority, and saw these flows as one of the key instruments for achieving that goal.

Keywords: migration flows, immigration, emigration, Krasnoyarsk, Central Asian republics, 1960s.

Миграция в современном мире давно стала – важнейший фактор общественной жизни, затрагивающий экономическую, политическую, социальную и культурную сферы. Актуальна она и для нашей страны, являясь сложным и неоднозначным процессом.

Одно из наиболее актуальных направлений миграционных процессов как на территории нашей страны в целом, так и Сибири в частности – среднеазиатское, куда вошли бывшие республики СССР: Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Причем наибольшие споры вызывает поток с Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном.

Существуют различные теории и подходы, пытающиеся дать объяснения тем или иным причинам направлений и интенсивности миграционных потоков, но все они сходятся в необходимости изучения предшествующего опыта и истории миграции на той или иной территории.

В рамках данной работы нами были выбраны 1960-е гг., когда на основной части СССР уже сложилось по крайней мере раннеиндустриальное общество, для которого характерно повышение интенсивности миграционных потоков.

Это сопровождалось различными общесоюзными факторами, наиболее яркой – целинная кампания Н. С. Хрущева. В ходе нее сотни тысяч активного населения были брошены на освоение целинных и залежных земель, значительная часть которых находилась в Средней Азии и в Сибири. Целинная кампания требовала тысячи рабочих рук, причем были необходимы люди не из самой Средней Азии, а из традиционных районов пашенного земледелия, то есть Западных районов СССР, что нашло отражение и в воспоминаниях Н. С. Хрущева: «Я стал допытываться: какое количество земли находится в распашке? Какие площади пригодны под распашку, но не распахиваются? <...> Каковы перспективные возможности земель, которые могут быть распаханы? Из беседы с ним я понял, что он со мной говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распашке, там очень мало или совсем нет. <...> У меня сложилось впечатление, что здесь имели место политические, точнее националистические, мотивы. Шаяхметов понимал, что *если увеличить площади под зерно, то обрабатывать их казахи сами не смогут*. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал, и никто этого не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. <...> А он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане» [1].

Сама логика целинной кампании требовала массового переселения русского, украинского и белорусского населения в республики Средней Азии. В то же время в центре внимания нашего исследования находятся непосредственно миграционные потоки из Красноярска и в Красноярск, а целинная кампания в основном затрагивала сельское, а не городское население. Тем не менее данные процессы не могли не коснуться ситуации в Красноярске, о чем будет сказано ниже.

Вторым фактором было развитие самого Красноярска и Красноярского края, который в 1960-х гг. вошел в фазу интенсивной урбанизации, нуждаясь в новых жителях, новых поселенцах (именно в 1960–1961 гг. городское население Красноярского края впервые превысило сельское). В некоторой степени Красноярский край представлял собой фронтирную территорию освоения, нуждающуюся в новой крови, впрочем, это было характерно и для большинства среднеазиатских республик в рассматриваемый период.

Третьим фактором была собственно советская политика в области развития Средней Азии. Власть поощряла переселение населения Западных республик СССР и РСФСР в Казахскую, Киргизскую, Узбекскую, Туркменскую и Таджикскую ССР. Это был один из инструментов ускорения модернизации и урбанизации средней Азии. Казахстан был, безусловно, наиболее развитой из республик советской Средней Азии, но даже он в своем развитии нуждался в потоке русских, украинских и белорусских переселенцев. Состояние других республик требовало еще большего количества переселенцев для ускорения их интеграции в единство советского народа. Поэтому государственная политика СССР была направлена на поощрение переселений в эту зону. Другое дело, что эпоха, когда это было возможно совершить административно-силовыми методами, ушла в прошлое, государство предпочитало более мягкие рычаги воздействия.

В рамках названных факторов Красноярск оказывался в неоднозначных условиях. С одной стороны, он сам нуждался в переселенцах как регион целинной кампании и как зона активного хозяйственного освоения. Но в то же время населенный преимущественно русскими и находящийся в относительной близости к республикам Средней Азии, он мог выступать для них донором. Все эти факторы и противоречия в той или иной степени окажут влияние на развитие миграционных потоков в 1960-е гг.

В рамках нашего исследования будут проанализированы оба потока миграции (как из Красноярска, так и в Красноярск), а также собственно механи-

ческий прирост, возникший в результате развития данных потоков в рассматриваемое десятилетие. Начать хотелось бы со среднеазиатской иммиграции в Красноярск в 1961–1970 гг. Ниже представлена сводная табл. 1 по иммиграции из республик советской Средней Азии в рассматриваемые года.

Таблица 1

Сводная иммиграция в Красноярск
из республик Средней Азии в 1961–1970 гг., человек

Республика	Городская местность	Сельская местность	Неизвестно	Итого
Узбекская ССР	1 604	288	103	1 996
Киргизская ССР	1 292	338	136	1 766
Таджикская ССР	644	56	60	760
Туркменская ССР	328	36	24	388
Казахская ССР	5 966	2 260	980	9 206
Итого по Средней Азии	9 834	2 978	1 303	14 116

Составлено по: ГАКК, фонд 1300, опись 5, дела 2749–2759.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении данных, – это то, что наиболее мощный иммиграционный поток был характерен для Казахской ССР. Количество прибывших в Красноярск из Казахстана практически в два раза превышало суммарный поток мигрантов из всех остальных среднеазиатских республик. В отдельные годы в официальной отчетности Казахская ССР даже выделялась в собственный район, отдельно от остальной Средней Азии. Далее по количеству переселенцев идут Узбекская и Киргизская ССР. Уровень их развития уступал Казахстану, но был выше, чем у Таджикистана и Туркменистана.

В основном в Красноярск переселялись жители различных городов Средней Азии. Данный факт опять же не должен вызывать удивления. Сельчанам в принципе характерна меньшая социальная мобильность, они намного реже готовы к переезду на значительные расстояния. Жители сельских территорий, как правило, переезжали в рамках одной республики на достаточно небольшие расстояния, в то время как горожане были чаще готовы на такие авантюры, как переезд с одного конца Советского Союза на другой.

Продолжая анализ иммиграционного потока из Средней Азии, обратим внимание на представленную диаграмму 1.

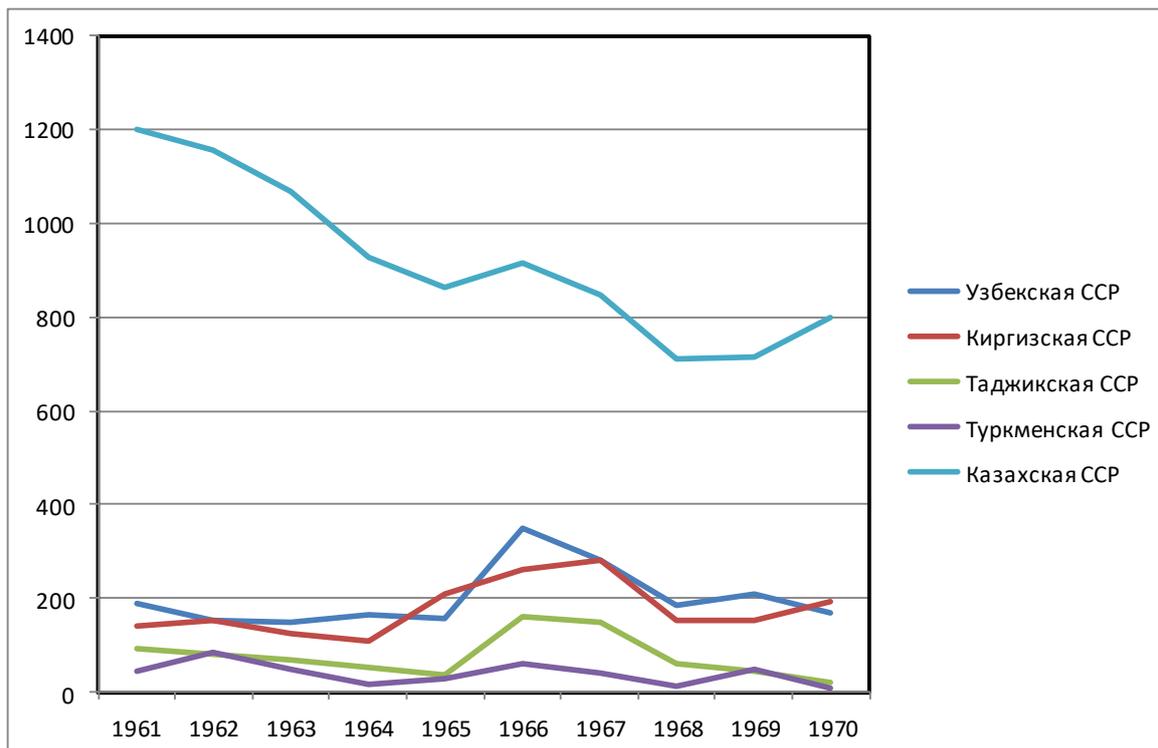

Диаграмма 1. Иммиграция в Красноярск из республик Средней Азии в 1961–1970 гг. (по годам)
Составлено по: ГАКК, фонд 1300, опись 5, дела 2749–2759

Как уже говорилось выше, наибольший по интенсивности поток иммигрантов был характерен для Казахской ССР. Еще одной причиной, кроме обозначенных выше, была неудача целинной кампании. Именно Казахстан был основным центром ее реализации в Средней Азии, туда направлялись многочисленные добровольцы со всей РСФСР, УССР и БССР. Как мы видим на представленной выше диаграмме, пик прибытия населения из Казахстана приходится в первую очередь на 1961 г., когда стали ощущаться первые просчеты целинной кампании, следующий всплеск и пик (причем по всем республикам Средней Азии) приходится уже на середину 1960-х гг. Для Казахстана это 1966 г., что было связано с окончательным смещением Н. С. Хрущева и свертыванием его преобразований. В отличие от предыдущего этапа нашей истории переселенческая кампания Н. С. Хрущева проводилась на добровольных началах, и многие, столкнувшись с трудностями на новом месте, с разочарованием в нем могли его покинуть и вернуться.

Теперь перейдем к анализу эмиграционного потока из Красноярска в республики Средней Азии. В табл. 2 приведены сводные данные по этому потоку в рассматриваемое десятилетие.

Таблица 2

Сводная эмиграция в Красноярск
из республик Средней Азии в 1961–1970 гг., человек

Республика	Городская местность	Сельская местность	Неизвестно	Итого
Узбекская ССР	3 420	119	76	3 619
Киргизская ССР	2 080	156	56	2 292
Таджикская ССР	1 044	56	24	1 124
Туркменская ССР	408	4	24	436
Казахская ССР	6 626	940	652	8 218
Итого по Средней Азии	13 578	1 275	832	15 689

Составлено по: ГАКК, фонд 1300, опись 5, дела 2749–2759.

В целом из представленных данных, мы можем видеть, что интенсивность потоков эмиграции по республикам Средней Азии в целом совпадает со структурой потоков иммиграции, рассмотренных ранее. Наиболее популярным направлением был Казахстан, следом Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан. При этом разница в количестве переселенцев по республикам не настолько сильно разниться, как это было в рамках иммиграции. Так, Казахская ССР обходит следующую после нее Узбекскую ССР чуть более чем в 2 раза, а не в 4 раза. И если поток иммиграции в Казахстан в два раза многочисленнее совокупного потока по всем остальным среднеазиатским республикам, то в случае с эмиграцией они практически совпадают (8 218 и 7 471 человек соответственно). Казахстан был привлекателен для переселения в связи с общим относительно высоким уровнем его развития, наличием крупной русской диаспорой, но в то же время влияла и общая политика советских властей, ставившая задачу развития и других среднеазиатских республик.

При анализе эмиграции из Красноярска по годам бросается в глаза резкий спад по Казахстану в самом начале рассматриваемого периода. Это было следствием провала целинной кампании. Для других республик также был характерен спад в начале рассматриваемого периода, но позже он сменился нестабильным, но все же ростом, что было следствием уже неоднократно упоминаемой советской политики развития среднеазиатских окраин СССР.

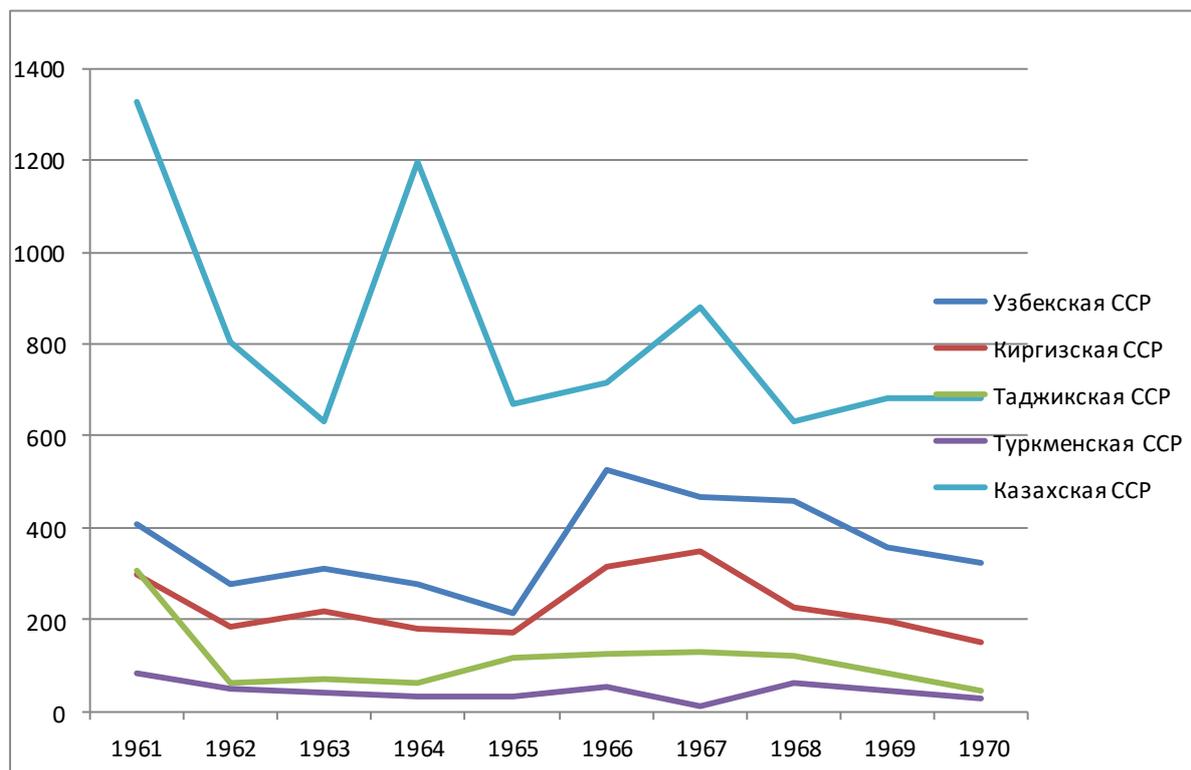

Диаграмма 2. Эмиграция из Красноярска в республики Средней Азии в 1961–1970 гг. (по годам)
Составлено по: ГАКК фонд 1300, опись 5, дела 2749–2759

Таблица 3

Механический прирост между Красноярском и Республиками Средней Азии в 1961–1970 гг., человек

Республика	Городская местность	Сельская местность	Неизвестно	Итого
Узбекская ССР	-1 820	169	28	-1 623
Киргизская ССР	-788	174	88	-526
Таджикская ССР	-400	0	32	-364
Туркменская ССР	-80	32	0	-48
Казахская ССР	-660	1 320	328	988
Итого по Средней Азии	-3 748	1 695	476	-1 573

Составлено по: ГАКК, фонд 1300, опись 5, дела 2749–2759.

В целом мы можем констатировать, что миграционное сальдо между Красноярском и Средней Азией было отрицательным, за исключением Казахстана. Данная ситуация достаточно парадоксальна. В рассматриваемое десятилетие Красноярский край в целом и Красноярск в частности выступали как регион-реципиент, нуждавшийся в новых силах, переселенцах. В то время как

для большинства республик Средней Азии наш регион был донором. Это можно объяснить тем, что правительство считало ускорение развития данных республик за счет мигрантов из РСФСР приоритетной задачей и видело в этих потоках один из ключевых инструментов достижения данной задачи.

Список литературы

1. Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. URL: <https://biography.wikireading.ru/hf7hb8Maz6>. Дата обращения: 14.01.2022.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2749.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2750.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2751.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2752.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2753.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2754.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2755.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2756.
10. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2757.
11. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2758.
12. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1300, оп. 5, д. 2759.

СЕКЦИЯ 3

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СИБИРИ

УДК 303.4.025

К. И. Ильченко

Заведующая научно-образовательным отделом Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, Красноярск, Россия

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МУЗЕЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТАВКИ «РОЖДЕНИЕ ЕНИСЕЯ» В КРАСНОЯРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИМЕНИ В. И. СУРИКОВА)

В статье рассмотрены методы, которые можно применить при исследовании региональной идентичности. Представлен опыт апробирования социокультурной методики в ходе работы выставки-исследования «Рождение Енисея» из фондов Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова. Рассмотрены такие методы, как анкетирование, ассоциативный эксперимент, посетительская оценка, интервью, картирование, а также метод анализа селфи. Рассмотрены преимущества и недостатки данных методов, а также общие рекомендации для исследователей.

Ключевые слова: исследование посетителей музея, региональная идентичность, социокультурные методы.

The article discusses the methods that can be applied in the study of regional identity. The experience of testing the socio-cultural methodology in the course of the exhibition-research “The Birth of the Yenisei” from the funds of the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov. Such methods as: questioning, associative experiment, visitor evaluation, interviews, mapping, as well as the selfie analysis method are considered. The advantages and disadvantages of these methods, as well as general recommendations for researchers, are considered.

Keywords: study of museum visitors, regional identity, socio-cultural methods.

При проектировании социокультурного исследования важно определить методы, соответствующие цели проекта, выбранной аудитории и возможностям исследовательского коллектива. В данных рекомендациях представлены методы, примененные в ходе работы выставки-исследования «Рождение Енисея» из фондов Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова.

Анкетирование. Метод анкетирования – вербально-коммуникативный метод, в котором в качестве средства для сбора сведений от респондента используется специально оформленный список вопросов – анкета. Этот метод

универсальный, его формат позволяет включать в себя различные методы. В данном исследовании анкеты включали в себя: ассоциативный эксперимент двух типов (вербальный и цветовой); список вопросов-заданий, направленных на изучение графического и вербального образа Енисея, вопросы закрытого типа о предпочитаемом месте жительства.

Вопросы для анкеты должны быть простыми, связанными с темой исследования, а их формулировка короткой. При составлении вопросов следует чередовать их типы: закрытые (предполагающие варианты ответов либо простые ответы «да/нет») и открытые (требующие развернутого ответа). При составлении анкеты также необходимо задать вопрос о возрасте и поле респондентов – разделение на группы упростит обработку полученных данных. Лучше, чтобы вопрос о возрасте был закрытого типа с указанием возрастных интервалов.

Важно обратить внимание на дизайнерское оформление анкеты при использовании ее на выставке. Анкета должна выглядеть привлекательно, но не слишком броско, чтобы она смотрелась частью процесса посещения выставки. В данном исследовании разработка дизайна анкет (их было две: одна заполнялась до начала осмотра выставки, вторая – после) была связана с дизайном путевода. Для удобства было решено вложить обе анкеты в путевода, который выдавался всем посетителям выставки на кассе. Инструкция по заполнению обеих анкет помещалась в кратком виде на самих анкетах, в развернутом виде с использованием инфографики инструкция была представлена в фойе выставки в качестве экспликации.

Для снятия стереотипного негативного восприятия метода анкетирования посетителями было принято решение назвать анкеты картами исследователя, а сам просмотр выставки, совмещенный с заполнением анкет, – исследованием. Процентное соотношение заполненных анкет и общего количества посетителей выставки (47,8 %) свидетельствует о большой степени их лояльности посетителей к данному методу и выбранному способу коммуникации с ними (самостоятельное заполнение анкет по инструкции).

Также необходимо предусмотреть специальные коробки для заполненных анкет и пишущие принадлежности, которые были бы доступны посетителям, если анкеты они заполняют сами.

Обработка полученных результатов различна в зависимости от выбранного метода. Однако формат одинаковый: общая таблица с данными, где строки – это возрастные группы респондентов, разделенные по половому

признаку, а столбцы – их ответы. Интерпретация ответов связана с частотой ответов респондентов.

Ассоциативный эксперимент. Основная специфика данного метода исследования состоит в том, что от респондента необходимо получение вербальных ответных реакций на слово-стимул. Количество этих реакций может быть любым, время не ограничено. Метод универсальный, в рамках проведения исследования этот метод наиболее понятен посетителю, он не требует большого количества времени и постоянного нахождения исследователя в контакте с респондентом. При формировании слов-стимулов необходимо учитывать тематику исследования. Также можно задать ограничения на ассоциации (например, ответ должен быть цветом или только прилагательным и др.) Однако, чем больше это ограничение, тем меньший массив данных и меньшую детализацию можно получить.

Список слов-концептов не должен быть слишком большим, слова должны быть простыми и понятными респонденту. Наиболее удобный формат ответов – письменная анкета. При составлении анкеты необходимо задать вопрос о возрасте и поле респондентов. Разделение на группы упростит обработку полученных данных.

Полученный массив данных при их обработке необходимо распределить по группам, объединенным общим признаком. Полученные анкеты с ассоциативным экспериментом удобнее всего оформить в виде таблицы, где строки – это возрастные группы респондентов, распределенные по половому признаку, а столбцы – ассоциативные блоки.

При интерпретации полученных данных нужно учитывать различия в восприятии у разных возрастов и полов. Особым признаком будут сами блоки – наиболее популярный блок среди респондентов будет основным направлением восприятия концепта. Также данные могут показать позитивную или негативную оценку респондентами. Интерпретация полученных результатов проводится в рамках заданной темы.

В данном исследовании проводилось два ассоциативных эксперимента: один до посещения выставки, второй – после. Это было сделано намеренно, чтобы зафиксировать возможную разницу в восприятии предложенных концептов до и после знакомства с выставкой. Однако сопоставление результатов этих двух исследований показало малую эффективность такого способа исследования: результаты второго ассоциативного эксперимента (цветовые ассоциации) во многом дублировали результаты первого, демонстрируя лишь

небольшой процент изменений. Поскольку исследовательская группа ставила задачу апробирования разных методов и поиска наиболее эффективных, в данном случае чистота метода снятия результата «до» и «после» не была соблюдена, что, скорее всего, повлияло на результат.

Посетительская оценка. Предложенная в данном исследовании интерпретация посетительского отклика на выставку (интерактивная зона «Современная писаница Енисейской земли» и наклейки-петроглифы) – также метод исследования, производный от ассоциативного эксперимента и ментального картирования. Посетителям было предложено выбрать стикеры (наклейки) в тематику выставки и разместить их в пределах стены, оформленной в виде карты города Красноярска. От ассоциативного эксперимента в предложенной модели выбор тематических стикеров (подобно выбору ассоциаций), а от ментального картирования – необходимость выбора размещения этих стикеров в различных местах на карте города. Данный метод можно варьировать: исключив заданные точки на карте, можно проследить, как посетители воспринимают город, а добавив их, можно понять, по каким принципам сгруппированы стикеры-ассоциации. Помимо исследовательского аспекта, данный метод является партиципаторной музейной практикой – включает посетителей в процесс соучастия музейной деятельности.

Фиксация подобного визуально оформленного ассоциативного эксперимента возможна в формате фотографии. На изображении необходимо определить наиболее заполненные группы – это точки на карте, «заселенные» стикерами. Можно определить, по какому принципу происходило «заселение». Также при интерпретации можно учитывать изображения, которые меньше всего пользуются популярностью, и изображения, которые не оставляют на стене в музее, а забирают с собой.

Важно отмечать, за какой период посетители полностью заполняют пространство, предложенное для наклейки стикеров. В случае максимально плотного заполнения нужно предусмотреть возможность «очищения» этого пространства от уже нанесенных стикеров. В проведенном исследовании пространство стены для наклеек-петроглифов «очищалось» каждые 2–3 недели. Это связано не только с необходимостью дать возможность новым посетителям принять участие в практике, но и с невозможностью исследования пространства, которое начинает заполняться по принципу оставшихся свободных местечек. У посетителей должен быть выбор для проявления творчества.

Метод интервью. Одним из методов, использовавшихся в рамках исследования, был метод интервью, проводимого в формате экскурсии. В рамках подготовки выставки текст экскурсии был сформулирован таким образом, что включал в себя ряд вопросов к каждому из ключевых экспонатов. Интервью, проводимое во время экскурсии, относится к типу направленных неформализованных интервью. Был намечен лишь определенный круг вопросов и проблемных тем, которые необходимо было обсудить, тогда как в формулировании вопроса во время конкретной экскурсии были возможны вариации в зависимости от состава экскурсионной группы: возраста посетителей и степени их заинтересованности.

Во время проведения интервью необходимо обеспечить условия для сохранения анонимности посетителей и конфиденциальности их данных. Аудиозаписи экскурсий должны сохраняться в обезличенном виде и использоваться лишь для целей, связанных с проведением исследования. Во время экскурсии экскурсоводу необходимо строить диалог так, чтобы пресекать любые попытки раскрытия зрителями конфиденциальной информации, не относящейся к исследованию.

Данный метод отличается рядом достоинств, основное из которых – возможность пробудить и зафиксировать личностное отношение зрителей к представленным на выставке экспонатам. Так, в проведенном исследовании правильно составленные вопросы позволили экскурсоводу не просто выявить отношение экскурсантов к представленным произведениям и уже сложившийся у них образ Енисея и края в целом, но и направить их творческий потенциал на дальнейшее изучение природы, истории, культуры нашего края и осознание своего места в нем. Это способствует формированию позитивной региональной идентичности, что являлось основной целью данной экскурсии и метода, положенного в ее основу.

В процессе интерпретации необходимо соотнести данные, полученные при обработке стенограмм экскурсий, с данными предварительно проведенного искусствоведческого исследования произведений искусства, представленных на выставке. При этом для обеспечения цели исследования – формирования позитивной региональной идентичности, процесса, связанного с «идентификацией с морально означенной историей» – корректнее будет проводить фокусировку не на когнитивных структурах, а на эмоциональных реакциях. Фокусировка на когнитивных структурах, связанная с определением границ компетентности зрителей возможна, однако она выходит

за границы цели исследования: такой подход может помочь лучше узнать аудиторию музея.

Метод картирования посетительских маршрутов. Данный метод позволяет видеть и анализировать поведение посетителей в экспозиционном пространстве музея, фиксировать их передвижения и взаимодействия с экспонатами выставки. Анализ видеозаписей с камер наблюдения, расположенных в выставочных залах, позволяет понять, как маршрут, выбранный посетителем, формирует их впечатление от выставки, а также определяет, какие экспонаты будут рассмотрены зрителем, а какие будут пропущены.

Просмотр видеозаписей с камер наблюдения позволяет ответить на важный вопрос: двигаются ли посетители по экспозиции согласно логике, заложенной кураторами выставки, или маршрут не считывается, и посетитель двигается интуитивно, нарушая задуманный план? Возвращается ли посетитель на обратном пути к понравившимся произведениям либо решительно двигается к фойе?

Благодаря анализу видеоматериалов с камер наблюдения можно в деталях увидеть поведение посетителей у отдельных музейных объектов (произведений искусства или дополнительных элементов экспозиции), проанализировать, какие предметы привлекают больше внимания. При этом данный метод удобен тем, что исследователю не нужно лично обращаться к посетителям, чтобы выяснить, какие произведения привлекают больше внимания и вызывают интерес.

Для иллюстрации типичных посетительских тактик передвижения по выставке и для большего удобства исследователю необходимо составить карту маршрутов, а за ее основу взять план экспозиционных залов.

Посетителей выставки предлагаем разделить на возрастные группы, для каждой группы необходимо выбрать свой цвет маршрута. В данном случае групп было 4, следовательно, цветов тоже 4:

- посетители до 18 лет (зеленый);
- от 18 до 35 лет (красный);
- старше 35 лет (синий);
- разновозрастные посетители в экскурсионных группах (розовый).

Для большего удобства исследователям рекомендуем указывать время начала и окончания посетительского маршрута на карте.

В помощь посетителям выставки музеем были разработаны путеводитель с картой залов (с предложенной схемой движения по экспозиции), аудиогид,

также посетителям предлагалось экскурсионное обслуживание. Нужно учесть, что посетители, выбравшие экскурсионное сопровождение, проходили по маршруту с научным сотрудником музея, который был задуман кураторами выставки вне зависимости от возрастной группы. С помощью осмотра видеозаписей с камер наблюдения исследователи могут понять, пользуются ли посетители дополнительными опциями (путеводитель, аудиогид), помогающими более точно следовать выставочному маршруту без сопровождения, либо нет.

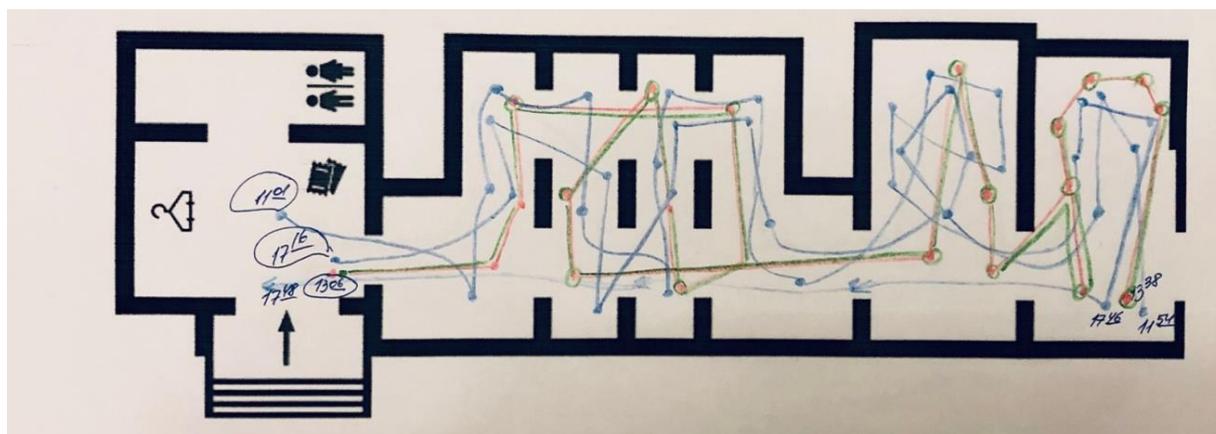

Рисунок. Схемы маршрутов посетителей выставки

Метод анализа музейного селфи. Одним из методов, изучающим эффект сопричастности посетителя выставки, является анализ музейного селфи. Музей предоставляет возможность использовать селфи в стремлении личности к глубокой саморефлексии и передаче информации. Селфи – это сложное социокультурное явление, часть проекций самоидентификации людей, отражение того, как человек видит самого себя и представляет свой образ окружающему миру. Музеи являются местом, где конструируется не только самоидентификация человека, но и происходит момент позиционирования личности как «культурной», вписанной в общемировой контекст, потому что именно в музее можно ассоциировать себя с чем-то большим. Данный же культурно-личностный конструкт одновременно позиционируется публике с помощью сети Интернет и убеждает других людей поверить в эту идентичность. Важно то, что именно музейные селфи передают очень интимные, личные отношения человека с искусством. Селфи делают музей осязаемым и позволяют стать человеку сопричастным с произведением искусства.

Исследователи предлагают рассматривать селфи как индивидуальный способ передвижения по музею конкретного человека, внедрение собственного «Я» в текущую ситуацию, в отдельный момент бытия.

В рамках проведенного исследования сбор фотографий, выполненных в стиле селфи, в основном был сосредоточен в сети Instagram¹ из-за его визуальной направленности, размещения в открытом доступе и широкого использования доступных для поиска хештегов, которые предлагались музеем посетителям при входе на выставку (#музейСурикова, #ищименявмузее, #красноярскийхудожественныймузей, #рождениеЕнисея, а также отметки имени музея в социальных сетях @muzeu_surikova). Нужно отметить, что социальные сети Facebook² и «ВКонтакте» также стоит учитывать, если ваша выставочная площадка представлена на данных платформах.

Для использования данного метода исследования зрительской аудитории следует учитывать то, как широко (на каких социальных интернет-платформах) представлены хештеги вашего музея или выставочной площадки. Мы рекомендуем предлагать посетителям варианты хештегов, которые они могут использовать, размещая свои фотографии на просторах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Для наглядности хештеги лучше размещать на бесплатной печатной продукции музея, которая выдается посетителю вместе с билетом (либо на самом билете), поскольку дальнейший поиск музейных селфи будет производиться именно по хештегам. В нашем случае хештеги были напечатаны в путеводителе по выставке «Рождение Енисея» и в текстах к аудиогиду, на который можно было перейти по QR-коду, расположенному рядом с произведением. Также в конце каждой экскурсии научные сотрудники предлагали делать отметки музея на фотографиях и использовать заданные хештеги.

Самый удобный способ анализа музейных селфи при ежедневном сохранении найденных фото – в папки, в имени которых дата конкретного дня, месяца, года. Следует группировать фотографии тематически: «селфи на фоне здания музея», «селфи с экспонатами», «селфи в фотозонах». Такое условие поможет выяснить, какие из произведений экспозиции людей привлекают больше, с чем или кем ассоциируют себя, какая тема ближе. Часто посетители снимают понравившийся экспонат с указанием имени музея или его геодан-

---

¹ Здесь и далее: название социальной сети, принадлежащей Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

² То же.

ными без собственного изображения, эти фотографии также являются ценным материалом для понимания отклика зрительской аудитории выставки. Так, на выставке «Рождение Енисея» чаще всего посетителя фотографировали себя на фоне монументальных живописных работ, имеющих яркий, контрастный колорит, определенным фаворитом выставки в качестве фона для селфи стала работа В. А. Сергина «Город на Енисее», изображающая Красноярск и его окрестности с видовой, исторической точки.

В целом необходимо учитывать, что для полноценного анализа данных, полученных в ходе применения даже одного из предложенных методов социокультурного исследования, необходимо привлекать специалистов: социологов, культурологов, психологов – либо иметь в штате сотрудников с соответствующими компетенциями.

Список литературы

1. Баранов А. В. Региональная политическая идентичность: методы исследования в Западной Европе // Социальная политика и социология. 2006. № 1. С. 23–31.
2. Батюта Е. А., Каменский С. Ю., Рамзина С. А. «Музейная антропология»: конструирование идентичности посетителя во взаимодействии с новым музеем // Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 177–188.
3. Overview of relevant regional culture studies (the Krasnoyarsk Krai): Challenges and Approaches / K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyayeva, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/overview-of-relevant-regional-culture-studies-the-krasnoyarsk-krai-challenges-and-approaches> (acceed at: 26.04.2020).
4. Климантова Г. И., Черняк Е. М., Щегорцов А. А. Методология и методы социологического исследования: учебник для бакалавров. М.: Дашков и К, 2019. 256 с.
5. Оганян К. М. Методология и методы социологического исследования, 2018. 299 с.

УДК 304.444

А. В. Кистова

Кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТАВКИ «РОЖДЕНИЕ ЕНИСЕЯ» В КРАСНОЯРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИМЕНИ В. И. СУРИКОВА)*

Статья представляет описание экспозиции выставки произведений изобразительного искусства из фондов Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, созданной с целью конструирования и изучения региональной идентичности Красноярского края с помощью музейных технологий. Выставка была проведена в Красноярском художественном музее имени В. И. Сурикова в 2021 г. совместно с преподавателями и студентами Сибирского государственного института искусств им. Д. Хворостовского. В период работы выставки проводилось изучение реакции посетителей на использованные экспозиционные приемы (дизайн экспозиционного пространства, особенности экспозиционных решений, сопроводительные материалы экспозиции и др.) и исследовательские технологии (анкетирование, игровые приемы, фокус-группы, анализ музейного селфи и др.). Исследование показало эффективность создания выставок, построенных на основе атмосферного междисциплинарного подхода к экспозиции и дизайну пространства. На основе анализа полученных результатов были созданы рекомендации по проектированию и проведению подобных выставок в художественных музеях. Данные рекомендации носят общий характер и могут быть использованы в деятельности художественных музеев, галерей и выставочных центров других регионов, занимающихся проблемой исследования, формирования, укрепления позитивной региональной идентичности музейными средствами.

Ключевые слова: конструирование региональной идентичности, художественная выставка, Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова.

© Кистова А. В., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 2020013005770 «Конструирование позитивной региональной идентичности Красноярского края с помощью музейных технологий на материале анализа потенциала Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова».

The study was financially supported by the Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Scientific and Technical Activities within the framework of the scientific project No. 2020013005770 "Construction of a positive regional identity of the Krasnoyarsk Territory using museum technologies based on the analysis of the potential of the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov".

The article presents a description of the exposition of the exhibition of works of fine art from the funds of the Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov, created with the aim of constructing and studying the regional identity of the Krasnoyarsk Territory using museum technologies. The exhibition was held at the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov in 2021 together with teachers and students of the Siberian State Institute of Arts. D. Hovorostovsky. During the period of the exhibition, the reaction of visitors to the used exposition techniques (design of the exposition space, features of exposition solutions, accompanying exposition materials, etc.) and research technologies (questionnaires, game techniques, focus groups, museum selfie analysis, etc.) were studied. The study showed the effectiveness of creating exhibitions built on the basis of an atmospheric interdisciplinary approach to exposition and space design. Based on the analysis of the results obtained, recommendations were made for designing and holding such exhibitions in art museums. These recommendations are of a general nature and can be used in the activities of art museums, galleries and exhibition centers in other regions dealing with the problem of research, formation, and strengthening of a positive regional identity by museum means.

Keywords: construction of regional identity, art exhibition, Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov.

Выставочный проект «Рождение Енисея» (29 апреля – 11 июля 2021 г.) был осуществлен Красноярским художественным музеем имени В. И. Сурикова в рамках грантового проекта «Конструирование позитивной региональной идентичности Красноярского края с помощью музейных технологий на материале анализа потенциала Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова», поддержанного Красноярским краевым фондом науки в 2020–2021 гг. В ходе исследования был проведен анализ научных источников по проблеме конструирования и изучения различных типов идентичностей музейными средствами (Pivneva, 2020; Shpak, Pchelkina, 2020; Voroshin, 2017; Katkova, 2017; Makarova, 2017; Obmorokova, Nemaeva, 2016; Batyuta, Kamensky, Ramzina, 2014; Bulgakova, 2015; Giniyatova, Roiz, 2013; Kiselev, Shcherbakov, 2013), потенциала коллекции Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова (проанализировано 15 репрезентативных произведений) и создана концепция художественной выставки, направленной на конструирование положительной региональной идентичности Красноярского края.

В итоговом варианте экспозиция выставки включила в себя 27 экспонатов, что связано с задачами исследования и с необходимостью акцентирования внимания посетителей на 15 ключевых репрезентантах коллекции. В выставку были включены дополнительные тексты, раскрывающие темы основных произведений экспозиции.

Пространство выставки было организовано таким образом, что постепенно раскрывало историю и образ великой сибирской реки – Енисея. Первый зал экспозиции открывался пространственной фотозоной с речным челном, созданной студентами и преподавателями кафедры «Дизайн среды» Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского (рис. 1). На специально возведенной фальшстене была оформлена «речная» композиция, имитирующая бурные воды Енисея с пеной и косяками рыб, декоративные элементы выходили на стены и потолок первого зала, давая «импульс» еще одному декоративному элементу, выполненному из полупрозрачного нетканого материала, который задавал общее движение по потолку всех экспозиционных пространств.

Рис. 1. Фотозона выставки «Рождение Енисея», зал 1

Дублируя экскурсионный маршрут, указанный в путеводителе по выставке, «речные» волны потолочного декора помогали зрителю-путешественнику не сбиться с маршрута. Ключевой работой выставки являлось одноименное полотно Т. В. Ряннеля «Рождение Енисея» (1958, холст, масло), оно занимало центральную, встречающую посетителей выставки стену. Рядом с ней – тканые флаги со стихотворными строфами художника, которые он написал под впечатлением во время экспедиции на поисках истоков могучей сибирской реки в Тыве. Двигаясь от «истока» к «устью» Енисея, зритель обращался к противоположной стене, где находилось графическое изображение Р. К. Руйги «Брат океана (Енисей)», (1963, бумага, тушь, перо), здесь зритель видел, как Енисей наращивает свою мощь, становясь похожим на море (рис. 2).

Рис. 2. Первый зал экспозиции «Рождение Енисея»

В первом зале звучала классическая музыка, связанная с темой водной стихии (Вивальди, Равель и др.)

Второй, третий и четвертый залы выставки развивали тему взаимодействия реки и человека, живущего на ее берегах.

Люди, селившиеся по берегам Енисея, издавна жили в гармонии с этой могучей рекой и со всей природой в целом. Особенно это касается тех народов, которые жили в самых суровых условиях, – коренных народов Севера. Крайний Север – это не только экстремальные температуры, пронзительные ветра, вечная мерзлота, но и полярные ночи – время, когда солнце не появляется из-за горизонта. Поэтому жители заполярья всегда почитали солнце. Во втором зале посетители видели графический лист С. Ф. Турова «Солнышко» из серии «Женщины Севера» (1972, бумага, офорт), в третьем зале – живописное полотно А. П. Лекаренко «Девушка с Таймыра» (1959, холст, масло). Основные произведения второго и третьего залов были дополнены флагами с текстами о празднике солнца Хейро и строфами долганской поэтессы Огдо Аксеновой «Баркасан» (рис. 3).

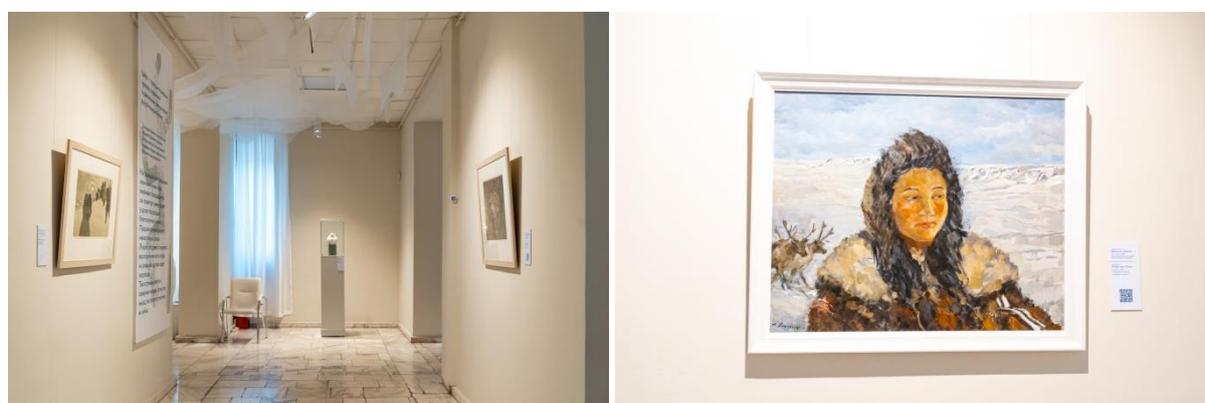

Рис. 3. Второй и третий залы экспозиции «Рождение Енисея»

Не только река определяет жизнь людей, человек тоже способен менять жизнь реки, подстраивая ее под свои нужды. Особенно сильно Енисей изменило строительство каскада электростанций на его водах. В четвертом зале экспозиции были показаны художественные образы Енисея, чья природная мощь силой человеческой мысли была преобразована в новое качество – энергию. Центральные произведения четвертого зала: А. М. Знак «Енисей перекрыт (Саяно-Шушенская ГЭС)» (1976, холст, масло); Ю. П. Ишханов «Портрет начальника строительства Красноярской ГЭС А. Е. Бочкина» (1968, бронза, литье) (рис. 4). Благодаря разумной человеческой деятельности, глубинному пониманию сути природной стихии человек сам становится ее частью, а могучие воды реки покоряются ему, и Енисей берется в «каменные» тиски гидроэлектростанций.

Рис. 4. Четвертый зал экспозиции «Рождение Енисея»

В четвертом зале с помощью проектора демонстрировались кадры из кинохроники строительства Красноярской ГЭС, большеформатный размер киноматериалов (в 1,5 человеческой фигуры) позволяли зрителю почувствовать максимальную включенность в события 1950–1960 гг. (рис. 5).

Тема строительства ГЭС на водах одной из крупнейших рек мира рассматривалась кураторами выставки не только как технологический прорыв, воплощенный мыслью и делом человека, но и как особый момент тесной связи человека и природы.

Строительство ГЭС – важный, но далеко не единственный аспект в истории освоения Енисея. Издавна люди селились по берегам этой сибирской реки: в деревенских избах и стойбищах оленеводов, в больших и малых городах. Пятый зал экспозиции дает возможность зрителю познакомиться с разным укладом жизни людей, объединенных Енисеем.

Рис. 5. Посетители в экспозиции четвертого зала выставки «Рождение Енисея»

Именно здесь появляется образ главного и самого крупного города на берегах Енисея – Красноярска, расположенного так, что в его границах и рядом с ними человек может легко почувствовать себя и жителем мегаполиса, и покорителем Столбов, и первооткрывателем «девственных» мест тайги, и простым деревенским жителем, быт которых сопоставим с гармоничным принципом сосуществования человека и природы у коренных народов края. Центральная работа зала – монументальное живописное полотно В. А. Сергина «Город на Енисее» (1974, холст, масло), по боковым стенам расположены живописные и графические репрезентанты: В. Н. Удин «Вечерняя электричка» (2007, холст, масло); Б. Я. Рязунов «Шушенское. Дом, в котором жил В. И. Ленин» (1972, холст, масло); В. И. Мешков «В Туре» (до 1959, бумага, цветная линогравюра); С. А. Степанов «Дудинка. Новая улица» (1972, бумага, линогравюра) (рис. 6).

Рис. 6. Пятый зал экспозиции «Рождение Енисея»

В пятом зале на плазменном экране демонстрировались кадры кинохроники культурной жизни Красноярска и Енисея 1970–1990 гг., стены зала были решены дизайнерами в виде гидрологической карты Красноярского края.

Завершающий зал выставочной экспозиции как символический базис всей человеческой деятельности и жизни на берегах могучего Енисея в ее культурно-историческом аспекте. Одними из древнейших соседей человека на сибирской земле, помимо Енисея, были скальные образования, расположенные на берегах реки. Красноярские Столбы и тайга – это отдельная большая тема в творчестве сибирских художников и узнаваемый знак территории: А. Г. Поздеев «Китайская стенка» (1969, картон, масло); Д. И. Каратанов «Тайга (Столбы)» (1934–1935(?), холст, масло). Тема этноархаических традиций красноярской земли раскрывает связь современных жителей края с древним прошлым Сибири и мира посредством художественных образов авторских произведений искусства из коллекции Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова: С. Е. Ануфриев – композиция из трех частей «Три шамана» (1989, глина, соли, ангобы, кожаный шнур); В. Ф. Капелько – «Знамена древних курыкан» (1987, холст, масло) (рис. 7).

Рис. 7. Шестой зал экспозиции «Рождение Енисея»

Экспозиционно шестой зал был затемнен, предметы выставки подавались точечным, контурным освещением, в зале приглушенно звучала этническая музыка народов, населяющих территории Красноярского края.

Пройдя весь выставочный маршрут до конца, зрители оказывались возле декоративной стены, решенной художниками-дизайнерами в виде современной писаницы енисейской земли, на которую посетители музея могли размещать наклейки-петроглифы из созданного для выставки стикерпака.

В результате экспозиция давала возможность зрителю увидеть и актуализировать для себя разные аспекты символического героя выставки – Енисея, и не только увидеть, но и примерить их на себя, соотнести себя с предлагаемыми образцами и выбрать наиболее комфортный и близкий. В процессе знакомства с выставкой происходило «рождение Енисея» в уме и сердце каждого посетителя, таким образом формируя положительную региональную идентичность.

Заявленный эффект воздействия выставки на посетителя был возможен только при создании единой аудиовизуальной атмосферы всего экспозиционного пространства: эффекты акцентного освещения ключевых экспонатов, подбор соответствующего музыкального и звукового фона для каждого тематического раздела выставки, использование видеоряда для усиления эффекта воздействия в ключевых точках, цветовое, фактурное и конструктивное решение стен, пола и потолка экспозиционного пространства.

Выставка «Рождение Енисея» была построена по заданному маршруту и не предполагала другой последовательности восприятия, по этому же маршруту построена была и экскурсия. Поскольку выставка имела исследовательские задачи, экскурсия также являлась частью исследования. В ходе ее проведения экскурсовод фиксировал высказывания посетителей при ответах на вопросы. В процессе диалога зритель активно вовлекался с помощью прямых вопросов в процесс показа и рассматривания произведений выставки, что само экскурсионное сопровождение превращало из классической формы в арт-медиацию, когда зритель постепенно сам начинал рассказ об увиденном и «пережитом» в процессе диалога с произведением искусства. Экскурсия была рассчитана в среднем на 40–45 минут, но в процессе арт-медиации часто особо подготовленные зрители (18–35 лет и старше 35 лет) могли гулять по выставке, опираясь на предложенный экскурсионный маршрут, до 85–95 минут (что, несомненно, указывает на удачное тематико-экспозиционное решение залов музея).

Вместе с билетом на выставку зритель получал путеводитель и карты исследователя: карту исследователя № 1 необходимо было заполнить до посещения выставки (в случае экскурсии именно экскурсовод в фойе помогал посетителям это сделать), карту исследователя № 2 (рис. 8) посетители заполняли самостоятельно уже после посещения выставки, непосредственно в залах музея. Только заполненная карта № 2 обменивалась на стикерпак из наклеек-петроглифов, дизайн которых был разработан специально для выставки.

Наклейки с изображениями петроглифов (знаков-символов) современных типов жителей сибирских городов (турист, скейтер, велосипедист, художник, семья и др.), а также с историческими символами обитателей Приенисейской земли (шаман, охотник-воин, рыбак, наездник и др.) предлагалось наклеить на декоративную стену – «карту-писаницу», Красноярской земли с узнаваемыми символами природного и архитектурного ландшафта города.

КАРТА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ №1

«Рождение Енисея» – это выставка-исследование, в котором мы предлагаем тебе поучаствовать.

Карта исследователя №1 – это вводная часть исследования. Заполняется перед посещением выставки. Путеводитель и аудиогид помогут познакомиться с экспозицией и узнать больше о Енисее, о нашем регионе, и его жителях. А **карта исследователя №2** поможет осмыслить увиденное. В конце исследования ты получишь **наклейки-петроглифы**, которые можно использовать в последнем зале или забрать с собой.

В начале исследования предлагаем провести ассоциативный эксперимент.

Твоя возрастная группа:
 До 18 лет   18-35 лет   Старше 35 лет

Твой пол:
 М   Ж

Ниже представлен список слов. К ним нужно написать ассоциации, которые у тебя возникли. Это может быть любая часть речи. И столько слов, сколько захочешь.

Семья .....
 Сибирь .....
 Красноярск .....
 Дом .....
 Енисей .....

После заполнения оставь, пожалуйста, эту карту в ящике на входе.
 И можно переходить к следующему этапу исследования.

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ!

КАРТА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ №2

После просмотра выставки мы предлагаем завершить исследование, выполнив несколько простых заданий.

Твоя возрастная группа: **Твой пол:**
 До 18 лет   М
 18-35 лет   Ж
 Старше 35 лет

ЗАДАНИЕ 1
 Какой быт и жилище на изображениях кажутся тебе наиболее комфортными, близкими по духу? Выбери один или несколько вариантов ответа:

Уткин В.И. «Вечерняя электричка»   Степанов С.А. «Дудинка. Новая улица»   Сергей В.А. «Город на Енисее»

Рылов Е.Я. «Шушенское. Дом, в котором жил В.И. Ленин»   Мещков В.И. «В Туре»

ЗАДАНИЕ 2
 У Енисея очень долгая жизнь, и он многое помнит об истории этого мира и человечества. Но он живет и сейчас, в современном мире, и меняется вместе с ним. Если бы Енисей был живым существом, то на кого бы он (она) был(а) похож(а)?

Человек   Животное   Фантастический персонаж

Если бы Енисей был человеком, как его можно было бы описать? Опиши его (ее) внешние данные или нарисуй его (ее):

.....
 .....

Вопросы в помощь: Какого возраста бы он был? Мужчина это или женщина? Какое у него могло бы быть имя? Какой бы у него был характер? О чем бы ты его спросил(а)? Ты бы хотел быть с ним знаком(а)?

ЗАДАНИЕ 3
 В этом задании нужно сопоставить цвета и слова, связанные с нашим регионом. Для каждого слова из списка нужно подписать тот цвет, который у тебя ассоциируется с этим словом. Вписывай только то, что первым пришло в голову. Правильных ответов здесь нет!

Семья .....
 Сибирь .....
 Красноярск .....
 Дом .....
 Енисей .....

После заполнения отдай карту смотрителю. Взамен ты получишь **наклейки-петроглифы**. Их можно использовать на стене в последнем зале, оставив свой след на енисейской земле, или забрать с собой.

Результаты исследования войдут в музейные издания, а также будут опубликованы в социальных сетях.

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ!

ТЕЛЕКАНАЛ СИМФОР КРАСНОЯРСК

Рис. 8. Анкеты «Карта исследователя № 1» и «Карта исследователя № 2»

Таким образом, на выставке зритель при помощи индивидуальной истории и знака (петроглифа-наклейки) мог самостоятельно идентифицировать себя, «вписать» в общую модель бытия сибирской территории, сформировать и закрепить идентификационные конструкты, что решало задачи исследователей, кураторов выставки.

На основе результатов проведенного исследования можно сделать следующие рекомендации по проектированию и организации выставки, решающей задачу конструирования положительной региональной идентичности Красноярского края.

1. Подготовка к любой выставке начинается с изучения потенциала тех произведений, которые могут войти в ее состав. Однако выставка, решающая

проблему конструирования региональной идентичности, требует дополнительно методологического исследования и предварительного изучения основных особенностей самого региона. Практически параллельно необходимо вести три исследовательских процесса: 1) изучение коллекции и отбор ключевых экспонатов выставки; 2) изучение особенностей региона и выявление акцентов, на которые будет сделан упор на выставке; 3) рассмотрение различных методов конструирования идентичностей и выбор нескольких подходящих под задачи конкретного выставочного проекта.

2. Исследование потенциала возможных экспонатов выставки лучше проводить на основе отбора наиболее репрезентативных образцов, обладающих наиболее выразительными визуальными качествами и богатым содержанием. Число репрезентантов зависит от экспозиционно-выставочных площадей, которые определяют общее количество возможных экспонатов на выставке. При объеме выставки в 60–70 предметов рекомендуемое число репрезентантов может быть от 7 до 15, в зависимости от количества акцентных точек и плана экспозиции.

При выборе репрезентантов для выставки, посвященной региональной идентичности Красноярского края, были отобраны лучшие произведения различных видов изобразительного искусства – живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство. Это связано не только со спецификой творчества красноярских художников и с возможностями коллекции музея, но и с тем, что представленный на выставке материал должен быть разнообразен. Это позволяет дольше удерживать интерес посетителей, задействовать максимальное количество способов восприятия и отражать сложность пространства самоидентификации.

В итоговом проекте экспозиции было решено оставить только 27 произведений (из отобранных 114 на первом этапе) для возможности более вдумчивого и неторопливого общения посетителей с экспонатами, а также для еще большего акцентирования внимания на 15 репрезентативных произведениях. Результаты проведенных исследований показали эффективность выбранной стратегии.

3. В качестве основного метода исследования содержательного потенциала произведений изобразительного искусства в данном случае лучше выбрать философско-культурологический анализ в сочетании с искусствоведческим анализом. Основные принципы такого анализа представлены в публикациях ученых Сибирского федерального университета [Amosova, Koptseva, Sitnikova и др., 2019; Libakova, Sertakova, 2015; Nevolko, 2011].

4. Изучение особенностей региона может опираться на опыт уже проведенных исследований, если таковые имеются. В таком случае достаточно анализа научно-исследовательской и публицистической литературы по данному вопросу с выявлением ключевых характерных особенностей региона (ландшафт, история, культура, ключевые знаки-символы территории), на которые можно будет сделать упор в экспозиции.

Если подобные исследования в регионе ранее не проводились, необходимо провести социокультурное исследование, предваряющее этап анализа потенциала экспонатов выставки, и выявить хотя бы одну характерную особенность, на основе которой можно будет проектировать экспозицию и подбирать необходимую методологию.

Так, изучение результатов исследований региональных особенностей Красноярского края позволило выделить в качестве ключевых характеристик природные особенности территории (Енисей, Столбы, протяженность от Юга до Крайнего Севера) и тесную взаимосвязь с ними жизни человека (развитие городов, промышленности, культуры). Именно поэтому главной темой выставки и одновременно ее героем была выбрана река Енисей.

5. Определение ключевых методов конструирования идентичности, которые можно будет использовать в ходе создания экспозиции (психологические, этнографические, культурологические, художественные, исторические и др.), также опирается на изучение научно-исследовательской литературы, посвященной данной проблеме, и подобного опыта у других музеев. Выбирая основные методы, следует определить не больше 2-3 ключевых, которые хорошо сочетаются друг с другом и взаимодополняют.

В процессе работы над проектом выставки, связанной с региональной идентичностью Красноярского края, был выбран метод построения экспозиции, исходя из содержательного потенциала произведений искусства, с одновременным созданием атмосферного решения пространства выставки, которое необходимо для погружения посетителя в комфортное взаимодействие с экспонатами в русле поиска ответов на вопросы «Кто я?» и «Где моя территория?».

6. Окончательно определиться с методологией и ключевыми экспонатами выставки поможет выбор того, на что именно будет сделан акцент: образ культурного героя региона, природные знаки-символы региона, ключевые символические события истории и культуры региона и др. Для цельности экспозиции и ясного прочтения ее послы посетителями рекомендуется выбрать один ключевой акцент в качестве основного и присутствующего везде.

При проектировании выставки, посвященной региональной идентичности Красноярского края, было решено сделать акцент на меняющемся образе культурного героя: это и образы разных людей, путешествующих по реке Енисей, живущих на ее берегах или занимающихся ее преобразованием; это и сам Енисей как символический образ человекоподобной природной стихии, наполняющий территорию края жизнью и силой. Результаты исследования показали, что данная тема была легко прочитана посетителями и во многом совпала с уже ранее сформированным положительным образом региона и самой реки Енисей. Наиболее богатые результаты социокультурного исследования, проводимого в рамках выставки, дали те методы, которые были связаны с образом Енисея.

7. Сам процесс проектирования экспозиции сильно зависит от планировки выставочного пространства. Размеры и форма залов, особенности их чередования и взаиморасположения определяют размещение в экспозиции крупных и малых произведений, возможности построения экскурсионного маршрута и выделения основных экспонатов выставки светом, цветом, конструктивными и декоративными элементами пространства.

В связи с этим в бюджет выставки подобного плана необходимо закладывать расходы на проектирование и возможную перепланировку экспозиционного пространства (возведение ложных стен, драпировка или дизайнерское оформление пола, потолка, окон и пр.), включая световое, цветное и звуковое оформление.

В проектировании экспозиционного пространства выставки «Рождение Енисея» принимали участие студенты и преподаватели Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского. Взаимодействие было построено в рамках курсовых работ студентов, а подготовка к проектированию была начата за год до даты открытия выставки. С учетом особенностей формирования учебного плана института такие сроки вполне оправданы и необходимы.

8. Очень важно, чтобы выставка была решена атмосферно с эффектом погружения в особое пространство, где всё едино и работает на общую задачу – погружение посетителя в содержание акцентированных произведений и себя одновременно, чтобы происходило мягкое «примеривание» предлагаемых экспозицией оттенков образа культурного героя на себя и выбор наиболее комфортного.

При реализации выставки «Рождение Енисея» такое погружение было достигнуто единым дизайном пространства выставки, организованным по прин-

ципам дизайна среды (фотозона на входе с оформлением входного проема, стены и потолка, переходящая в оформление потолков на всей выставке; поддерживающие основной стиль тканевые флаги с дополнительными текстами к экспонатам; акцентное графическое решение стены в самом большом зале экспозиции – пятый зал; большая интерактивная зона в последнем зале экспозиции в виде современной писаницы Енисейской земли). Дизайн дополняло музыкальное сопровождение: классические инструментальные композиции на тему реки, моря, соответствующие нраву Енисея (при входе на выставку); звуки документального фильма о Красноярске и Красноярском крае 70–80-х гг. (в зале, посвященном городам и поселениям на берегах Енисея); горловое пение и варганная музыка, создающие атмосферу шаманской культуры (в последнем зале экспозиции); кадры черно-белой кинохроники о перекрытии Енисея и строительстве Красноярской ГЭС.

9. Вспомогательную функцию в этом процессе должны выполнять сопровождающие экспозицию тексты: этикетки, краткие аннотации, экспликации. Вербальные знаки не должны отвлекать внимание от визуальных объектов (объем текстов небольшой, стилистика максимально простая и понятная, размер шрифта средний или крупный в зависимости от особенностей аудитории выставки и задач). Их основная задача – акцентировать внимание посетителя на смене оттенков образа культурного героя, рождать вопросы и наводить на размышления, но не давать исчерпывающую информацию всю и сразу, однозначно толкуя тот или иной образ, тему.

Процесс осмысления собственной идентичности – это внутренний процесс, который может прожить каждый посетитель выставки, но для этого необходимы многовариативность, мягкость и атмосферность экспозиционного пространства. Вербальные средства выразительности в этом процессе не могут быть ведущими в силу более линейного и прямого их воздействия на человека. Визуально-аудиальные средства в этом смысле способны передать более богатую и многогранную по смыслу информацию, мягко воздействуя на органы чувств человека и даже иногда создавая ощущение отдыха и расслабления, при правильном сочетании визуального образа и звука.

На выставке «Рождение Енисея» такую задачу выполнял аудиогид, доступный посетителям через QR-коды на этикетках ключевых работ, что было связано и с необходимостью соблюдения санитарных требований в том числе (прослушать аудиогид можно было с помощью индивидуальных наушников и собственного смартфона). Текст аудиогuida основывался на анализах 15 ре-

презентантов коллекции, но был обработан и упрощен для более легкого и интересного восприятия. Для посетителей, не имеющих возможность прослушать аудиогид, была предусмотрена версия для чтения, также доступная по QR-кодам.

Но наибольшую эффективность и востребованность продемонстрировали экскурсии, которые были разработаны в диалоговом стиле: рассказ экскурсовода был основан на анализе репрезентантов и велся в стиле совместного рассуждения о возможных смыслах произведений, что вызывало у публики большой интерес и позитивные впечатления.

10. Посещение любой выставки возможно в двух вариантах – самостоятельное знакомство с экспозицией и экскурсия по выставке. При проектировании конкретной выставки необходимо учитывать оба варианта.

Результаты исследования показали, что большинство посетителей выставки «Рождение Енисея» были взрослые люди старше 35 лет и посетили выставку без экскурсионного обслуживания. При этом большая часть приняла участие в анкетировании, что позволяет утверждать, что выбранные методы построения экспозиции, ориентированные на самостоятельных посетителей, также были эффективны.

11. Для самостоятельного знакомства посетителя с экспозицией решающее значение будут иметь сопровождающие выставку тесты: посетители на подсознательном уровне будут искать подсказки и дополнительную вербальную информацию, способную помочь им осмыслить видимое и переживаемое. Это связано с особенностями синтетического мышления человека и закономерностями познавательного процесса. Можно сказать, что своеобразный перевод видимого на поверхности произведения искусства в простые слова или действия – это необходимая стадия освоения богатого и многогранного содержания визуального образа. Поэтому при проектировании выставки рекомендуется продумывать разные способы подобного «перевода аудиовизуальной информации»: работа с игровым путеводителем по выставке, ответы на вопросы анкеты до и после посещения выставки, наклеивание стикеров на репродукции понравившихся произведений, возможность самостоятельно что-то нарисовать/написать/сделать прямо в экспозиции или в специальном пространстве рядом с экспозицией и др.

Результаты исследования демонстрируют высокую степень готовности посетителей участвовать в разных видах творческой активности в пространстве выставки.

12. При продумывании экскурсионного маршрута необходимо учитывать временную продолжительность экскурсии – не более 40 минут, основную цель экспозиции и специфику разных видов аудитории: семьи с детьми, младшие и средние школьники, старшие школьники, студенты, молодежь, взрослые, профессиональная аудитория (художники, искусствоведы, сотрудники учреждений культуры близкого профиля).

В ходе проведенного исследования было выявлено, что средняя продолжительность пребывания посетителей на выставке без экскурсионного обслуживания составила 20–30 минут. Средняя продолжительность времени нахождения у одного произведения, которое привлекло внимание – 1,5–2,0 минуты. Это необходимо учитывать при составлении аудиогидов. При этом время пребывания в экспозиции значительно увеличивалось (до 40–90 минут) при использовании аудиогuida и/или Путеводителя.

13. Для упрощения работы предлагается следующая схема разработки экскурсионных текстов: 1) куратор выставки создает методические рекомендации по проведению экскурсии, в которых обозначает цель, задачи выставки, ключевые экспонаты, акценты и принципы экскурсионного маршрута, логику и стиль взаимодействия с аудиторией, специфику подачи для разного типа посетителей; 2) по данным методическим рекомендациям сотрудниками, занимающимися работой с посетителями и знающими специфику разных возрастов, создаются 3 варианта экскурсионного текста: для взрослых (усредненный вариант), для детей (усредненный вариант), для профессионалов (в области искусства, так как речь о художественной выставке); 3) каждый конкретный экскурсовод при освоении разработанных текстов экскурсий вносит добавления, в соответствии с его темпераментом и манерой подачи, но не отклоняясь от генеральной темы и особенностей предложенных куратором трактовок произведений.

Последнее крайне важно, так как подобная выставка специфичная по задачам и экскурсия здесь выполняет роль своеобразного суггестивно-театрального приема, помогающего посетителя максимально погрузиться в атмосферу выставки. В такой экскурсии все слова и интонации, жесты и выражения лица, позы и движения, одежда и внешний вид экскурсовода должны соответствовать общему образу и задачам. Поэтому импровизация и домысливание, выходящие за рамки задач экспозиции, могут привести к разрушению атмосферы и негативному впечатлению посетителя от выставки.

14. Проектирование и создание экспозиции, построенной на принципах междисциплинарного подхода и атмосферности, процесс трудоемкий, энерго-

затратный и длительный. Необходимо предусмотреть на создание экспозиции не менее 2 недель и достаточное количество сотрудников, чтобы можно было осуществлять разные процессы монтажа выставки параллельно. Так, экспозиция выставки «Рождение Енисея» заняла две недели, при этом на монтаже были задействованы все сотрудники экспозиционно-выставочного отдела (шесть человек), а также преподаватели и студенты Сибирского государственного института искусств имени Д. Хворостовского (20 человек).

15. Обязательной частью подобных выставок должна быть интерактивная зона с возможностью самостоятельного творческого, но при этом простого, не ресурсозатратного, действия посетителя. Такая возможность, с одной стороны, превращает посещение выставки в развлечение и оставляет приятное впечатление игры и творческого самовыражения. С другой стороны, такая зона выполняет функцию рефлексии, необходимой для осознания и освоения увиденного, пережитого в процессе знакомства с экспозицией. Именно эта рефлексия позволяет закрепить те конструирующие процессы, которые шли в процессе взаимодействия с экспонатами выставки и с атмосферой экспозиции, а значит завершить формирование позитивного образа региона и себя в нем.

В пространстве выставки «Рождение Енисея» эта возможность была оформлена в виде условной современной писаницы Енисейской земли – своеобразная карта Красноярска, центральное пространство которой занимал Енисей, а верхнее (недоступное для посетителей из-за высоты стены) – стилизованные герои древних сибирских писаниц. Посетителям предлагалась возможность наклеить на эту стену любой из имеющихся в наборе стикеров в любое понравившееся место на стене. Посетители проявили максимальный интерес к этой зоне. В течение работы выставки (29 апреля – 11 июля 2021 г.) стену приходилось очищать от наклеек каждые 2–3 недели, чтобы у других посетителей тоже была такая возможность – оставить свой след на Енисейской земле.

Таким образом, в результате исследования подтвердилась гипотеза о том, что произведения красноярских художников из фондов Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова представляют богатый потенциал для визуальной репрезентации культуры Красноярского края, а художественные выставки, спроектированные в соответствии с междисциплинарным подходом, являются действенной музейной практикой по изучению и конструированию позитивной региональной идентичности.

Список литературы

1. Батюта Е. А., Каменский С. Ю., Рамзина С. А. «Музейная антропология»: конструирование идентичности посетителя во взаимодействии с новым музеем // Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 177–188.
2. Гиниятова Е. В., Ройз Е. Е. Трансформация музейного пространства в условиях новых визуальных стратегий // Известия Томского политехнического университета. Серия: Инжиниринг георесурсов. 2013. Т. 323, № 6. С. 297–300.
3. Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: Челябинский случай // Антиномии. 2013. Т. 13, № 4. С. 107–118.
4. Макарова Г. И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования // Oriental Studies. 2017. № 1 (29). С. 84–94.
5. Пивнева Е. А. Югра как бренд: в поисках региональной идентичности // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 140–148.
6. Bulgakova T. D. Formation of Ethnic Identity in Siberia: The Role of Traditions and Contemporary Institutes // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8. P. 227–236.
7. Ethnocultural Identity in the Works of Krasnoyarsk Artists / M. A. Amosova, N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (8). P. 1524–1551.
8. Katkova K. F. Definiciya i funkcii regional'nogo muzeya XXI veka [Definition and functions of the regional museum of the XXI century] // Vestnik SPbGIK [Bulletin SPbSIC]. 2017. Vol. 1 (30). P. 103–106.
9. Libakova N. M., Sertakova E. A. Formation of ethnic identity of the Indigenous peoples of the North in arts and crafts on the example of bone carving // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 4. P. 1719–1726.
10. Nevolko N. N. The visualization of ethnic theme in the Khakass artists paintings and graphic works of art // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4. P. 1109–1126.
11. Obmorokova A. M., Nemaeva N. O. The Formation of regional identity in the space of the Siberian Region (on the Material of Motherland Concept Analysis) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 2 (9). P. 406–418.
12. Shpak A. A., Pchelkina D. S. Methodology for the study of complex identity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (5). P. 752–761.
13. Voroshin S. D. Development of the Students' cultural identity in the course of exhibition activities of the University Art Museum // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10 (7). P. 1083–1089.

УДК 316.47

Л. С. Иванова¹, А. В. Кистова²

¹ *Магистр истории искусств, преподаватель истории искусств Детской художественной школы № 1 им. В. И. Сурикова, Красноярск, Россия*

² *Кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

МУЗЕЙНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

Статья посвящена исследованию музейных социокультурных практик интеграции мигрантов и их потенциальных возможностей для межкультурного взаимодействия. Вхождение в иную культурную среду всегда сопровождается длительным и сложным процессом освоения ценностной системы общества. При столкновении с другой этнической общностью происходит осознание культурных различий, сопоставление новых и прежних условий жизни, правил поведения, способов мышления и чувствования. В процессе осмысления отношений «свои – чужие» могут возникать ситуации непонимания, растерянности, бессилия, вызывающие чувство злости и отчуждения. Снять социальное и личностное напряжение помогает постоянное взаимодействие с разными каналами культуры принимающего общества. Одними из таких каналов выступают музеи. Сегодня музеи осваивают новые социальные роли, например культурных посредников в многонациональной среде, и активно включаются в современную повестку. Они участвуют в репрезентации процессов миграции, в создании для посетителей с миграционным опытом возможностей самореализации, обучения и досуга, а также в диалоге между представителями разных культур. Наличие общего – полностью или частично – культурного поля формирует основу для успешного интегрирования мигранта в другие сферы общества – социальные, политические и экономические. В результате исследования проанализирован феномен миграции как масштабного явления жизни людей, изучен международный и российский опыт работы музеев с темой миграции и сформулированы способы работы музеев по развитию межкультурного взаимодействия местного населения и мигрантов.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, социокультурные практики, культура, музей, межкультурная коммуникация, Красноярск.

The article is devoted to the study of museum socio-cultural practices of integration of migrants and their potential for intercultural interaction. Entering a different cultural environment is always accompanied by a long and difficult process of mastering the value system

of society. When faced with another ethnic community, there is an awareness of cultural differences, comparison of new and previous living conditions, rules of behavior, ways of thinking and feeling. In the process of comprehending the relationship “ours – others”, situations of misunderstanding, confusion, powerlessness may arise, causing a feeling of anger and alienation. The constant interaction with different channels of the culture of the host society helps to relieve social and personal tension. Museums are one of these channels. Today museums are assimilating new social roles, for example, cultural mediators in a multinational environment, and are actively involved in the modern agenda. They participate in the representation of migration processes, in creating opportunities for self-realization, learning and leisure for visitors with migration experience, as well as in dialogue between representatives of different cultures. The presence of a common – in whole or in part – cultural field forms the basis for the successful integration of a migrant into other spheres of society – social, political and economic. As a result of the study, the phenomenon of migration as a large-scale phenomenon of human life has been analyzed, the international and Russian experience of museums working with the topic of migration has been studied, and the ways of museums' work on the development of intercultural interaction between the local population and migrants have been formulated.

Keywords: migration, integration of migrants, socio-cultural practices, culture, museum, intercultural communication, Krasnoyarsk.

Введение. Современное состояние общества характеризуется высокими темпами перемещения людей как внутри одной территории, так и за ее пределами. Причины, обуславливающие миграционные процессы, могут носить социальный, экономический, политический или любой другой характер. При этом масштабы, интенсивность и направленность передвижения людей существенно влияют на структуру принимающего общества и ставят перед ним задачу разработки системного подхода по вопросам, связанным с языковой, культурной, социальной интеграцией мигрантов.

Наряду с крупнейшими странами Россия является государством, которое активно принимает мигрантов. Значительную часть миграционного потока составляют выходцы из бывших республик СССР, имеющие свои национальные и религиозные особенности. Характерные черты, присущие каждой культуре, определяют степень и скорость интеграции мигрантов. Чем выше уровень включения мигранта в новые условия жизни, тем быстрее он привыкает к окружающей действительности и готов участвовать в ее экономическом, социальном и культурном развитии. В связи с этим возникает вопрос о качестве адаптации и интеграции мигрантов, об актуальных методах и способах управления взаимодействующими культурами.

Одной из интеграционных стратегий может стать деятельность музеев по работе с темой миграции как значимого социокультурного процесса и вовлечению людей с миграционным опытом в новую культурную среду.

В современном мире музеи играют все более активную социальную роль, способствуя взаимодействию, диалогу и интеграции различных социальных групп. Многие музеи берут на себя роль проводников в изменении отношения общества к локальной идентичности, которая трансформируется в связи с процессами миграции, увеличения разнообразия и вклада людей с разным опытом в развитие страны. Понимание места и роли музеев в социальном и культурном пространстве города необходимо для выявления уникальных возможностей работы музейных институций с людьми, имеющими миграционный опыт. Как открытые, публичные институты, они могут помочь выстроить коммуникацию между людьми по самым разным вопросам, стать площадкой для межкультурного взаимодействия и внести свой вклад в осмысление такого многообразного и сложного феномена как миграция.

Выделяют три механизма работы музеев с темой миграции [1]. Первый предполагает классический подход, когда тема миграции прослеживается в разных объектах и коллекциях. Второй подход предусматривает формат, когда музей рассматривает тему миграции в качестве темы для изучения или исследования. Часто этот подход используют музеи миграции, которые целенаправленно занимаются данной темой, чтобы донести до социума те проблемы и трудности, с которыми сталкиваются мигранты. Третий механизм – это использование модели участия мигрантов в проектах, проводимых музеями. Все три механизма позволяют лучше понять тему миграции, но именно третья модель способствует изменениям в обществе, укреплению отношений между людьми с миграционным опытом и местным населением.

За последние несколько лет накоплены самые разнообразные практики: одни отвечают нуждам конкретных категорий мигрантов, другие призваны повысить уровень толерантности в обществе и таким образом облегчить интеграцию мигрантов в целом. Одни практики уже считаются успешными и воспроизводятся от страны к стране, другие пока не успели зарекомендовать себя. Одни практики довольно крепко привязаны к контексту, в котором были реализованы, другие носят универсальный характер.

Цель таких практик – помочь мигрантам справиться со сложностями, с которыми они сталкиваются в принимающем обществе, а также подготовить последних к приему мигрантов.

Обзор источников. Необходимость изучения миграционных процессов и связанных с ними культурных, социальных и личностных изменений, которые происходят с человеком на новом месте жительства, изначально возникла в американской культурной антропологии в конце XIX в. У истоков исследования теоретических аспектов миграции стояли такие ученые, как К. Клакхон [2], М. Херскович [3], Р. Линтон [4]. Главные вопросы, которые волновали исследователей, были связаны с познанием культуры на основе ее норм, ценностей и традиций. Их также интересовали механизмы сохранения или изменения культуры, особенности мышления, модели поведения, способы воспроизводства этнокультурных общностей среди ее членов.

Среди работ отечественных ученых конца XIX в. выделяются труды А. А. Исаева [5], который сформулировал основные причины миграции. На основе комплексного анализа он выделил четыре фактора, побуждающие людей к переселению: политический, религиозный, криминальный и экономический.

В разработке основных понятий миграционных процессов, междисциплинарных подходов в изучении миграционной политики участвовали В. И. Переведенцев [6], В. А. Ионцев [7], Т. И. Заславская [8].

Стоит отметить, что В. А. Ионцев – один из первых исследователей, который классифицировал 17 основных научных подходов в изучении миграции. По признанию многих российских ученых, его классификация является наиболее полной в отечественной науке.

Занимаясь вопросами миграции, В. И. Переведенцев в своих научных трудах обозначил важность проведения регистрационного учета прибывающих и убывающих мигрантов, а также необходимость разработки системного подхода в работе с населением.

Социолог Т. И. Заславская – одна из немногих исследователей, которая изучала миграционные процессы внутри российского общества. Основным интересом был сосредоточен на оказываемом влиянии от перемещения людей, их приспособляемости к новым условиям жизни и отношении к ним местных жителей.

Вопросы о сущности миграции, ее добровольных или вынужденных причинах нашли свое отражение в работах современных отечественных исследователей: В. М. Моисеенко [9], В. И. Мукомеля [10], Л. Л. Рыбаковского [11], Т. Н. Юдиной [12].

Проблемы типологизации миграционных процессов, выявления факторов миграционной ситуации всесторонне изучались В. И. Мукомелем и Л. Л. Рыбаковским.

В работах других уважаемых ученых, Т. Н. Юдиной и В. М. Моисеенко, делается вывод о важности социокультурного подхода с точки зрения выявления и фиксирования состояния напряженности представителей принимающего сообщества по отношению к мигрантам.

Наибольший теоретический и эмпирический вклад в изучение проблемы адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество внесли И. Б. Бритвина [13], А. Н. Татарко [14], А. А. Эндрюшко [15]. Многие из исследователей подтверждают, что успешность и скорость адаптации прибывших мигрантов зависит от целого комплекса разных факторов. В современном обществе до сих пор нет однозначного отношения к приему мигрантов. Соответственно, большинство вопросов, касающихся регулирования миграционных процессов и направлений взаимодействия с мигрантами, носят спорный характер.

Одним из первых среди зарубежных ученых проблемой аккультурации мигрантов, степени и времени их приспособления в различных ситуациях заинтересовался канадский психолог Дж. Берри [16]. Он выделил четыре аккультурационных стратегии: ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация, – определяющими в выборе которых являются развитие этнического своеобразия в обществе и желание контактировать с представителями других этносов.

В рамках данного исследования не менее важным является изучение вопроса касаясь возможного потенциала музеев в работе с мигрантами и их роли в культурной адаптации и интеграции прибывшего населения. Необходимо понимать, что интеграция – это двусторонний процесс, в результате которого происходит взаимное принятие элементов образа жизни ранее отдельных, автономных групп. Всесторонним анализом различных культурных практик и мероприятий, ориентированных на выявление продуктивных форм работы музеев с темой миграции, занимаются И. А. Гринько [17], Л. Я. Петрунина [18], Е. А. Ерохина [19], С. А. Алтухова [20], А. А. Линченко [21], А. В. Новикова [22].

Таким образом, анализ современных научных исследований по вопросам миграции и социокультурных практик адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество свидетельствует об устойчивом интересе к миграционной проблематике и постоянном расширении тематики изучаемых вопросов. До настоящего времени многие вопросы межкультурного взаимодействия остаются недостаточно изученными. Современное состояние и тенден-

ции развития миграционных процессов нуждаются в дальнейшем научном осмыслении в рамках культурологической науки.

Международный опыт работы музеев с темой миграции. Наибольший опыт работы с мигрантами имеют зарубежные музеи. Один из примеров – международный проект Multaka, который был инициирован Музеем исламского искусства в Германии в декабре 2015 г. Приезжие из Сирии и Ирака обучились на музейных гидов и потом проводили экскурсии на своем родном языке для других арабоязычных приезжих. Это позволило расширить целевую аудиторию музея и создать пространство, где люди с разным культурным опытом могут вести международный диалог, занимаясь в музее историей и искусством.

Арабоязычные сообщества могут посещать музеи и общаться с другими людьми на своем родном языке, делиться видением как своего собственного культурного наследия, так и истории Германии. Тем самым происходит создание открытых взаимосвязанных культурных образов и выстраивание межкультурных связей между приезжими и местными жителями. Проект действует по настоящее время. В нем также участвуют Музей исламского искусства, Музей древнего Ближнего Востока в Музее Пергамон, Музей Боде и Немецкий исторический музей.

В 2016 г. Музей кикладского искусства в Греции организовал проект «В музее все вместе» для детей беженцев из разных стран. Основная цель заключалась в том, чтобы собрать вместе детей беженцев и учащихся такого же возраста, постоянно живущих в Греции. Программа была разработана с использованием фрагментов кипрской письменности, хранящихся в постоянной коллекции музея. Эта письменность очень активно использовалась в период интенсивного развития экономики и торговли на Кипре и служила основой для коммуникации между людьми, которые говорили на разных языках.

Занятия включали в себя знакомство с письменностью, использование карточек, изображающих эмоции, предметы, узнаваемые локации, работу с географией местности. Программа ценна тем, что она построена вокруг коммуникации на одинаково непонятном языке как местным школьникам, так и детям беженцев. Она определяет равное положение для «них» и «нас» и показывает, что историческое наследие, если его изучать и актуализировать, ставит под вопрос привычные границы между «мы» и «они».

Музей эмиграции в Бремерхафене разработал экспозицию, которая воссоздает морской порт. В XIX в. Бремерхафен был одним из важнейших в Европе

центров эмиграции, откуда жители континента уплывали искать лучшей доли в Америке. Основная задача музея – показать, что миграция всегда была частью человеческой истории. Взаимодействие с посетителем выстраивается как своеобразное путешествие во времени: его знакомят с личными рассказами мигрантов, их семейными историями, фотографиями и дневниковыми записями.

Отдельное внимание заслуживает проект «Пройди милую в моих ботинках» или «Почувствуй себя на моем месте» Музея эмпатии в Лондоне. Его особенность состоит в том, что он представляет собой интерактивную передвижную выставку-инсталляцию. Посетитель, надев любую пару обуви, может пройти в ней по выставке и параллельно послушать историю, записанную голосом владельца этой самой обуви. Истории посвящены проблемам мигрантов, беженцев, дискриминации по национальному признаку и социальному неравенству. Задача музея – дать почувствовать посетителям эмоции и переживания человека с миграционным опытом.

Дополнительно хочется сказать о своеобразной акции, которую в 2017 г. проводил Музей Дэвиса в Уэллсли, штат Массачусетс. Эта акция стала поддержкой мигрантов в ответ на политическое заявление бывшего президента США Дональда Трампа о запрете на въезд в страну выходцам из мусульманских государств. В рамках акции все работы из экспозиции музея, которые были созданы иммигрантами, на несколько дней убрали из музея или прикрыли черной тканью. Оказалось, что около пятой части музейной коллекции принадлежало иммигрантам. На месте отсутствующих работ появились таблички с надписями: «Сделано иммигрантом» или «Подарено иммигрантом».

Отечественный опыт работы музеев с темой миграции. Российские музеи совсем недавно обратились к теме миграции и работе с людьми с миграционным опытом. Проекты, которые направлены на решение проблем, связанных с миграционными процессами, активно стали развиваться только последние два-три года.

Одним из первых обратился к теме миграции Государственный музей истории религии в Санкт-Петербурге. В 2013 г. здесь издали книги-путеводители на трех языках (русском, узбекском и таджикском), в которых рассказывалось о религиозной жизни Санкт-Петербурга с необходимой справочной информацией. Примерно в это же время сотрудники музея стали проводить специальные экскурсии для детей-мигрантов.

С 2016 г. стартовал проект «Мигранты в музее. Опыт социальной инклюзии». Он продлился до 2018 г. В 2017 г. дополнительно разработали програм-

му «Ты – в Петербурге! Город на перекрестке культур», которая была ориентирована на семейную аудиторию (детей 9–15 лет и родителей) и направлена на то, чтобы сформировать позитивное восприятие иной культурной среды, в которой оказались мигранты. В музее проводились занятия по обучению русскому языку, творческие мастер-классы, посвященные нахождению общих культурных черт между мигрантами и местными жителями, изучению истории ислама в России.

С темой миграции активно работает Музей искусства Санкт-Петербурга XX–XXI вв. С 2017 г. в пространстве музея успешно реализуется проект «Ракурс», который предоставляет всем желающим, в частности мигрантам, возможность представить свое видение современного искусства и поговорить о культуре в целом. Мигранты на время становятся экскурсоводами, самостоятельно разрабатывают маршрут экскурсии и делятся своим впечатлением об увиденном.

Чуть позже, в 2018 г., музей запустил образовательную программу «Арт-Багаж», направленную на работу с детьми-мигрантами и их родителями. Участники программы изучают художественную культуру Санкт-Петербурга, знакомятся с местами и фактами города, создают собственные произведения искусства, вживаются в роли героев мировых шедевров, которые становятся для них источником вдохновения и новых знаний, а также размышляют о своей культуре.

В 2019 г. совместно с Центром Гиляровского Музей Москвы организовал выставку «Дорогие москвичи и гости столицы». Целью выставки было представить Москву как многоэтничный город, для которого миграция и мигранты на протяжении всей истории были и остаются одной из движущих сил развития. Организаторы проекта стремились показать миграционный опыт как автобиографичный, доступный для понимания и сопереживания, рассказать историю миграции через судьбы людей, их личные воспоминания. Основными элементами выставки стали истории и видео-интервью с мигрантами, различные предметы из музейной коллекции, тарелки, кувшины, открытки и письма, которые имели характерный, «говорящий» признак этнокультурного разнообразия Москвы.

В Музее современного искусства «Гараж» действует целый отдел инклюзивных программ по работе с мигрантами. С 2017 г. музей организует курсы русского языка как иностранного для сотрудников музея с миграционным опытом. Для них адаптируют выставочные и просветительские программы,

экскурсии, мастер-классы и лекции. В 2021 г. «Гараж» запустил программу для подготовки экскурсоводов, владеющих узбекским, таджикским и киргизским языками.

На базе московского Музея-квартиры А. М. Васнецова в 2018 г. инициативная группа разработала программу «Метод Васнецова»: лайфхак для «понаехавших». Она направлена на адаптацию в Москве иногородних студентов, молодых профессионалов, людей, приехавших на заработки и решивших сменить место жительства. За основу взяли образ художника Васнецова, который является знаковой фигурой Москвы.

«Метод Васнецова» опирается на принцип «культуры участия» и вовлечения аудитории в практическую деятельность, когда слушатель становится исследователем и сотворцом. Участники слушали лекции, гуляли по историческим местам Москвы, отраженным в произведениях Васнецова, и создавали аудиогиды о своих маршрутах по городу, рассказывая о собственных наблюдениях. Участие в мастерской давало возможность мигрантам раскрыть способности исследователя, рассказчика и увидеть историю в повседневной жизни там, где о ней почти ничего не напоминает. Самым важным в данном методе было обращение к опыту конкретного человека, стимулирование его на внимательное отношение к тому месту в Москве, где он проживает, работает, учится, а не только к достопримечательностям и центру.

Проект «Я здесь не чужой» Музея исламской культуры Музея-заповедника «Казанский Кремль» был осуществлен в 2019 г. Цель заключалась в увеличении уровня доверия между местным населением и людьми с миграционным опытом посредством знакомства с историями «новых горожан». Объединяющей темой стало отношение с городом. Мигранты говорили о своих ожиданиях о городе, делились первыми впечатлениями, рассказывали о любимых и нелюбимых местах. На основе историй от первого лица, дополненных принадлежащими участникам предметами, была собрана выставка. Важным принципом проекта являлось то, что он давал возможность узнать другой, незнакомый опыт через соприкосновение с личными историями разных людей.

В Красноярске один из успешно реализованных проектов состоялся в Музее-усадьбе В. И. Сурикова в 2020 г. В Международный день мигранта сотрудники музея совместно с Отделением посольства Киргизской Республики в Красноярске представили видеоэкскурсию на киргизском языке. Запись опубликовали на различных платформах социальных сетей: в YouTube, Insta-

gram, Facebook и «ВКонтакте». Экскурсия стала доступна широкой общественности.

В Красноярском краевом краеведческом музее ежегодно проходят организованные групповые экскурсии для иностранных граждан. В 2018 г. была экскурсия для пяти человек из Семипалатинска и четырех из Бишкека. Годом ранее музей посетила группа из четырех человек из Туркменистана. В 2015 г. приезжали два человека из Казахстана, а самая большая группа, состоявшая из 18 человек, была из Узбекистана. Экскурсии проходили на русском языке. На них рассказывали об истории края, о его историческом, природном и культурном развитии. Участниками мероприятия были либо путешественники, которые приехали посмотреть новый город, либо люди, находящиеся в Красноярске в командировке.

Литературный музей имени В. П. Астафьева также работал с темой миграции. Благодаря инициативе заместителя начальника управления общественных связей губернатора Красноярского края Рафикова Рашита Гиззатовича музей выступал площадкой для проведения различных мероприятий национально-культурных объединений.

Таким образом, музеи могут выступать посредниками в содействии адаптации и интеграции мигрантов в новом для них социокультурном пространстве. У музеев есть огромный потенциал для работы в направлении социальной инклюзии мигрантов, в выстраивании благоприятных взаимоотношений человека и нового места.

Способы работы музеев по изучению и репрезентации вопросов миграции. Музейные институции, наравне с другими подразделениями, выполняют важные функции социального института, обеспечивающего гармонизацию общества и его стабильность. Если правильно организовать работу музеев, привлечь мигрантов и местное население к совместной творческой деятельности, способствовать формированию знаний о традициях, нормах и ценностях как принимающей, так и прибывающей сторон, то это создаст положительную динамику интеграции мигрантов.

В связи с этим необходимо представить ряд возможных рекомендаций по работе музеев с темой миграции:

- 1) инициировать разговор о миграции через призму истории, культуры и религии, делать акцент на общих, объединяющих элементах;
- 2) репрезентировать миграцию как многогранное и значимое общественное явление, касающееся абсолютно всех;

- 3) включать современное наследие разных культур и этнических групп в музейный дискурс;
- 4) расширять и укреплять межнациональные связи с лидерами национально-культурных объединений, использовать их возможности и авторитет в привлечении мигрантов;
- 5) делать акцент на работу с детьми-инофонами, посредством которых можно привлечь и заинтересовать взрослое население мигрантов;
- 6) задействовать личные истории мигрантов, чтобы гуманизировать их образ;
- 7) использовать принцип соучастия, выступать просветительско-образовательной площадкой;
- 8) обсуждать и распространять ценности инклюзии и разнообразия в музейном коллективе;
- 9) работать над медиа сопровождением, широко освещать предстоящие или уже прошедшие события с национально-культурной тематикой;
- 10) соблюдать этику коммуникации.

Форматы возможной работы: экскурсии, проводимые мигрантами и для них, творческие мастерские, лекции, дискуссии, фестивали, образовательные курсы, совместная работа по созданию выставочных экспозиций, театральные, гастрономические, кинематографические и трансмедийные проекты.

Работа с темой миграции требует междисциплинарного подхода, привлечения разных специалистов и понимания этических принципов. Необходимо прикладывать максимальные усилия, чтобы находить новые форматы соучастия и привлечения людей с миграционным опытом. Понимание значимости способов работы музеев по изучению и репрезентации вопросов миграции расширяет потенциал музейных институций. Важно задействовать цифровые ресурсы, увеличивать масштабы и возможности представления музейных социокультурных практик, чтобы деятельность музеев была доступна для разной аудитории.

Выводы. Проанализировав международный и российский опыт работы музеев с темой миграции, можно отметить, что в последнее десятилетие многие из них стали активно работать с личными историями мигрантов, собирать и записывать их в виде интервью в аудио- или видеоформатах, включать их во временные или постоянные экспозиции, адаптировать музейные коллекции под языковые особенности людей с миграционным опытом, проводить экскурсии на языке носителя и представлять свой взгляд на социально значимую проблематику.

Как международные, так и отечественные музеи ориентированы на работу со сторителлингом, личными ассоциациями, партиципативными методами и совместным творчеством людей с миграционным опытом. Они пытаются понять причины и механизмы миграции изнутри и ее последующего влияния, исследуют различные способы работы с травматическим порой опытом людей, выстраивают межкультурный диалог между мигрантами и принимающим обществом, работая со внутренними ощущениями последних и вызывая у них сочувствие, сопереживание и эмпатию. Музеи стремятся создать доверительные отношения со своими посетителями, чтобы те не боялись рефлексировать, высказывать свое мнение и делиться жизненным опытом. Социальная инклюзия, диалог и соучастие становятся главными ориентирами для музеев в этой системе ценностей.

Список литературы

1. Visser J. Museums and migration – building sustainable, peaceful communities // The Museum of the Future, 2016. URL: <https://themuseumofthefuture.com/2016/06/14/museums-and-migration-building-sustainable-peaceful-communities/> (дата обращения: 01.09.2021)
2. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия. 1998. Т. 352. С. 25.
3. Herskovic M. Kul'turnaja antropologija. M.: Armavir, 2012. 453 p. [In Russian]
4. Антология исследований культуры. Символическое поле культуры / Р. Линтон [и др.]. М.: Центр гуманитарных инициатив. 2011. 384 с.
5. Исаев А. А. Вопросы социологии: эгоизм, дружелюбие, классовые интересы. М.: Либроком, 2016. 240 с.
6. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
7. Ионцев В. А. Международная миграция: теория и история изучения. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.
8. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. 568 с.
9. Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004. 285 с.
10. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества / В. Мукомель [и др.] // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 411–467.
11. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019. 480 с.
12. Юдина Т. Н. Социология миграции: учеб. пособие. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.
13. Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Культурная идентичность и проблемы адаптации иноэтничных мигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17, № 3. С. 317–326.

14. Татарко А. Н., Родионов Г. Я. Взаимосвязь доверия и аккультурационных ожиданий принимающего населения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14, № 3. С. 519–535.
15. Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник института социологии. 2017. Т. 8, № 4. С. 45–70.
16. Berry J. W. Diversity and equity // Cross Cultural and Strategic Management. 2016. Vol. 23. P. 413–430.
17. Гринько И. А., Шевцова А. А. Российские музеи глазами мигрантов // Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции. 2019. С. 207–221.
18. Петрунина Л. Я. От традиционного музея к социальному институту // Вопросы музеологии. 2020. Т. 11, № 1. С. 133–140.
19. Ерохина Е. А. Миграционные процессы в современном музейном пространстве Франции (на примере музейных практик национального музея истории иммиграции) // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. 2020. С. 110–119.
20. Алтухова С. А. Современный музей как пространство мультикультурной коммуникации: обзор кейсов России и Великобритании // История и современное мировоззрение. 2020. № 3. С. 103–111.
21. Андреас Б., Линченко А. А. Культурная память мигрантов и принимающего общества в эпоху мультикультурализма // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 2 (18). С. 27–59.
22. Новикова А. В. «Стигма» в музеологическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 1 (46). С. 100–105.

УДК 32.019.5

Э. В. Пашова¹, Н. П. Копцева²

¹ *Исследователь по направлению «Теория и история культуры (культурология)» Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

² *Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭТНИЧЕСКУЮ СПЕЦИФИКУ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ В XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ВСЕСОЮЗНЫХ ДОКУМЕНТОВ)*

Исследования в области истории искусств XX в. закладывают новые представления о том, что культура, в том числе искусство не являются полностью автономными сферами и остаются тесно связанными с идеологией и с идеологией тоталитаризма, в частности социальными мифами и экономикой. Следовательно, представляется возможным рассматривать политические документы отдельного государства с целью выявления тех идеологических конструкций, которые транслируются на территории данной страны и оказывают влияние на специфику культуры как всей страны, так и отдельных народов. В статье представлены результаты исследования документов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Союза Советских Социалистических Республик, которые оказывают влияние на этническую специфику культуры северных народов в XX в. В число анализируемых документов входят архивные материалы фондов муниципального казенного учреждения «Эвенкийский архив» в поселке Тура. В результате становится возможно говорить о том, что идеологические конструкции, определяющие этническую специфику художественной культуры северных народов в XX в., связаны с вопросами их культурного и образовательного развития в политических целях РСФСР.

Ключевые слова: история искусств, история культуры, архивные документы, СССР, РСФСР, коренные малочисленные народы.

Research in the field of art history of the 20th century lays new ideas that culture and, in particular, art are not completely autonomous spheres and remain closely connected with ideology and with the ideology of totalitarianism in particular, social myths and economics. Therefore, it seems possible to consider the political documents of a particular state in order to identify those ideological constructs that are broadcast on the territory of a given country and influence the specifics of the culture of both the whole country and individual peoples.

© Пашова Э. В., Копцева Н. П., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43014.
The research was funded by RFBR, project number 21-09-43014.

This article contains the results of a study of the documents of The Russian Soviet Federative Socialist Republic and the Union of Soviet Socialist Republics, which have an impact on the ethnic specificity of the culture of the northern peoples in the 20th century. The analyzed documents include archival materials from the funds of the municipal state institution “Evenk archive” in the settlement Tura. As a result, it becomes possible to say that the ideological constructs that determine the ethnic specificity of the artistic culture of the northern peoples in the 20th century are related to the issues of their cultural and educational development for the political purposes of the RSFSR.

Keywords: history of art. history of culture. archival documents. the USSR. the RSFSR. indigenous peoples.

Исследования в области истории искусств XX в. [1] закладывают новые представления о том, что культура, в том числе искусство, не являются полностью автономными сферами и остаются тесно связанными с идеологией [2] и с идеологией тоталитаризма [3], в частности социальными мифами и экономикой. Так, Луи Пьер Альтюссер, французский представитель западного марксизма в числе идеологических аппаратов государства [4] выделяет культурный идеологический аппарат, включающий в себя изящную словесность, искусства, спорт и т. д. В результате культурный идеологический аппарат предстает в форме специализированных общественных институтов, которые относятся к частной сфере буржуазного права и функционируют на основании применения идеологии – ряда идей, выражающих интересы, мировоззрения и идеалы различных групп [5].

Следовательно, представляется возможным рассматривать политические документы отдельного государства с целью выявления тех идеологических конструктов, которые транслируются на территории данной страны и оказывают влияние на специфику культуры как всей страны, так и отдельных народов. Далее представлены результаты исследования документов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Союза Советских Социалистических Республик, которые оказывают влияние на этническую специфику культуры северных народов в XX в.

Первым шагом на пути изменений политической и культурной жизни коренных малочисленных народов Севера на территории бывшей Российской империи становится принятие 2 (15) ноября 1917 г. Декларации прав народов России [6], которая фактически отменяет действующий с 1822 г. Устав об управлении инородцев [7] и в которой официально провозглашаются основные принципы советской национальной политики [8]:

- равенство и суверенность народов России;
- право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;
- отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;
- свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Кроме того, в Декларации прописывается провозглашение на Первом Всероссийском съезде Советов в июле 1917 г. «права народов России на свободное самоуправление» [8; 9], которое подтверждается как неотъемлемое на Втором Всероссийском съезде Советов в октябре 1917 года. Впоследствии, в соответствии с Декларацией, разрабатываются конкретные декреты, на основании которых происходит формирование и реализация открытой и честной политики, направленной на создание прочного союза народов России.

Таким образом, Декларация прав народов России официально освобождает в том числе и коренные малочисленные народы Севера от имперского закрепощения и документально фиксирует их новые права и свободы в области политического самоуправления и этнического, национального самоопределения.

При этом дополнительно необходимо отметить статью 22 раздела второго «Общие положения» Конституции РСФСР, принятой Пятым Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. [10]: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия» [10]. Таким образом, в том числе и коренные малочисленные народы Севера официально лишаются возможности приобретения привилегий и преимуществ по отношению к остальному населению территории РСФСР». Данное ограничение сохраняется примерно до 1922 г., когда Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной Республики [11; 12], становится началом восстановления особого статуса коренных народов по всей территории РСФСР и СССР.

Несколько ранее принятия и Декларации, и Конституции, на Втором Всероссийском съезде Советов в октябре 1917 г. на основании Декрета об обра-

зовании Рабочего и Крестьянского правительства [8] принимается решение об образовании Народного комиссариата по делам национальностей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [13], известного в том числе как НКНац, или Наркомнац, в состав которого в качестве местного национального комиссариата входит отдел национальных меньшинств с Полярным подотделом управления туземными народами Севера¹. Основной целью как Наркомнаца в целом, так и отдела национальных меньшинств в частности становится осуществление национальной политики: информирование основных органов советской власти о нуждах каждой национальности и информирование национальностей о деятельности советской власти.

Однако Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР упраздняется 9 апреля 1924 г. в связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик [14], тогда как его функции переходят в ведение Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Следующим значимым шагом на пути преобразования политической и культурной жизни коренных малочисленных народов необходимо обозначить образование 20 июня 1924 г. Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК СССР [15; 16]. В скором времени, 2 февраля 1925 г., ВЦИКом и СНК принимается Декрет об утверждении положения о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета [17].

Основной целью Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК СССР, также известного как Комитет Севера, провозглашается «содействие планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях» [17].

Свою деятельность Комитет Севера начинает с полевых исследований в районах проживания коренных народов Севера. Данные исследования направлены как на практические (например, медицинское обследование населения и оказание медицинской помощи), так и на этнографические (изучение культуры и быта) цели.

Для изучения идеологических конструктов, определяющих этническую специфику художественной культуры северных народов в XX в., представляет возможным дело № 17 «Документы комитета Севера при Президиуме

---

¹ Полярный подотдел управления туземными народами Севера (также известный как подотдел Полярного Севера) организован в 1922 г.

ВЦИК (постановления, письма, справки, опросники), касающиеся работы окружного краеведческого музея» из архивного фонда № 24 «Эвенкийский окружной краеведческий музей Эвенкийского окружного Совета депутатов трудящихся п. Тура Эвенкийского национального округа Красноярского края» [18]. На основании анализа документов из данного дела становится возможным говорить о том, что руководство и РСФСР, и СССР заинтересовано в изучении не только территорий проживания коренных народов Севера, но и истории и быта данных народов, причем изучение проводится на местах посредством содействия краеведческих пунктов культбаз. Однако необходимо отметить тот факт, что уставы ассоциаций и обществ и инструкции, и методические материалы поступают на территории из центральных органов управления.

Среди изученных документов возможно заметить упоминание культбаз. Культурная база (культбаза) – комплекс учреждений, создаваемый в 1920–1930-х гг. по инициативе Комитета Севера с целью оказания помощи и устройства жизни кочевников в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока [19]. К 1928 г. Комитетом Севера разработано Положение о туземных культбазах Севера [20], в котором указывается, что «культбазы организованы как учреждения комплексного типа, где <...> объединены ряд учреждений [больница, ветпункт, школа, изба-читальня, кооперативно-снабженческий магазин, оленное стадо, зверовой питомник, заводы по переработке местного сырья, ремесленные мастерские – на основании пункта 3 Положения], на обязанности которых лежит оказание туземцам культурно-просветительной, лечебно-санитарной, ветеринарной, продуктивно-кооперативной помощи, всестороннее изучение района обитания обслуживаемой культбазой народности» [20].

Через два года после образования Комитета Севера, 25 октября 1926 г., Президиум ВЦИК и СНК РСФСР утверждают разработанное им Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР [21]. Данное Временное положение регламентирует организацию органов туземного управления среди народностей и племен северных окраин, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни, «в целях защиты прав и интересов трудящихся туземцев северных окраин <...> для поднятия их хозяйства и культурных условий жизни» [21].

Во Временном положении прописывается, что «органами туземного управления являются:

- а) родовые собрания;

- б) родовые советы;
- в) районные туземные съезды;
- г) районные туземные исполнительные комитеты» [21].

Более того, в нем прописываются определения данных органов управления, условия, в рамках которых могут избираться члены каждого органа управления, частота созыва и особенности ведения делопроизводства (касающиеся, в частности, устной и письменной формы постановлений и решений при отсутствии или наличии грамотных лиц).

Особенно важен пункт VI «Предметы ведения туземных советов», в котором фиксируется список вопросов, находящихся в ведении органов туземного управления. На основании данного пункта становится возможным говорить о том, что, с одной стороны, основная ответственность за решение культурно-просветительных вопросов ложится на органы туземного управления, в то время как, с другой стороны, вопросы культурного и просветительного характера объединяются в одну категорию с вопросами здравоохранения, хозяйственного и экономического значения.

Представляется необходимым отдельно оговорить причины, по которым в число данных органов управления включаются родовые собрания и родовые советы. Для этого обратимся к архивному фонду № 143 «Коллекция документов по истории Эвенкийского автономного округа от граждан» и делу № 85 «Рукописи курсовых работ студента. Эвенки и их родовые общины» [22]. В представленных конспектах говорится о том, что эвенки сохраняют свое старинное деление на роды, представляющие собой группу людей, связанных между собой узами родства, или большую семью, управляемую родоначальником [22]. Более того, роды эвенков проживают на северных территориях издавна; при этом у каждого рода сохраняются предания о ранней жизни на более южных территориях, в частности у озера Байкал.

Если экстраполировать родовую систему эвенков на другие коренные малочисленные народы Севера, то таким образом можно говорить о том, что родовые собрания и родовые советы представляют собой форму органов туземного управления, основанную на традиционной культуре коренных малочисленных народов и наиболее действенную в рамках их привычного уклада жизни.

Теперь уделим внимание всесоюзным документам, действие которых распространяется в том числе и на коренные малочисленные народы Севера. Поэтому обратимся к архивному фонду № 1 «Исполнительный комитет Эвенкийского окружного совета депутатов трудящихся п. Тура Эвенкийского

национального округа» и делу № 29 «Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР и Президиума крайисполкома по финансово-хозяйственной деятельности и культурной работе в округе» за 1936 г. [23]. На основании рассмотрения данного дела возможно отметить, что всесоюзные органы управления заинтересованы в поднятии не только образовательного, но и культурного уровня коренных малочисленных народов Севера. В частности, обращают на себя внимание документы, связанные с устройством и оснащением школ-интернатов, библиотек и архивов, в том числе не только учебниками на национальных языках, но и специально обученными учителями национальных школ. Более того, со стороны всесоюзных органов управления поощряется сотрудничество республик, областей и округов с Центральным институтом языка и письменности народов СССР при Совете Национальностей ЦИК СССР в рамках вопросов развития языка и письменности всех национальностей.

С другой стороны, поднятие образовательного и культурного уровня коренных малочисленных народов Севера в бóльшей степени связано с реализацией общих для РСФСР задач построения политически и культурно активного общества, в число которых входит политически значимая ликвидация неграмотности и малограмотности, обучение на курсах советского строительства (кандидатуры для которого должны соответствовать требованиям к грамотности и состоянию здоровья), обучение в школах-интернатах по программам, соответствующим одновременно и национальным, и всесоюзным характеристикам. Более того, возможно отметить, что обеспечение библиотек ведется в том числе комплектами политхудожественной литературы.

На основании приведенных выше исторических данных и архивных документов возможно говорить о том, что первоначальное освоение северных территорий РСФСР и СССР проходит с учетом интересов коренных малочисленных народов Севера и при их по возможности активном участии. В рамках политической, культурной и просветительской работы на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера организовывается деятельность туземных органов управления, включающих в себя в том числе традиции взаимодействия родов, создаются культбазы и школы-интернаты, уделяется внимание развитию языка и письменности народов.

В дальнейшем для исследования идеологических конструктов, оказывающих влияние на специфику художественной культуры коренных малочис-

ленных народов Севера, необходимо обратиться к изменениям советской политической системы, последовавшим за принятием 10 декабря 1930 г. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» [24]. В результате принятия данного Постановления на территориях Уральской области, Восточно-Сибирского и Дальневосточного краев и Якутской Автономной Советской Социалистической Республики образованы восемь национальных округов (в том числе Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский и Витимо-Олекминский) и восемь национальных районов. Отдельно необходимо отметить, что как окружным центром Эвенкийского национального округа, так и центром Икимпейского района назначается Туринская культбаза.

В связи с данным Постановлением для дальнейшего исследования представляется необходимым рассмотреть модель государственной власти и управления, актуальную в РСФСР. В результате изучения Конституций РСФСР 1918, 1925 и 1937 гг. принятия на предмет актуальной модели государственной власти и управления и в связи с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» представляется возможным обращаться к документам таких органов управления, как советы депутатов трудящихся и исполнительные комитеты национальных округов.

Более того, в документах исполнительных комитетов как районного, так и окружного масштаба неоднократно упоминаются кочевые советы. Если делать выводы о деятельности кочевого совета, то можно говорить о том, что представители коренных малочисленных народов, входящие в число членов кочевых советов, заинтересованы в образовании детей школьного возраста и в целом согласны с системой школ-интернатов, однако имеют определенные беспокойства по поводу физического и психологического благополучия собственных детей.

На основании проведенного исследования как общедоступных, так и архивных исторических источников по истории коренных малочисленных народов Севера на территории РСФСР в 1920–1970-х гг. возможно сделать следующие выводы.

Сначала необходимо оговорить тот факт, что любая деятельность на территории проживания коренных малочисленных народов Севера регламентируется с 1917 г. Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР и, в частности Полярным подотделом управления туземными народами Севе-

ра, а с 1925 г. – Комитетом содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК.

В то же время политическая система на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера в большей степени сходна с политической системой на территории всей РСФСР. В нее входят:

- с 1918 года – Всероссийский съезд Советов, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов и Совет Народных Комиссаров на территории РСФСР и Съезды Советов и Советы Депутатов на местах;
- с 1937 года – Верховный Совет и Совет Министров на территории РСФСР и Советы депутатов трудящихся на местах.

Однако нельзя не отметить, что с 1926-го до начала 1930-х гг. в состав органов туземного управления входят родовые собрания, родовые советы, районные туземные съезды и районные туземные исполнительные комитеты, тогда как после 1930-х гг. в составе органов местного управления на северных территориях сохраняются кочевые советы. Такое политическое устройство соответствует традиционной культуре коренных малочисленных народов как со стороны давнего разделения на роды, так и со стороны привычного им кочевого образа жизни.

Со стороны всероссийских и окружных органов власти необходимо обратить внимание на мероприятия, направленные на заботу о повышении культурного и образовательного уровня коренных малочисленных народов Севера. Основная их часть осуществляется посредством культбаз – учреждений комплексного типа, чья деятельность направлена на оказание культурно-просветительной, врачебно-санитарной, ветеринарной и продуктивно-кооперативной помощи и в то же время на всестороннее изучение территории и населения. Так, проводятся различные виды краеведных работ по изучению особенностей регионов и культур коренных малочисленных народов, организуются школы-интернаты и курсы по ликвидации безграмотности. Однако повышение и культурного, и образовательного уровня коренных малочисленных народов Севера строится на основе политических задач РСФСР в целом, хотя и с некоторым учетом специфики данных народов (например, проводятся мероприятия по сохранению языка и созданию письменности, поставляются учебники на родных языках коренных малочисленных народов).

Со стороны коренных малочисленных народов возможно отметить относительное согласие с мероприятиями по повышению культурного и образова-

тельного уровня их жизни всероссийскими и окружными органами власти. Сами представители коренных малочисленных народов не особенно активно участвуют в организации и проведении работ на территории их проживания, но во всех ситуациях имеют право голоса: так, ненадлежащее материальное снабжение учеников школ-интернатов регулярно улучшается вследствие необходимости привлечения доверия со стороны родителей.

Таким образом, становится возможно говорить о том, что идеологические конструкты, определяющие этническую специфику художественной культуры северных народов в XX в., связаны с вопросами их культурного и образовательного развития в политических целях РСФСР. В результате транслируемых всесоюзными и окружными документами идеологические конструкты и проводимые на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера мероприятия не столько сохраняют этническую специфику данных народов, сколько сглаживают ее с целью их встраивания в единое общество РСФСР.

Список литературы

1. Жуковский В. И. Всеобщая история искусства: курс лекций. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2008. 1020 с.
2. Луначарский А. В. Об искусстве: в 2 т. Т. 2. Русское советское искусство. М.: Искусство, 1982. 392 с.
3. Говорухина К. А. Политическая пропаганда в тоталитарном обществе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Краснодар, 2002. 146 с.
4. Альтюссер Л. П. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3.
5. Семигин Г. Ю. Идеология // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. 2816 с.
6. Декларация прав народов России // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1945189.
7. Устав об управлении инородцев // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4702676.
8. Валк С. Н., Обичкин Г. Д. Декреты советской власти. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 624 с.
9. Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24219. Л. 1-2. // 100 раритетов российской государственности. URL: <https://raritety.rusarchives.ru/dokumenty/deklaraciya-prav-narodov-rossii>.
10. Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 364 с.
11. Гореликов А. И. Зарождение региональной национальной политики по отношению к коренным малочисленным народам Дальнего Востока: историко-правовой аспект //

- Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 75.
12. Дюпин А. А. Государственная национальная политика в отношении коренных малочисленных народов в дореволюционном, советском и постсоветском законодательстве // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2. С. 110–116.
  13. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР. 1917–1924 // Путеводители по российским архивам. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/1205>.
  14. Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Республик. 1917–1936 гг.: сб. документов. Т. III. М.: Госюриздат, 1960.
  15. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). 1917–1938. // Путеводители по российским архивам. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/595>.
  16. Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1924–1935 // Путеводители по российским архивам. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/1215>.
  17. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1925 «Об утверждении положения о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» // КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=ESU&n=18983&date=15.10.2021>.
  18. Документы Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (постановления, письма, справки, опросники), касающиеся работы окружного краеведческого музея. МКУ «Эвенкийский архив». Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–40.
  19. Кашмакова М. В. Страницы истории культбаз на Ямале по документам Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2018. № 2 (99). С. 39–44.
  20. Чернышова В. И., Семенова Л. Ф. Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Вып. VI. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2004. С. 194.
  21. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 25.10.1926 «Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» // КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=ESU&n=6581&date=19.10.2021>.
  22. Рукописи курсовых работ студента. Эвенки и их родовые общины. МКУ «Эвенкийский архив». Ф. 143. Оп. 1. Д. 85. Л. 32.
  23. Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР и Президиума крайисполкома по финансово-хозяйственной деятельности и культурной работе в округе. МКУ «Эвенкийский архив». Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 172.
  24. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.12.1930 «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» // КонсультантПлюс. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=ESU&n=15681&date=02.11.2021>.

УДК 304.2

Ю. С. Замараева

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ ФОРМ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ*

Актуальность темы исследования заключается в том, что развитие современной эпохи закономерно предопределяет формирование сложных форм социальных идентичностей посредством особых социокультурных практик и технологий. В условиях динамично развивающегося мира сложная идентичность связана у большинства людей с потребностью в одновременной принадлежности к нескольким социальным группам. На рубеже XX–XXI вв. общество переживает сложные диалектические процессы глобализации и регионализации, что способствует преодолению традиционных административных, географических, культурных и социальных границ и, благодаря этому, – формированию социально-культурных процессов, обусловленных широкой и изменчивой самоидентификацией с различными социальными и культурными группами.

Ключевые слова: культурные практики, коренные малочисленные народы, сложная идентичность, этнокультурные группы.

The relevance of the research topic lies in the fact that the development of the modern era naturally predetermines the formation of complex forms of social identities through special socio-cultural practices and technologies. In a dynamically developing world, a complex identity is associated for most people with the need to simultaneously belong to several social groups. At the turn of the XX–XXI centuries, society is going through complex dialectical processes of globalization and regionalization, which contributes to overcoming traditional administrative, geographical, cultural and social boundaries and, thanks to this, the formation of socio-cultural processes due to a wide and changeable self-identification with various social and cultural groups.

Keywords: cultural practices, indigenous peoples, complex identity, ethno-cultural groups.

Российская Федерация исторически сложилась как сложное социально-экономическое и культурное пространство, где различные социальные, эко-

---

© Замараева Ю. С., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-49-240001.

номические, политические, религиозные, этнические, культурные группы существуют в сложном и многообразном единстве, пересекаясь и взаимопределяя систему социальных коммуникаций. Для такого поликультурного сообщества явление сложной идентичности является достаточно характерным. Более того, без применения данного понятия в культурологическом анализе современных российских реалий невозможно будет понять ни закономерности социальной динамики России, ни указать на факторы, которые будут способствовать формированию общероссийской гражданской идентичности в позитивных аспектах.

Явление сложной идентичности опирается на конкретные социокультурные процессы, в том числе на интегральную культурную память россиян, на географические перемещения по огромному евразийскому пространству и освоение новых земель, на многоукладность экономических практик и традиционную культурную и социальную открытость, характерные для нашей страны на протяжении всей ее многовековой истории.

В науке концептуальное определение понятия «сложная идентичность» было сформировано в последней трети XX в. в социальных исследованиях, с начала XXI в. оно получило широкое развитие благодаря междисциплинарным исследованиям, позволившим ученым выявлять сложные формы идентичности как один из важнейших факторов социальной динамики. До настоящего времени синтез научных подходов в интегративную теорию идентичности не произошел, данная проблематика остается рассредоточенной по конкретным исследованиям и узким дисциплинам. К началу XXI в. в теории культуры возрастает интерес к идентичности как научной проблеме и обнаруживается необходимость ее изучения в контексте закономерностей функционирования современного культурного пространства и межкультурных отношений. Культурологическая проблематика позволяет соединить разрозненные представления в концептуальное понятие «сложная идентичность» и выстроить приоритеты исследования в соответствии с современными социально-культурными отношениями, практиками и процессами.

Способность распознавать и оценивать степень сложности идентичности особенно важна в контексте современных иммиграционных процессов, также выступающих объективизированным фактором формирования сложных этнокультурных идентичностей. Этническая идентичность формируется как одна из базовых составляющих социальной идентичности, в межэтнической среде этнокультурная самоидентификация приобретает комплексный харак-

тер, поскольку формируется в опоре на культурную и историческую память, исторические традиции и культурное наследие. Традиционные этнические и культурные ценности – как наиболее устойчивые и базовые – сохраняют социальные группы и общество в целом от распада и деструктивных процессов.

На современном этапе развития Российской Федерации ее национальные интересы выступают ключевыми, а управление национальными и межэтническими отношениями – важнейшим направлением внутренней политики. Вопрос многонациональной целостности как фактора формирования общероссийской гражданской идентичности во многом решается посредством сохранения и возрождения этнокультурного базиса. В связи с этим актуальным является культурологическое исследование этногенеза и культуругенеза в тех российских регионах, где данный процесс имеет стабильную динамику и устойчивую структуру при отсутствии ярко выраженных деструктивных процессов и, наоборот, при сохранении позитивных межкультурных и межрелигиозных коммуникаций на протяжении длительных периодов развития.

Позитивистская методология культурных антропологов повлияла на изучение сложной идентичности в рамках бихевиористического подхода. К концу XX в. систематические исследования бихевиористов и изучение мотивационного поведения социологами разных школ привели к необходимости разработать понятие «культурные практики». П. А. Ламаль, Ж. Дж. Гуднау, П. Дж. Миллер, Дж. Б. Сакс, М. А. Маттайни, Э. Биглан, У. Х. Сьюэлл, М. Бланц и ряд других ученых ведут лонгитюдные исследования по мониторингу общества на предмет отбора культурных практик и исследуют их интегративную роль в культурном пространстве. В 2000-е гг. понятие культурных практик уже получает самостоятельное значение и прочно укореняется в теории культуры. В настоящее время разрабатывается проблема прикладного анализа культурных практик, актуализируется их содержание в междисциплинарном исследовательском поле (Э. Свидлер, М. Фрезе и Э. Хатчинз и др.). В российской науке авторские определения принадлежат В. В. Волкову и О. В. Хархордину, В. П. Большакову. Ряд ученых определяют термин культурных практик в связи с понятием «габитус» П. Бурдьё (М. Б. Гронас, Н. А. Шматко, Л. Г. Скокова, Г. А. Аванесова).

Понятие «культурные практики» содержательно формируется интегральным путем в междисциплинарном поле современной социогуманитарной науки на основании эпистемологического (в контексте социального бихевио-

ризма и когнитивной психологии) и онтологического (в контексте культурной антропологии) подходов. Единой теории культурных практик сегодня нет, но на основании синтеза интеллектуальных традиций ряда научных подходов и направлений понятие «культурные практики» моделируется как автономный процесс организации когнитивного индивидуального и социального поведения в пространстве и времени, системное качество осуществления и трансформации культуросозидающей человеческой деятельности. Культурные практики рассматриваются как процессы прошлого и как факторы формирования будущего социокультурного пространства. В начале XXI в. особое культурологическое значение данный термин приобрел в связи с ростом этнокультурного самосознания, когда в системе культуры были обнаружены «подкрепляющие практики» для сохранения и производства самобытной деятельности различных этнокультурных групп.

Список литературы

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи. 2015. Т. 4, № 47. С. 28–37.
2. Большаков В. П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПГИУ. 2016. Т. 2, № 27. С. 16–22.
3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
4. Гронас М. «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. Т. 45. С. 6–21.
5. Замаева Ю. С. Региональные культурные практики формирования сложных форм идентичности (на материале Красноярского края): автореф. дис. ... д-ра культурологии. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. 54 с.
6. Скокова Л. Г. Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации // Социологический альманах. 2014. № 5. С. 232–243.
7. Шматко Н. А. Послесловие. На пути к практической теории практики // Практический смысл. Бурдьё П. СПб.: Алетейя. 2001. С. 549–562.
8. Biglan A. Changing cultural practices: A contextualist framework for intervention research. Context Press, 1995. 464 p.
9. Biglan A., Barnes-Holmes Y. Acting in light of the future: How do future-oriented cultural practices evolve and how can we accelerate their evolution? // Journal of contextual behavioral science. 2015. Vol. 4 (3). P. 184–195.
10. Blanz M. Strategic responses to negative social identity: An empirical systematization of field data // European Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 28. P. 697–729.
11. Frese M. Cultural practices, norms, and values // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2015. Т. 46. №. 10. P. 1327–1330.

12. Goodnow J. J., Miller P. J., Kessel F. E. Cultural practices as contexts for development. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. 126 p.
13. Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // *Philosophical psychology*. 2014. Vol. 27, № 1. P. 34–49.
14. Lamal P. A. Behavioral analysis of societies and cultural practices. N.Y.: Hemisphere, 1991. 257 p.
15. Mattaini M. A. Envisioning cultural practices // *The Behavior Analyst*. 1996. Vol. 19, № 2. P. 257–272.
16. Miller P. J., Goodnow J. J. Cultural practices: Toward an integration of culture and development // *New Directions for Child and Adolescent Development*. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. Vol. 67. P. 5–16.
17. Saxe G. B. Cognition, development, and cultural practices // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 1999. Vol. 1999, № 83. P. 19–35.
18. Sewell Jr W. H. The concept(s) of culture // *Practicing History* / G. V. Spiegel (ed.). L.: Routledge, 2005. P. 76–95.
19. Sewell Jr W. H. The concept(s) of culture // *The Cultural Geography Reader* / T. S. Oakes, P. L. Price (eds.). London: Routledge, 2008. P. 40–50.
20. Swidler A. What anchors cultural practices // *The Practice Turn in Contemporary Theory* / K.K. Cetina, T.R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). L., N.Y.: Routledge, 2005. P. 83–101.

УДК 37.091.26:0043737

К. А. Дегтяренко¹, С. О. Зотов², А. А. Ситникова³

¹Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

²Направление «Биология», Институт фундаментальной биологии и биотехнологий Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

³Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ КЕТОВ ЭВЕНКИЙСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)*

В настоящем исследовании, основанном на применении суммы социологических и культурологических методов, проанализированы базовые факторы этнокультурной динамики коренных малочисленных народов Енисейской Сибири. В частности, исследуется этнокультурная группа кетов, коренных малочисленных народов, компактно проживающих в поселке Суломай Эвенкийского муниципального района Красноярского края. В работе применены классические методы исследования, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, а также методы анкетирования и факторного анализа (со статистической обработкой данных в программе R версии 4.1.0).

Ключевые слова: этнокультурная динамика, коренные малочисленные народы, Енисейская Сибирь, кеты, анкетирование, факторный анализ.

In this study, based on the application of a sum of sociological and cultural methods, the basic factors of the ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of the Yenisei Siberia are analyzed. In particular, the ethno-cultural group of Kets, indigenous peoples, compactly living in the village of Sulomai, Evenki municipal district of the Krasnoyarsk Territory, is being studied. The work uses classical research methods such as analysis and synthesis, induction and deduction, as well as methods of questioning and factor analysis (with statistical data processing in the R version 4.1.0 program).

Keywords: ethnocultural dynamics, indigenous peoples, Yenisei Siberia, Kets, questioning, factor analysis.

© Дегтяренко К. А., Зотов С. О., Ситникова А. А., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-49-240001.

Наиболее распространенным способом в современной социологии и культурологии, базирующимся на использовании статистических методов для обработки данных, которые были получены в рамках полевых исследований, является факторный анализ. Для статистической обработки данных была использована программа R версии 4.1.0.

В июне 2021 г. были проведены полевые исследования в поселке Суломай, где компактно проживают представители коренных малочисленных народов – кеты. Поселок Суломай входит в состав Байкитской группы поселений Эвенкийского муниципального района Красноярского края.

В рамках проведения количественного культурологического исследования были составлены вопросы анкеты (с несколькими вариантами ответов) с учетом основных социально-демографических и этнических характеристик респондентов. В результате применения метода главных компонент факторного анализа полученных в результате анкетирования данных были выявлены информативные факторы – главные компоненты.

Так, в результате анализа анкет опрошенных среди представителей кетской этнокультурной группы выделено шесть факторов (таблица, рис. 1–3).

Таблица

Таблица корреляционных значений главных компонент современной культуры коренных малочисленных народов Красноярского края (кеты)

Вопрос	Кеты					
	PC1 22.91	PC2 13.45	PC3 12.30%	PC4 9.20%	PC5 8.46%	PC6 6.01%
X1	-0,04	-0,13	-0,16	0,33	-0,30	-0,28
X2	0,01	0,40	-0,02	0,00	0,24	0,12
X3	0,04	0,24	-0,18	-0,12	0,32	-0,22
X4	-0,11	0,14	0,00	-0,14	0,21	0,15
X5	-0,14	-0,20	-0,20	0,23	-0,01	-0,16
X6	-0,13	-0,30	-0,24	-0,04	0,03	-0,05
X7	-0,29	-0,14	0,13	0,05	0,00	0,03
X8	-0,30	-0,14	-0,07	0,18	0,03	-0,08
X9	-0,28	-0,18	-0,05	0,17	0,05	0,01
X10	-0,33	-0,07	0,09	-0,04	0,07	0,07
X11	-0,33	-0,02	0,14	-0,06	-0,12	0,07
X12	-0,27	0,21	0,01	-0,02	0,02	0,13
X13	-0,32	-0,05	0,08	-0,13	0,18	0,11

Окончание таблицы

X15	-0,03	0,05	-0,13	0,14	-0,40	0,24
X16	-0,21	-0,08	-0,01	-0,34	-0,21	0,11
X17	-0,04	0,31	-0,27	0,04	0,04	-0,36
X18	-0,03	-0,25	-0,07	-0,26	0,00	-0,20
X19	0,18	-0,32	0,04	-0,25	0,11	-0,09
X20	-0,17	0,19	-0,28	-0,14	-0,07	0,09
X21	-0,20	0,11	-0,24	-0,24	-0,19	-0,01
X22	0,03	0,04	-0,27	0,27	-0,05	0,38
X24	-0,02	-0,17	-0,29	-0,16	0,22	-0,09
X25	-0,25	0,13	0,19	0,08	0,12	-0,38
X26	0,05	-0,21	-0,10	0,08	0,35	0,07
X27	-0,02	-0,21	-0,17	0,06	0,38	0,32
X28	-0,15	0,11	-0,27	-0,32	-0,10	-0,05
X29	0,09	0,00	-0,45	0,09	0,01	-0,11

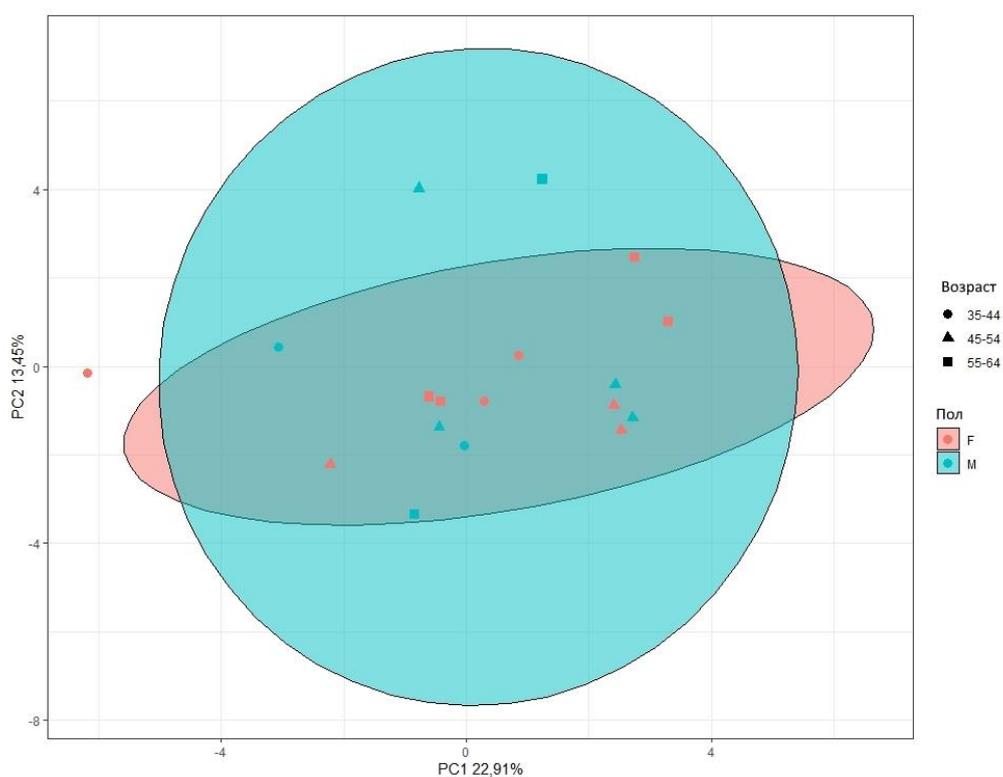

Рис. 1. Сопряжение переменных и коэффициентов их корреляций по возрастному признаку участников

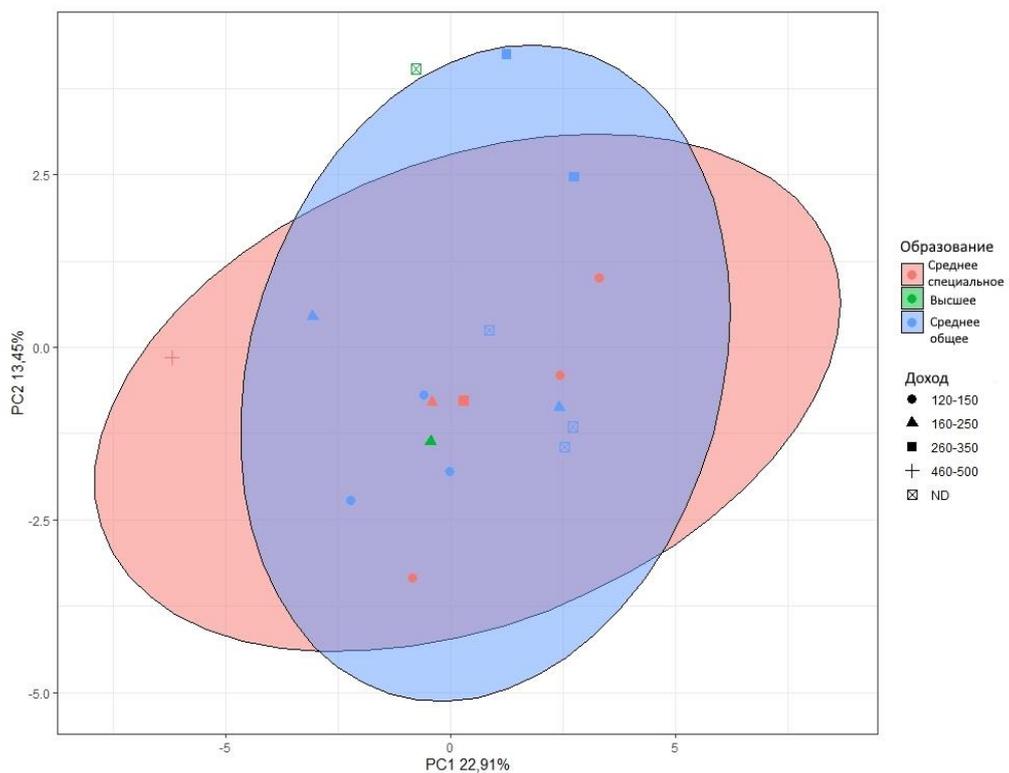

Рис. 2. Сопряжение переменных и коэффициентов их корреляций по уровням образования участников

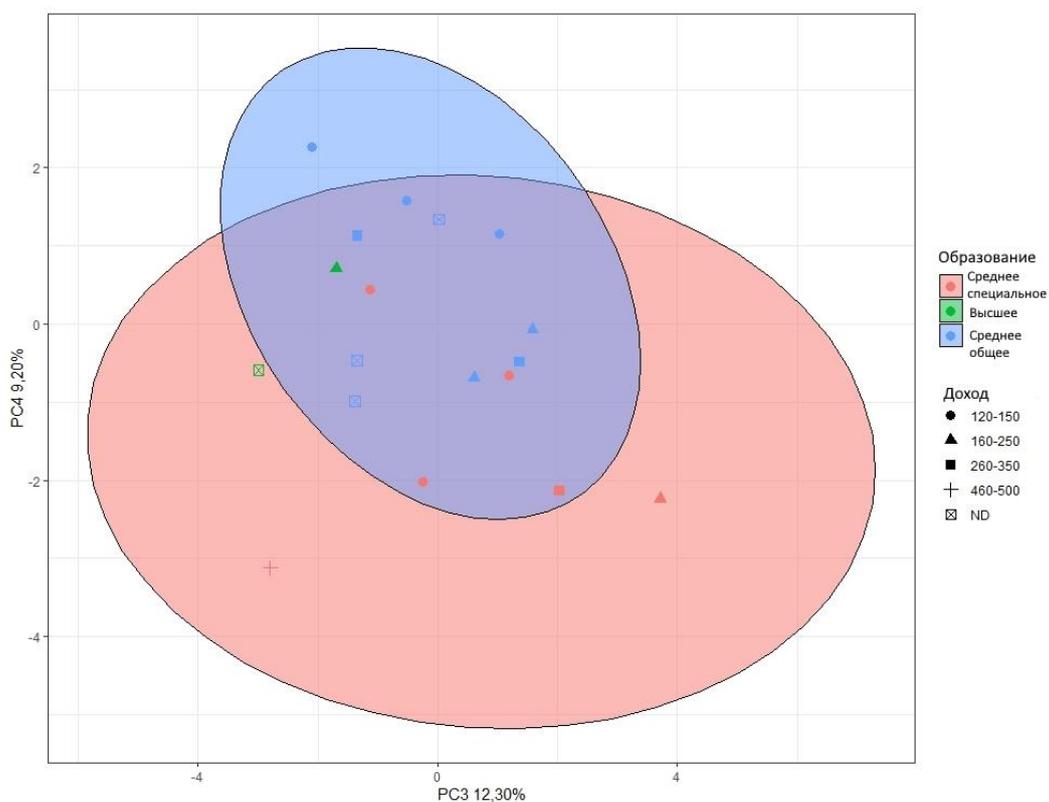

Рис. 3. Сопряжение переменных и коэффициентов их корреляций по социально-экономическому уровню участников

Согласно факторному анализу анкет представителей кетской этнокультурной группы выделено шесть факторов, в рамках каждого фактора выбраны наибольшие числовые данные, которые соответствуют конкретным вопросам анкеты. Каждому фактору даны название и интерпретация.

Фактор 1

Вопрос 14. Насколько верно утверждать, что социальная инфраструктура в Эвенкии совершенно не изменилась в течение последних 20 лет и что ее качество является невысоким?

Вопрос 19. Довольны ли вы качеством школьного образования в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов?

Дополнительные вопросы (здесь и далее) – те вопросы анкеты, которые отмечены приближенными к абсолютным показателям:

Вопрос 29. Насколько известны вам лично современные интернет-ресурсы, YouTube-каналы и блоги о культуре Эвенкии?

Вопрос 26. Насколько туристическая инфраструктура Эвенкийского муниципального района соответствует современным стандартам качества?

Наименование фактора и интерпретация: ценность развития территории проживания.

Вопросы анкеты, получившие большую корреляцию, показывают, что этнокультурное сообщество заинтересовано в том, чтобы традиционная территория проживания развивалась в рамках современных глобализационных изменений, чтобы наблюдалась включенность в актуальные процессы развития общества, а не обособленность.

Фактор 2

Вопрос 2. Какова, на ваш взгляд, доля коренных жителей Эвенкии, вовлеченных в работу на промышленных предприятиях по добыче полезных ископаемых?

Дополнительные вопросы:

Вопрос 17. Какова медицинская помощь в поселке вашего проживания за последние 5 лет?

Вопрос 3. Как вы относитесь к утверждению о том, что самый перспективный путь развития для коренных малочисленных народов – это получение качественного высшего образования?

Вопрос 12. Насколько верно утверждение, что в Эвенкии с 2001 г. были построены новые больницы и проблема охраны здоровья в целом решается положительно?

Наименование фактора и интерпретация: устремленность к повышению статуса, качества жизни. Развитые социальные сервисы, доступность разных муниципальных служб, изменение качества оказания этих услуг понимается представителями этнокультурного сообщества как показатель внимания со стороны государства.

Фактор 3

Вопрос 25. Как изменилась за последние 10 лет туристическая инфраструктура Эвенкии?

Дополнительные вопросы:

Вопрос 11. Насколько верно утверждение, что в Эвенкии с 2001 г. ведется интенсивное строительство новых жилых домов и скоро жилищная проблема будет окончательно решена?

Вопрос 7. Насколько верно, что в Эвенкии с 2001 г. улучшилось благоустройство жизни в поселках, максимально приблизившись по комфорту к современным городам и поселениям?

Наименование фактора и интерпретация фактора: развитие региона, стереотипическое представление о зависимости уровня благоустройства территории проживания от туризма.

Данные, полученные по этим вопросам, показывают, что представители кетской этнокультурной группы выделяют взаимосвязь между улучшением качества жизни людей, проживающих на территории, с 2001 г. и развитием туристической сферы с 2010-х гг. И этот фактор фиксирует важность и принципиальность поддержания, развития благосостояния родного региона, поиск новых путей утверждения ценности жизни на родной земле, готовность делать территорию более открытой, гостеприимной.

Фактор 4

Вопрос 1. Как вы относитесь к утверждению о том, что именно традиционные промыслы – оленеводство, рыбная ловля, охота – являются основным видом деятельности, которым должны заниматься коренные народы как в настоящее время, так и в будущем?

Дополнительные вопросы:

Вопрос 22. Имеете ли вы возможность получать образование дистанционно по интернету?

Вопрос 5. Как вы относитесь к утверждению о том, что для развития коренных малочисленных народов Енисейской Сибири наиболее благоприятным является сохранение традиционных видов природопользования – оленеводства, рыбной ловли, охоты и других?

Наименование и интерпретация фактора: сохранение наследия и основ культуры. Фиксируется укорененность, связь с традиционным образом деятельности, который характерен для мест компактного расселения коренных малочисленных народов Севера. Подчеркивается роль традиционного образа жизни и его доступность даже в современных реалиях динамично развивающегося глобального общества, обеспечение необходимыми для его поддержания условиями.

Фактор 5

Вопрос 27. Как изменилось количество туристов в Эвенкии за последние 10 лет?

Дополнительные вопросы:

Вопрос 26. Насколько туристическая инфраструктура Эвенкийского муниципального района соответствует современным стандартам качества?

Вопрос 3. Как вы относитесь к утверждению о том, что самый перспективный путь развития для коренных малочисленных народов – это получение качественного высшего образования?

Наименование и интерпретация фактора: новые пути развития региона. Вопросы анкеты фиксировали отношение к туризму на территории проживания и готовность проживающих на данной территории к принятию на ней приезжающих. Фактор показывает, что кеты стремятся понять перспективность, потенциал региона в экономической сфере. И развитая туристическая деятельность потенциально может стать ключевой отраслью экономики Эвенкии.

Фактор 6

Вопрос 22. Имеете ли вы возможность получать образование дистанционно по интернету?

Дополнительные вопросы:

Вопрос 27. Как изменилось количество туристов в Эвенкии за последние 10 лет?

Вопрос 15. Как изменилась ситуация в области здравоохранения коренных малочисленных народов в XXI в.?

Наименование и интерпретация фактора: актуальные изменения в жизни Эвенкии в социальной и экономической сфере.

Результаты проведенного факторного анализа показали, что наиболее информативными и устойчивыми признаками в рассмотрении этнокультурной динамики кетов в Енисейской Сибири являются два противоположных направления: стремление к сохранению особенного образа жизни, традиционного уклада, деятельности и развитие региона в рамках современных тенденций.

Большее количество факторов свидетельствует о том, что именно эти два свойства определяют сущность этноса, которая наименее демонстрирует динамику и при этом обуславливает вектор развития кетов. Ответы респондентов, обработанные методом главных компонент (РСА), указали на желание развивать территорию традиционного проживания, так как в отличие от переезда в более благополучные районы земля, на которой жили предки рассматриваемой этнической группы является родной и вызывает чувства любви, сопричастности, гордости. Данная связь с родной землей очень крепка. Близок к данным показателям и фактор 2 – улучшение качества жизни и повышение социального статуса как константное желание народа, вне зависимости от времени, и при этом важное качество, связанное с развитием и видением «будущего» кетов.

Список литературы

1. Авдеева Ю. Н., Дегтяренко К. А. Компенсаторные практики формирования этнокультурной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–48.
2. Березюк С. В. Стилиевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 2. С. 32–40.
3. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.
4. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.

5. Замараева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
6. Замараева Ю. С., Сертакова Е. А., Ситникова А. А. Северные народы Российской империи в материалах Красноярского подотдела Восточносибирского русского географического общества // Былые годы. Российский исторический журнал. 2021. № 16. С. 948–959.
7. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
8. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
9. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]. Красноярск, 2020. 184 с.
10. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
11. Копцева Н. П., Пименова Н. Н. Своеобразие культурных сообществ сегодня: опыт изучения трансформаций в культурных пространствах и классификация Т. Х. Эриксона // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 3. С. 57.
12. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
13. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.
14. Пименова Н.Н. Моделирование национальной политики СССР по отношению к коренным малочисленным народам Севера, проживающим в 1920–1970 гг. в Эвенкийском национальном (автономном с 1977 г.) округе // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 3. С. 64–76. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-64-76.
15. Пименова Н. Н. Эвенки Эконды: культурные трансформации в среде коренных народов // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2021. С. 27–41.
16. Пчелкина Д. С. Концептуальный потенциал художественной культуры как формы этнической манифестации коренных северных народов // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 4. С. 17–24.
17. Пчелкина Д. С. Особенности этнической манифестации коренных народов Арктической зоны России в сети Интернет // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 61–67.
18. Пчелкина Д. С., Авдеева Ю. Н. Способы этнической манифестации в виртуальном пространстве: концептуальный анализ // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 143–152.
19. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.

20. Резникова К. В. Индигенные методологии в зарубежном социальном и гуманитарном знании // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, 4. С. 121–132. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-4-121-132.
21. Резникова К. В. Основные характеристики постколониального поворота в социальных и гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 4 (12). С. 88–98. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-4-88-98.
22. Резникова К. В. Пространственный поворот в исследованиях культур коренных малочисленных народов // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 272–279. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-272-279.
23. Резникова К. В. Пространство сцены в культурных формах и практиках коренных малочисленных народов Севера Красноярского края // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 35–45. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-35-45.
24. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
25. Сертакова Е. А., Ситникова А. А., Замараева Ю. С. Источники по истории енисейских народов Российской империи (на примере анализа материалов газеты «Красноярец») // Былые годы. 2021. № 16. С. 2034–2042.
26. Ситникова А. А. Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 240–249. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-1-240-249
27. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
28. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.
29. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
30. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.

УДК 378.183-048.93

Д. С. Пчелкина¹, С. О. Зотов², А. А. Ситникова³

¹ Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения, заместитель директора по научной работе Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

² Направление «биология», институт фундаментальной биологии и биотехнологий Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

³ Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ ШОРЦЕВ АСКИЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)*

Этнокультурная динамика различных этносов в условиях глобализационных трансформаций становится одной из ведущих тем этнологических, социологических и культурологических исследований. Группы коренных малочисленных народов Енисейской Сибири также претерпевают существенные изменения в своей этнической культуре. Данное эмпирическое исследование проведено с помощью социологического и культурологического аналитического инструментария, что позволило изучить базовые факторы этнокультурной группы шорцев. Этот коренной малочисленный народ компактно проживает в Аскизском районе Республики Хакасия (поселки Балыкса, Неожиданный, Николаевка). Методика исследования включает в себя классические методы исследования (анализ и синтез, индукция и дедукция), методы анкетирования и факторного анализа (со статистической обработкой данных в программе R версии 4.1.0).

Ключевые слова: этнокультурная динамика, этническая идентичность, коренные малочисленные народы, Енисейская Сибирь, шорцы, анкетирование, факторный анализ.

The ethnocultural dynamics of various ethnic groups in the context of globalization transformations is becoming one of the leading topics of ethnological, sociological and cultural studies. Groups of indigenous peoples of the Yenisei Siberia are also undergoing significant changes in their ethnic culture. This empirical study was carried out using sociological and cultural analytical tools, which made it possible to study the basic factors of the ethnocultural group of the Shors. This indigenous small people live compactly in the Askizsky district

---

© Пчелкина Д. С., Зотов С. О., Ситникова А. А., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-49-240001.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-49-240001.

of the Republic of Khakassia (the villages of Balyksa, Unexpected, Nikolaevka). The research methodology includes classical research methods (analysis and synthesis, induction and deduction), methods of questioning and factor analysis (with statistical data processing in the R version 4.1.0 program).

Keywords: ethnocultural dynamics, ethnic identity, indigenous peoples, Yenisei Siberia, Shors, questioning, factor analysis.

В XXI в. появляются принципиально новые факторы, определяющие трансформацию социальных идентичностей, в том числе этнокультурных идентичностей. Сумма глобальных и локальных социально-экономических и культурных факторов, модернизационные процессы, формирование российской гражданской идентичности, активное обновление культурной и исторической памяти, появление киберформ идентификационных процессов до настоящего времени не включались в научное моделирование этнокультурной динамики макрорегиона Енисейской Сибири. На территории Енисейской Сибири функционирует поликультурное и многоукладное сообщество, уникальное как по системным свойствам, так и по характеристикам элементов, входящих в данную систему.

Коренные народы Енисейской Сибири переживают сейчас ряд трансформаций, анализ которых важен для современных фундаментальных наук: этнологии, культурной антропологии, социологии. В современном мире локальные этнические и культурные сообщества играют все более важную роль.

Этнокультурная динамика – процесс, отражающий изменения в переживаниях своей этничности каждым представителем того или иного народа. Экстериоризируются данные переживания в различных формах культуры: религия, язык, искусство, быт, право, образование, здравоохранение. К изучению этнокультурной динамики как феномена, а также факторов, определяющих ее специфику, обращаются многие отечественные и зарубежные ученые.

В рамках данного исследования было изучено актуальное состояние следующих факторов, определяющих динамические процессы этнокультурной трансформации шорцев: духовная составляющая в форме современных верований, экономическое положение, проблемы этнической идентичности, вовлеченность в общественную и политическую деятельность, сохранение традиций, традиционного образа жизни и видов деятельности, уровень владения национальным языком, межэтнические взаимоотношения, уровень доступности различных социальных услуг.

Наиболее применим для подобного социокультурного исследования количественный метод опроса в форме анкеты. Метод основан на статистических законах и направлен на познание социокультурных явлений и процессов. Анкетирование относят к сбору первичной информации, он является базовым для получения объективных знаний и их трансляции в публичный дискурс) [6, с. 69].

Процедура анкетирования состоит из последовательных этапов: 1) составление вопросов анкеты (с несколькими вариантами ответов); 2) разработка системы выборки; 3) «пробное» анкетирование с целью адекватного восприятия респондентами формулировок вопросов (как правило, избирается группа от 20 до 100 человек [6, с. 37]; 4) проведение социологического анкетирования; 5) сбор эмпирических данных, обработка (интерпретация) полученной информации; 6) построение научного вывода.

Обоснование выборки для проведения полевых исследований. Выборка была построена на основании случайного отбора респондентов, что является репрезентативным для проведения количественного исследования, однако в связи с поставленной целью и задачами эмпирическое исследование имело следующие особенности.

1. Методика опроса должна репрезентировать представителей генеральной совокупности – географический охват респондентов должен отвечать параметру компактного проживания этнической группы и достаточного количества представителей для проведения анкетирования (численностью не менее 100 человек).

2. Участником опроса должен быть «массовый респондент» – представители социальных групп и носители коллективных ценностей, представлений и норм, чье поведение детерминировано социальными законами и социальной структурой.

3. Тема исследования определяет содержание вопросов, с помощью которых необходимо было выявить: степень включенности коренного населения в традиционные промысловые виды деятельности и современные промышленные процессы на территории традиционного проживания коренных народов; структуру и содержание представлений о трансформации северного здравоохранения и образования (включая высшее), экономической, социальной и туристической инфраструктуры; доступности цифровой среды; современные условия сохранения культуры коренных народов Севера и ключевые параметры, позволяющие сохранять этнокультурное содержание коренных

народов. Сформулированные вопросы по заданным параметрам образуют структурированную модель предмета анализа.

4. Форма вопросов должна была носить преимущественно закрытый характер, иметь небольшое количество вариантов ответов и включать дополнительный открытый тип ответа для самостоятельной записи. Каждый вопрос должен был оптимально раскрыть тему исследования, но не содержать разных идей. Варианты ответов были примерно одинаковыми по длине.

5. В вопросах был отражена специфика этнокультурной группы Республики Хакасия – шорцев (группа поселений: Балыкса, Николаевка и Кузьмовка Аскизского района Республики Хакасия [3]), компактно проживающих на территории традиционного проживания коренных народов. Также необходимо было отразить лингвистическую компетенцию респондентов как фактор моно- или полиязычного межкультурного сообщества.

6. Период проживания респондентов на территории Республики Хакасия был не менее пяти лет, поскольку, с одной стороны, это минимальный период адаптации в принимающем сообществе, с другой – обоснование факта постоянного проживания в северном регионе, включенности в экономические, политические и социальные процессы. Особое внимание было уделено респондентам, чей период проживания в крае составляет более 30 лет, что свидетельствует об укорененности и региональной идентификации.

7. Половозрастные, гендерные, а также образовательные и социально-экономические характеристики – это универсальные параметры в методологии опроса, их представленность в «вопроснике» позволила составить социокультурный портрет шорцев: определить пол, возраст, уровень образования и социального благополучия представителей этнокультурных групп, а также зафиксировать общее социально-экономическое состояние представителей шорской этнокультурной группы.

8. Результаты опроса должны быть валидными, что определяется по уровню доверительного интервала не более чем 2,5 % от генеральной совокупности, состоящей в соотнесенности величины выборки и ее объема [29, с. 52]. То есть тип погрешности в 2,5 % допустим при обработке результатов. Особенно важно было учитывать этот фактор при выборе типа опроса. Количество респондентов было достаточным для получения массива статических данных, обеспечивающих условия проведения факторного анализа и определения структуры взаимосвязи переменных.

9. Анкетирование было произведено в ограниченные сроки, для того чтобы зафиксировать актуальное контекстное содержание изучаемого феномена.

10. Форма анкеты включала тему опросника, введение, блок основных и дополнительных (универсальных переменных) вопросов, заключение.

Обоснование методики факторного анализа к проведению эмпирического культурного исследования этнокультурной динамики коренных малочисленных народов Енисейской Сибири. В современной социологии специфика этнокультурной динамики изучается с точки зрения «внешних» факторов: как процесс и результат социальных взаимодействий [1]. Среди наиболее распространенных способов использования статистических методов для обработки эмпирических данных, наряду с общей линейной и нелинейной моделями, является факторный анализ, который применяется современными учеными при изучении этнокультурной динамики. Использование факторного метода помогает определить структуру переменных этнокультурной динамики и классифицировать их.

Для получения количественных данных по вопросам изменения этнокультурной динамики сбор информации будет осуществляться в процессе проведения полевых исследований посредством заполнения стандартизированных анкет. Далее к анализу количественных данных будет применен факторный анализ, который позволит осуществить их минимизацию посредством выделения вопросов с наибольшей дисперсией.

В качестве метода факторного анализа будет использован метод главных компонент (РСА), позволяющий по результатам анализа выявить информативные факторы (главные компоненты), покрывающие 70 % дисперсии исходных данных. Для интерпретации факторов оценивается весомость каждого вопроса по значениям собственных векторов в матрице поворота. Для визуализации результатов факторного анализа будут построены графики в системе координат, образованных выделенными факторами. Расчеты проведены в программе R версии 4.1.0, визуализация осуществляется с помощью графического пакета ggplot2 версии 3.3.5.

Полевые исследования проводились на территории Аскизского района Республики Хакасия (село Балыкса, поселок Неожиданный, деревня Николаевка) в период с 5 июля по 10 июля 2021 г. Перечисленные населенные пункты входят в состав Балыксинского сельсовета (административный центр – село Балыкса) Аскизского района Республики Хакасия.

Обработка результатов полевых исследования с помощью статических методов. В результате применения метода главных компонент факторного анализа данных, полученных методом анкетирования во время полевых исследований, были выявлены информативные факторы, то есть главные компоненты. Они покрывают 70 % дисперсии исходных данных (представлены ниже в формате – таблица, рис. 1–4).

Таблица

Таблица корреляционных значений главных компонент современной культуры коренных малочисленных народов Республики Хакасия (шорцы)

	Шорцы							
Вопрос	PC1 20.36%	PC2 11.77%	PC3 7.304%	PC4 7.011%	PC5 6.357%	PC6 5.878%	PC7 4.974%	PC8 4.697%
X1	-0,04	0,39	-0,08	0,17	-0,21	0,19	-0,05	0,22
X2	0,12	-0,20	0,14	-0,18	0,05	-0,28	0,19	0,29
X3	-0,13	0,36	-0,09	0,07	-0,03	0,19	-0,10	-0,06
X4	-0,02	0,34	0,34	-0,04	0,06	0,10	-0,05	-0,03
X5	-0,10	0,24	-0,07	0,05	-0,33	0,20	0,05	0,05
X6	-0,09	0,26	0,39	0,05	0,22	0,06	0,24	0,09
X7	0,33	0,00	0,20	0,08	-0,19	0,13	-0,07	0,05
X8	0,33	-0,09	0,08	0,13	-0,10	0,03	-0,20	0,15
X9	0,32	0,09	0,22	-0,04	0,02	-0,12	0,03	-0,17
X10	0,33	-0,08	0,02	-0,09	-0,07	0,25	-0,09	0,08
X11	0,32	-0,03	0,29	0,00	0,01	0,12	-0,02	0,07
X12	0,26	0,01	-0,15	0,25	0,22	0,00	0,25	-0,07
X13	0,21	0,12	-0,15	0,24	-0,09	-0,10	0,28	-0,14
X14	0,17	0,27	-0,15	-0,17	-0,07	0,03	0,29	-0,09
X15	0,09	-0,03	-0,11	0,14	-0,15	-0,21	0,31	0,48
X16	0,30	0,19	0,02	0,07	0,07	-0,28	0,00	-0,14
X17	-0,11	-0,20	0,13	0,08	-0,33	0,08	-0,19	-0,10
X18	0,01	-0,09	0,25	0,12	-0,10	0,30	0,47	-0,26
X19	-0,16	-0,25	0,09	-0,19	-0,04	0,33	0,30	0,02
X20	-0,08	-0,25	0,05	0,43	0,14	0,18	0,11	0,00
X21	0,08	-0,20	-0,07	-0,16	-0,28	0,12	0,09	-0,31
X22	-0,02	0,00	0,13	0,35	-0,43	-0,16	-0,15	0,07
X24	-0,07	0,10	0,15	-0,39	-0,28	-0,05	0,21	0,37
X25	-0,09	-0,10	0,23	-0,07	-0,31	-0,39	0,01	-0,28
X26	0,21	0,06	-0,20	-0,37	0,04	0,10	-0,09	-0,09
X27	-0,15	0,22	0,04	-0,05	-0,10	-0,29	0,16	-0,31
X28	-0,10	-0,07	-0,30	0,15	-0,09	-0,11	0,23	0,05
X29	0,22	-0,01	-0,34	-0,10	-0,23	0,12	0,04	-0,07

В один фактор определяются те переменные, которые наиболее коррелируют между собой, тем самым актуализируются признаки. После формирования строк повернутой факторной матрицы анализ включает в себя отбор по-

казателей для осуществления дальнейшей интерпретации. Для этого в границах каждого фактора были отмечены те показатели, которые имеют наибольшее абсолютное значение [28]. Помимо наибольших результатов в строке факторной матрицы отбирались приближенные к ним, так как это позволяет более достоверно проинтерпретировать фактор.

В случае заявленного исследования таким образом были определены те вопросы анкеты, на которые большая часть респондентов ответила схожим образом. Подобные эмпирические показатели в рамках факторного анализа считаются производными других, более глубинных, скрытых от измерения процессов или характеристик.

Так, в результате анализа анкет опрошенных среди представителей шорской этнокультурной группы были определены восемь факторов.

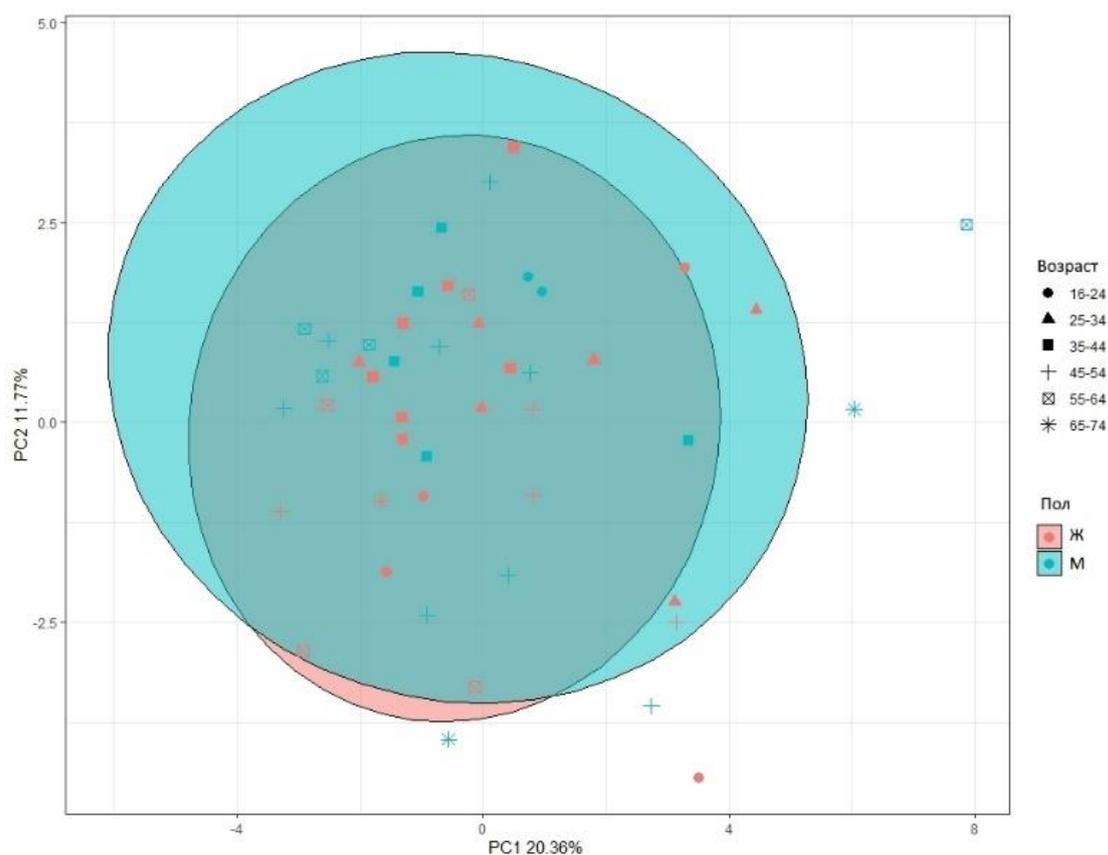

Рис. 1. Сопряжение переменных и коэффициентов их корреляций по возрастному признаку участников

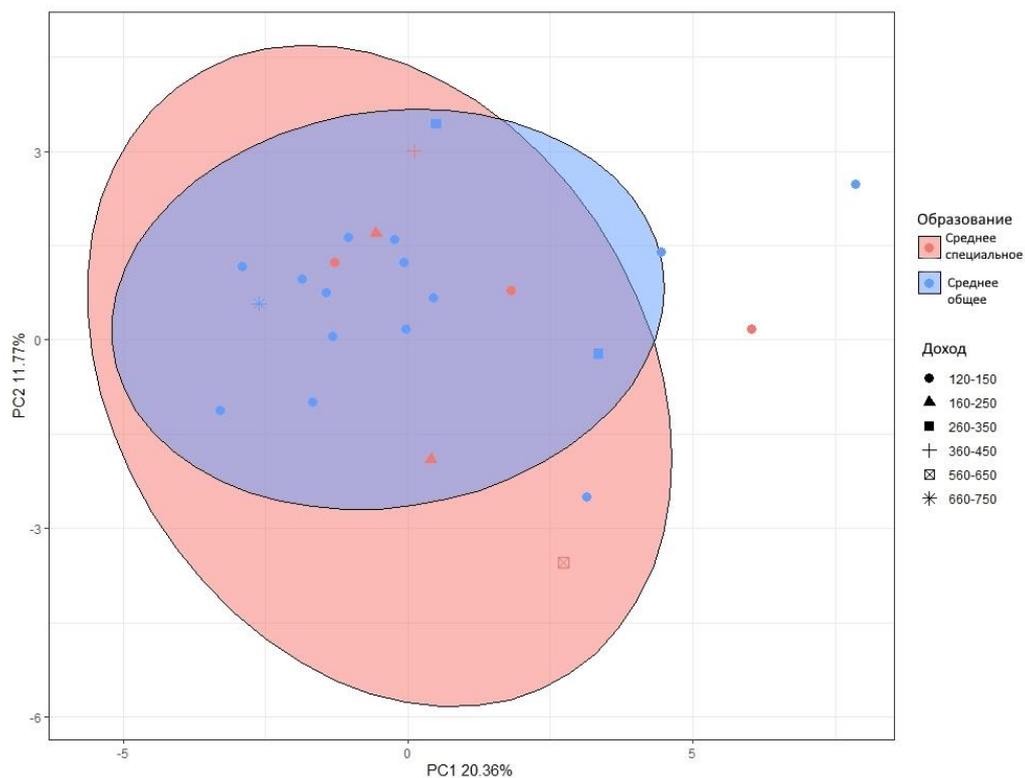

Рис. 2. Сопряжение переменных и коэффициентов их корреляций по уровням образования участников

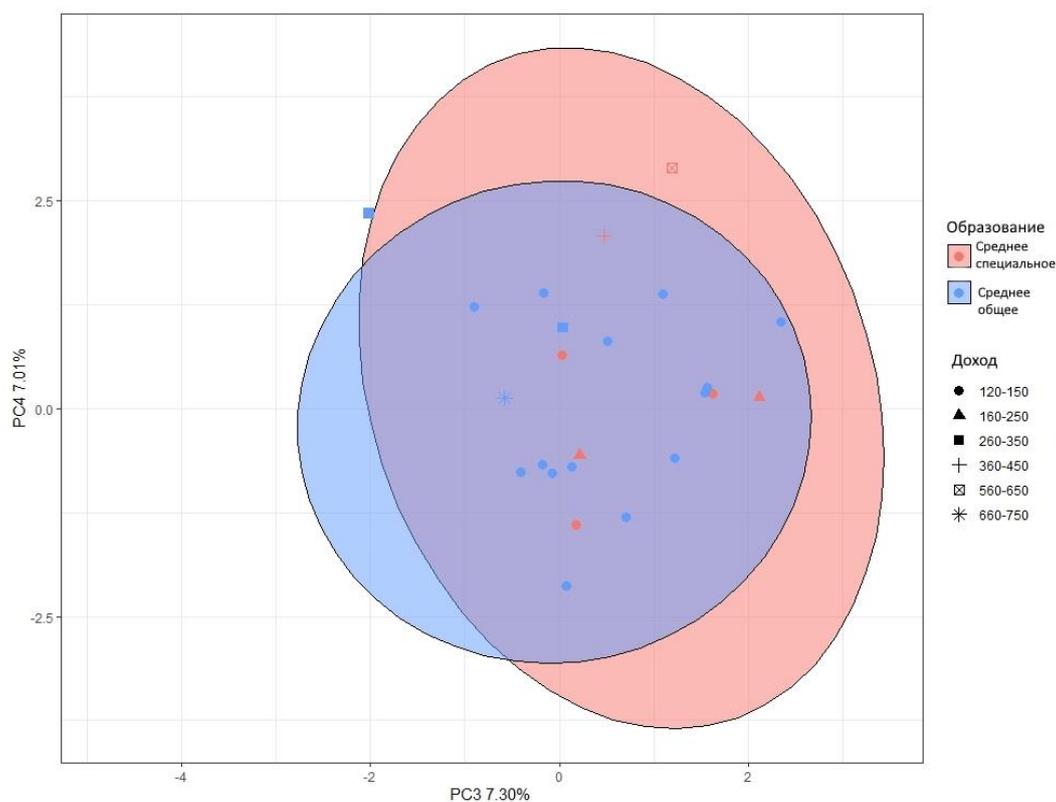

Рис. 3. Сопряжение переменных и коэффициентов их корреляций по социально-экономическому уровню участников

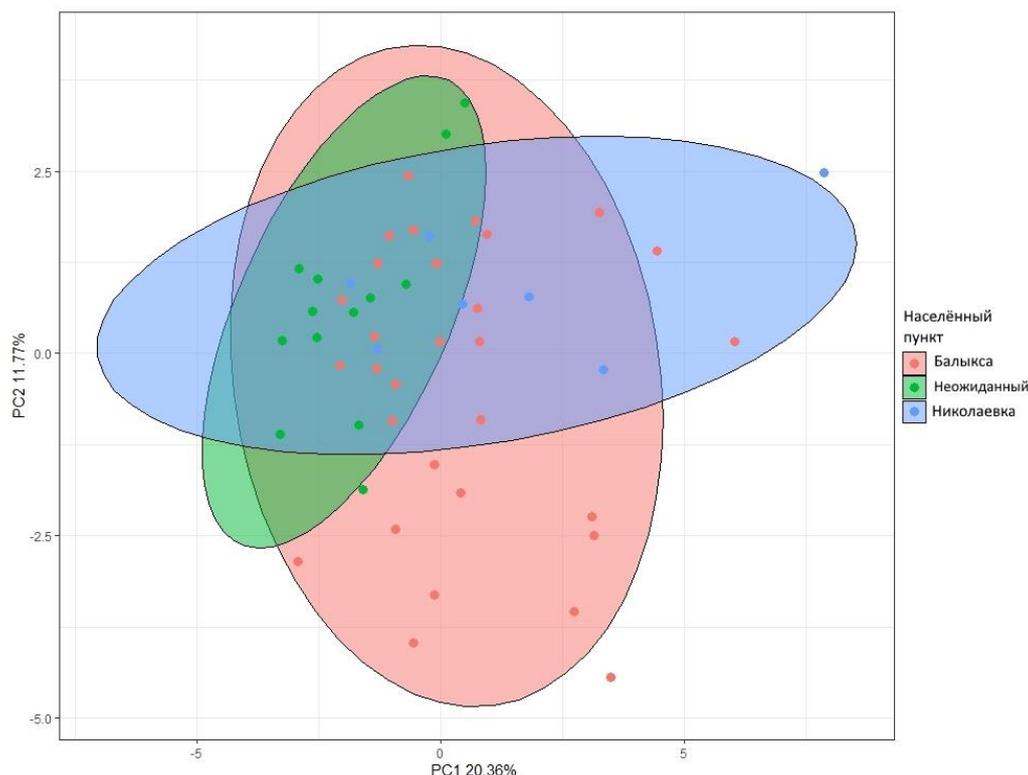

Рис. 4. Сопряжение переменных и коэффициентов их корреляций по отдельным населенным пунктам Аскизского района Республики Хакасия

Факторный анализ анкет в среде этнокультурной группы шорцы. В результате анализа были определены восемь факторов. Методология интерпретации та же, что и в случае с анкетами кетов: отбор основных вопросов анкеты, ответы на которые показали большую корреляцию, дополнительные вопросы, если их показатели приближены к основным, наименование и интерпретация фактора.

Фактор 1

Вопрос 7. Насколько верно, что в Хакасии с 2001 г. улучшилось благоустройство жизни в поселках, максимально приблизившись по комфорту к современным городам и поселениям?

Вопрос 8. Насколько верно, что в Хакасии с 2001 г. улучшилось количество и качество дорог и что проблема удобных дорог близка к окончательному и положительному решению?

Вопрос 9. Насколько верно утверждение, что в Хакасии с 2001 г. улучшилось качество авиационного сообщения «с материком» и что проблема транспортной доступности близка к положительному решению?

Вопрос 10. Насколько верно утверждение, что в Хакасии с 2001 г. улучшилось продуктивное снабжение поселков и что качество продуктов питания достаточно высокое?

Вопрос 11. Насколько верно утверждение, что в Хакасии с 2001 г. ведется интенсивное строительство новых жилых домов и скоро жилищная проблема будет окончательно решена?

Вопрос 16. Насколько развита существующая медицинская инфраструктура – поликлиники, больницы, качественное медицинское оборудование – в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов?

Наименование и интерпретация фактора: устремленность к улучшению качества жизни на отдаленной территории проживания. Вопросы анкеты, получившие большую корреляцию, показывают, что шорцы ориентированы на получение и пользование услугами в социальной сфере на более высоком уровне, нежели наблюдается сейчас на территории проживания, что позволит быть более интегрированными, а не обособленными.

Фактор 2

1. Как вы относитесь к утверждению о том, что именно традиционные промыслы – оленеводство, рыбная ловля, охота – являются основным видом деятельности, которым должны заниматься коренные народы как в настоящее время, так и в будущем?

3. Как вы относитесь к утверждению о том, что самый перспективный путь развития для коренных малочисленных народов – это получение качественного высшего образования?

4. Как вы относитесь к утверждению о том, что самый перспективный путь развития для коренных малочисленных народов – это получение рабочих мест в крупных промышленных компаниях, производящих добычу полезных ископаемых на территории традиционного проживания коренных народов?

Дополнительные вопросы:

6. Как вы относитесь к утверждению о том, что для развития коренных малочисленных народов Енисейской Сибири наиболее благоприятным является получение высшего бизнес-образования или инженерного образования для работы на крупных промышленных предприятиях по добыче полезных ископаемых?

14. Насколько верно утверждать, что социальная инфраструктура в Хакасии совершенно не изменилась в течение последних 20 лет и что ее качество является невысоким?

Наименование и интерпретация фактора: ориентированность на повышение статуса, качества жизни. Наблюдается стремление людей пользоваться более высоким качеством социальных, муниципальных служб.

Фактор 3

6. Как вы относитесь к утверждению о том, что для развития коренных малочисленных народов Енисейской Сибири наиболее благоприятным является получение высшего бизнес-образования или инженерного образования для работы на крупных промышленных предприятиях по добыче полезных ископаемых?

Дополнительные вопросы:

4. Как вы относитесь к утверждению о том, что самый перспективный путь развития для коренных малочисленных народов – это получение рабочих мест в крупных промышленных компаниях, производящих добычу полезных ископаемых на территории традиционного проживания коренных народов?

11. Насколько верно утверждение, что в Хакасии с 2001 г. ведется интенсивное строительство новых жилых домов и скоро жилищная проблема будет окончательно решена?

18. Доступна ли вам и другим жителям Хакасии медицинская помощь по интернету?

Наименование интерпретация фактора: ценность комфортной жизни на территории проживания. Вопросы, вызвавшие наибольшую корреляцию, показывают важность и значимость улучшения качества жизни.

Фактор 4

Вопрос 20. Какова доля абитуриентов-старшеклассников из числа коренных малочисленных народов имеет возможность получить высшее образование, на ваш взгляд / судя по вашему опыту?

Дополнительные вопросы:

22. Имеете ли вы возможность получать образование дистанционно по интернету?

12. Насколько верно утверждение, что в Хакасии с 2001 г. были построены новые больницы и проблема охраны здоровья в целом решается положительно?

13. Насколько верно утверждение, что за последние 20 лет в Хакасии были построены новые школы, соответствующие современным потребностям в качестве школьной инфраструктуры?

Наименование и интерпретация фактора: состояние и доступность получения образования. Получение высшего образования и доступность школьного воспринимается как один из способов повысить статус и качество жизни, но для этого необходимы качественные положительные изменения в условиях получения образования.

Фактор 5

6. Как вы относитесь к утверждению о том, что для развития коренных малочисленных народов Енисейской Сибири наиболее благоприятным является получение высшего бизнес-образования или инженерного образования для работы на крупных промышленных предприятиях по добыче полезных ископаемых?

12. Насколько верно утверждение, что в Хакасии с 2001 г. были построены новые больницы и проблема охраны здоровья в целом решается положительно?

Дополнительные вопросы:

20. Какова доля абитуриентов-старшеклассников из числа коренных малочисленных народов имеет возможность получить высшее образование, на ваш взгляд / судя по вашему опыту?

Наименование фактора: взаимосвязь между развитием социальной сферы и изменением качества жизни. Пути улучшения развития социальной сферы, вызывающие наибольший интерес респондентов, – медицина, образование, трудоустройство. Также отмечается определенная сфера, в которой представители шорской этнокультурной группы могли бы себя реализовать.

Фактор 6

Вопрос 19. Довольны ли вы качеством школьного образования в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов?

Дополнительные вопросы:

18. Доступна ли вам и другим жителям Хакасии медицинская помощь по интернету?

10. Насколько верно утверждение, что в Хакасии с 2001 г. улучшилось продуктивное снабжение поселков и что качество продуктов питания достаточно высокое?

Наименование и интерпретация фактора: доступность и ценность качественных социальных услуг в местах традиционного проживания. Особенность территории компактного проживания шорцев – удаленность, отсутствие развитой, в том числе дорожной, инфраструктуры имеет большое зна-

чение в обеспечении качественными социальными услугами. Можно отметить устремленность к повышению социального статуса как залога высокого качества жизни.

Фактор 7

Вопрос 18. Доступна ли вам и другим жителям Хакасии медицинская помощь по ИНТЕРНЕТУ?

Дополнительные вопросы:

19. Довольны ли вы качеством школьного образования в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов.

14. Насколько верно утверждать, что социальная инфраструктура в Хакасии совершенно не изменилась в течение последних 20 лет и что ее качество является невысоким?

13. Насколько верно утверждение, что за последние 20 лет в Хакасии были построены новые школы, соответствующие современным потребностям в качестве школьной инфраструктуры?

Наименование и интерпретация фактора: динамика развития региона. Шорцы ожидают изменений и желают родной земле других условий, чтобы не наблюдалась стагнация.

Фактор 8

Вопрос 15. Как изменилась ситуация в области здравоохранения коренных малочисленных народов в XXI в.?

Дополнительные вопросы:

24. Какие современные методы сохранения шорского языка, с которыми вы сталкивались на собственном опыте, используются в Хакасии?

2. Какова доля коренных жителей Хакасии, вовлеченных в работу на промышленных предприятиях по добыче полезных ископаемых, на ваш взгляд?

1. Как вы относитесь к утверждению о том, что именно традиционные промыслы – оленеводство, рыбная ловля, охота – являются основным видом деятельности, которым должны заниматься коренные народы как в настоящее время, так и в будущем?

Наименование и интерпретация фактора: роль, состояние традиционного образа жизни и интегрированность в современное общество. Фактор фиксирует два понятия, в рамках которых развивается этнос, – современность и традиционность. Также отмечается наиболее распространенная сфера занятости шорцев и методы сохранения этнокультурного наследия.

Интерпретация результатов факторного анализа показала, что более информативными и неизменными признаками в рассмотрении этнокультурной динамики шорцев, проживающих на территории Енисейской Сибири, являются: перспективность развития региона, устремленность к улучшению образа жизни и повышению социального статуса. Данные качества тесно сплетены в этносознании группы шорцев.

Выявленные факторы свидетельствуют о том, что именно эти свойства определяют этнос. Ответы респондентов, обработанные методом главных компонент (РСА), указали на желание представителей этноса развивать территорию традиционного проживания, достигнуть высокого качества жизни и высокого социального статуса среди представителей других народов. Жизнь «перспективой на будущее» во многом раскрывает изменения, происходящие с этносом шорцев в регионе.

В целом результаты факторного анализа обеих этнокультурных групп показали общие черты положения этносов. Для них имеет значения жить на земле предков, важна связь с родной землей, в том числе и непосредственная – через традиционные формы хозяйствования. В то же время присуще осознание ценности высокого социального статуса, перспектив, которые открывает образование. Осознание того, что высокий социальный статус позволяет повысить качество жизни. Также важно отметить, что условия проживания и территории в целом активно влияют на уровень доступности социальных благ. Наблюдается стремление к интегрированности в современное общество и трансформацию социальных условий в связи с удаленностью регионов – доступность медицины по интернету, возможность ведения традиционного образа жизни и получения образования в онлайн-среде и т. д.

Если рассматривать данные характеристики как факторы этнокультурной динамики, можно говорить об открытости кетов, шорцев к развитию, но при сохранении определенной фундаментальной традиционности.

Список литературы

1. Hedges L. V., Olkin I. *Statistical methods for meta-analysis*. NY: Academic press, 2014 (1st ed. 1985). 369 p.
2. Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Д. С. Пчелкина [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 3. С. 8–25. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-8-25.

3. Балыкса. Официальный сайт «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org>.
4. Березюк С. В. Стилевые особенности музыкального фольклора эвенков // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 2. С. 32–40.
5. Верхотурова Н. В. Анализ научных трудов по теме «Общероссийская гражданская идентичность» за 2004–2019 гг. // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 50–57.
6. Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 416 с.
7. Дегтяренко К. А. Культурная память и конструирование этнокультурной идентичности коренных народов: концептуальные основания исследования // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 31–37.
8. Дегтяренко К. А., Середкина Н. Н., Шпак А. А. Историография исследований этнокультурной динамики в Республике Хакасия // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 782–796.
9. Замараева Ю. С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 36–67.
10. Религиозные воззрения коренных народов Таймыра / А. В. Кистова [и др.] // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3, № 3. С. 48–62.
11. Колесник М. А., Смолина М. Г. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2, № 4. С. 41–53.
12. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.
13. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) / Н. П. Копцева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
14. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.
15. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 184 с.
16. Лещинская Н. М. Аналитический обзор научно-исследовательской литературы по проблемам типов и механизмов идентификации и самоидентификации // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 35–59.
17. Лещинская Н. М., Резникова К. В. Современные исследования этнической идентичности в культурной антропологии (период конца 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.) // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 35–49.
18. Лещинская Н. М., Сертакова Е. А., Пашова Э. В. Традиционная экономика коренных народов Северной Азии, проживающих в зонах с экстремальным климатом // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 1 (3). С. 20–29. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29.
19. Пашова Э. В. Мировые тенденции и практики взаимодействия с коренными народами в области образования // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 1. С. 112–126. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-1-112-126.

20. Резникова К. В. Аналитический обзор культурно-антропологической литературы по проблематике существования и трансформации этнических культурных популяций // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 7–34.
21. Резникова К. В., Середкина Н. Н., Замараева Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 23–41.
22. Сертакова Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 18–35.
23. Ситникова А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы // Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2, № 2. С. 6–17.
24. Филько А. И. Формирование социальных связей у дисперсно проживающих этнических групп // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 1. С. 38–47.
25. Шпак А. А. Исследования сложной этнической идентичности в Красноярском крае // Социология искусственного интеллекта. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–64.
26. Шпак А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. 2020. С. 68–73.
27. Шпак А. А., Пчелкина Д. С. Формирование сложных идентичностей и процессы этнической самоидентификации (на материале анализа регионов Сибирского федерального округа) // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 2 (6). С. 86–96. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-86-96.
28. Электронный учебник по статистике StatSoft. Главные компоненты и факторный анализ. URL: <http://www.statsoft.ru/home/textbook/modules/stfacan.htm>
29. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972. 328 с.
30. Nevolko N. N. The historiographical review of the scientific literature of the late XIX to the first decade of the XXI century concerning the problem of ethnic identification of the Khakass ethnos // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. Vol. 4 (6). P. 823–836.
31. Religion of the Evenki: history and modern times / Yu. S. Zamaraeva, V. S. Luzan, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12 (5). P. 853–871. DOI: 10.17516/1997–1370–0428.

УДК 68:30

Т. К. Ермаков

*Исследователь по направлению «Теория и история культуры (культурология)»
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕХНИКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена обзору различных теоретико-методологических концепций, возникших в области исследований техники с начала XX в. Рассматриваются отдельные работы в области философии техники, дается общая характеристика линейных моделей развития техники (Science Push и Market Push), интерактивных моделей (National Innovation System, Regional Innovation System, Sectoral Innovation System, Technology Innovation System), а также основных подходов, возникших в рамках Science and Technology Studies (Social Construction of Technology, Actor-Network Theory) и System Innovations (Multi Level Perspective). В результате проведенного обзора делается вывод о том, что, несмотря на различия в методологии исследования, данные подходы объединяют следующие положения: 1) ориентация на процессы, связанные с возникновением новых технических устройств; 2) постепенный перенос фокуса интереса с непосредственно технических устройств на человека и социум; 3) особое внимание к практикам использования техники и механизмам их формирования. Таким образом, оказывается возможным совмещение нескольких концепций в рамках одного исследования, что позволяет получать комплексные описания как принципов исторического развития технических устройств, так и современных практик использования технических устройств и их места в обществе.

Ключевые слова: Science and Technology Studies, философия техники, исследования техники, методология исследований.

The article is devoted to an overview of various theoretical and methodological concepts that have arisen in the field of technology research since the beginning of the 20th century. Individual works in the field of philosophy of technology are considered, a general description is given of linear models of technology development (Science Push and Market Push), interactive models (National Innovation System, Regional Innovation System, Sectoral Innovation System, Technology Innovation System), as well as the main approaches that have arisen in within Science and Technology Studies (Social Construction of Technology, Actor-Network Theory) and System Innovations (Multi Level Perspective). As a result of the review, it is concluded that, despite the differences in the research methodology, these approaches combine the following provisions: 1. Focus on the processes associated with the

emergence of new technical devices; 2. Gradual transfer of the focus of interest from directly technical devices to the individual and society; 3. Particular attention to the practices of using technology and the mechanisms of their formation. Thus, it is possible to combine several concepts within a single study, which makes it possible to obtain comprehensive descriptions of both the principles of the historical development of technical devices and modern practices of using technical devices and their place in society.

Keywords: Science and Technology Studies, philosophy of technology, technology research, research methodology.

Исследования техники в гуманитарных науках являются относительно молодой дисциплиной, формирование которой традиционно связывается с развитием философии техники на рубеже XIX–XX вв. [1]. Так, первым исследователем, целенаправленно разрабатывающим вопросы, связанные со взаимодействием техники и человека, считается Эрнст Капп, основные положения антропологической теории которого сформулированы им в работе «Основные направления философии техники» (1877 г.). Первая половина XX в. была ознаменована появлением и развитием множества концепций философии техники, которые предлагались как исследователями, специально занимавшимися техникой (философия «действия» Альфреда Эспинаса, попытки осмыслить процесс изобретения нового устройства в трудах Петра Климентьевича Энгельмейера), так и возникали в контексте более крупных философских построений (франкфуртская школа или экзистенциальная философия Хайдеггера могут послужить тому примером) [2].

Тем не менее к концу 1940-х гг. возникает потребность в осмыслении техники не только инструментами философского, но и строгого научного метода [3]. Отчасти это связано с необходимостью управлять механизмом инновационного развития, которое в условиях резкого развития новых технических устройств становится одним из важнейших секторов экономики. Отталкиваясь от этого запроса, начинают складываться первые собственно научные модели развития техники, представленные так называемыми линейными моделями развития в двух вариантах: Science Push и Market Push [4; 5].

Модель «научного толчка» хронологически возникает раньше и имеет своим истоком исследования, касавшиеся общих вопросов взаимоотношения между фундаментальной и прикладной науками, которые понимались как простая причинно-следственная линия от открытия в фундаментальной области к его практической реализации в виде того или иного устройства / прикладной модели. В 1940-е гг. данная модель была адаптирована для проблемы

появления новых технических устройств [3; 6], в результате складывается несколько вариантов линейной модели, в которой представлены различные этапы, прохождение которых обеспечивает создание нового устройства (наиболее распространенной является модель, состоящая из пяти этапов: 1) фундаментальное исследование; 2) инженерия; 3) производство; 4) маркетинг; 5) продажи). Следует понимать, что основная задача данной модели сугубо прикладная, она необходима, для того чтобы обозначить критические точки, финансовая поддержка которых будет способствовать росту числа новых устройств, появляющихся на рынке.

К середине 1960-х гг. накапливается материал, показывающий, что модель «научного толчка» не совсем вяжется с действительностью [7; 8]. В первую очередь из-за того, что активное развитие первых секторов приводит к тому, что новые устройства пусть и появляются чаще, но не пользуются спросом со стороны потребителей, из-за чего финансовые вложения не окупаются. Именно для разрешения данной проблемы и возникает модель «рыночного толчка», согласно которой новые устройства появляются не столько в результате естественного стремления адаптировать открытия в фундаментальной науке в форме создания новых устройств прикладного значения, сколько в результате запроса со стороны конечного потребителя, который запускает определенные механизмы в производственном секторе, из-за чего и возникает новое устройство («рыночный толчок» в своем классическом виде подразумевал четыре этапа: 1) потребности рынка; 2) разработка; 3) производство; 4) продажи).

В 1970-х гг. на смену линейным моделям приходят так называемые интерактивные модели. Их появление было весьма ожидаемым, поскольку линейные модели к этому времени уже пребывали в глубоком кризисе (по мнению некоторых исследователей, кризисное состояние этих подходов вообще является их естественной формой, поскольку с самого начала своего существования они воспринимались лишь как временная мера, так как всем была очевиден редукционизм этих моделей [9]). Первая интерактивная модель сводилась к синтезу предшествующих линейных моделей, в результате чего принцип появления нового технического устройства сводился все к тем же последовательным этапам, но подразумевалось, что стартовой точкой может быть как открытие в области фундаментальных наук, так и запрос со стороны рынка. В результате связи между элементами становились более правдоподобными, хотя и сохраняли определенную линейность.

Основным же отличием интерактивных моделей от их предшественников становится смещение интереса их прикладного применения. Если до этого принципиальным являлся вопрос о секторе, с которого начинается процесс формирования нового технического устройства, то теперь общепринятым становится положение о том, что этих центров множество, а основной вопрос заключается в том, на каком из уровней эти центры более гибкие и обладают большим потенциалом для формирования нового технического устройства. Именно в этом ключе в 1980-е и 1990-е гг. работали модели «Национальных инновационных систем» [10–12], «Региональных инновационных систем» [13; 14] и «Секторальных инновационных систем» [15] (National Innovation System, Regional Innovation System и Sectoral Innovation System). Каждая из них выбирала в качестве основного инициатора разработки новой технологии страну вообще, отдельный локальный регион этой страны или определенный сектор экономики.

Наиболее важной из интерактивных систем становится модель «Технологических инновационных систем» [16] (Technological Innovation System), главным нововведением которой является представление о роли индивида в формировании технического устройства и практик обращения с ним. Теперь инициатором выступает не абстрактный социальный институт того или иного масштаба, но отдельный человек, вынужденный затем действовать в рамках той или иной структуры. Вероятно, можно говорить о том, что в рамках TIS происходит «открытие» роли индивидуального в процессе формирования техники, которое затем было подхвачено и использовано моделями, сформировавшимися в рамках исследований науки и техники в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Среди STS моделей наибольшую известность получила модель «социального конструирования технологии» [17] (Social Construction of Technology), оформившаяся в работах для SCOT (характерно обращение именно к социальным факторам, влияющим на формирование инновационного устройства). Общество выступает здесь своеобразным заказчиком, под требования которого и подстраиваются оставшиеся институты, занятые в непосредственном производстве готовой продукции. Особенностью данной модели является представление о самом обществе как о чем-то дифференцированном, состоящем из множества отдельных группировок, заинтересованных в том, чтобы конечный продукт выглядел определенным образом. Также стоит отметить, что в отличие от предшественников SCOT является именно научной моде-

лью, основной задачей которой становится поиск механизма конструирования технического устройства и принятия его обществом, а не определение наиболее оптимальной стратегии управления высокотехнологичным сектором экономики.

Опираясь на различные исторические примеры, в рамках SCOT была предложена методологическая модель исследования механизма формирования технического устройства. Эта модель отражает не только научный инструмент, но и реальную последовательность событий, которая всякий раз повторяется в ходе формирования нового устройства.

1. Деконструкция объекта – существующие аналоги устройства перестают соответствовать запросам общества. Формируются различные релевантные группы, отличающиеся друг от друга конкретной причиной неудовлетворенности существующим техническим устройством.

2. Социальное конструирование артефакта – в результате недовольства общественных групп, возникает множество новых устройств, являющихся альтернативой уже существующему, но лишенных его недостатков. Из этого множества общество выбирает ту новинку, которая сможет удовлетворить наибольшее число потребителей.

3. Вписывание в глобальный контекст — место данного перехода в общеисторическом контексте (влияние нового устройства на другие сферы общественной жизни, которые не были непосредственно задействованы в процессе создания и отбора новых объектов).

Также к концу 1980-х гг. формируется и акторно-сетевая теория Бруно Латура [18–20]. Данная концепция претендует на более общую роль в социальных науках, нежели только лишь исследования техники, тем не менее основные ее идеи оказались применимы именно для исследований техники. В первую очередь это представление о технических устройствах как «нечеловеческих» акторах, участвующих в процессе передачи взаимодействия от одного актора к другому и способных видоизменять сам характер передаваемого через них взаимодействия.

К концу 1990-х гг. на стыке прикладных интерактивных моделей и сугубо научных теорий STS возникает ряд концепций, обычно объединяемых под общим названием System Innovation. Объединение это весьма условно, поскольку включает в себя концепции различного толка, сходных лишь в том, что они предлагают рамку, которая позволяет одновременно и вести исключительно научные исследования процессов, связанных со взаимодействием

между техникой и обществом, и предлагать конкретные управленческие решения для повышения эффективности инновационного сектора. Одной из самых известных моделей данной группы является «Многоуровневая модель» [21–23] (Multi Level Perspective), предлагающая сложную схему взаимодействия разномасштабных систем из технологических устройств, используемых обществом. Эти системы обладают разной инерцией по отношению к новому, при этом изменения в одной из них могут привести к серьезным сдвигам в системе другого масштаба.

В результате можно говорить о том, что, несмотря на свою, казалось бы, непродолжительную историю, исследования техники как гуманитарная дисциплина существуют в виде совокупности целого ряда подходов, в которых можно обнаружить целый ряд общих черт.

1. Гуманитарные исследования техники в первую очередь обращаются к переходным точкам, которыми являются или моменты появления нового технического устройства, или случаи, когда необходимо видоизменение старого (последнее особенно характерно для акторно-сетевого подхода и SCOT). Связано это, вероятно, с тем, что именно в эти моменты наиболее ярко проявляют себя механизмы взаимодействия между человеком и техникой, которые и являются основным интересом исследования техники.

2. Гуманитарные исследования техники постепенно перенесли свой фокус с собственно техники на человека. Если первые (особенно философские) построения интересовала техника и ее влияние на жизнь человека, то в современном дискурсе все больше внимания уделяется влиянию человека на техническую систему, окружающую его, а в случае смещения интереса к собственно техническому устройству, оно рассматривается с использованием тех методологических и теоретических посылок, которые были больше характерны для социальных исследований.

3. Наконец, гуманитарные исследования техники проявляют особый интерес к практикам обращения с техническими устройствами и тому, как именно эти практики формируются. В сущности, только самые ранние модели игнорировали практику использования устройства, предполагая, что она сложится сама собой при наличии технического устройства. Более поздние модели же, напротив, обращаются, скорее к схеме, в которой практика использования заранее предзадает форму технического устройства.

Таким образом, гуманитарные исследования техники в современном контексте располагают широким спектром различных методологических и теоре-

тических подходов к изучению и объяснению процессов, происходящих с техническими системами, сосуществующими с обществом. Подобная многоаспектность позволяет исследователю рассматривать одни и те же события, связанные, например, со сменой технической парадигмы с помощью различных методов, что дает возможность лучше понять место того или иного устройства в обществе как в исторической перспективе, так и с точки зрения современного состояния социальной структуры.

Список литературы

1. Земнухова Л. В. Социальные исследования технологий: эволюция и взаимодействие подходов // Экономическая социология. 2018. Т. 19, № 5. С. 113–124.
2. Терешкун О. Ф. Философия техники в контексте классической методологии науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2013. № 4. С. 107–111.
3. Mees C. E. K., Leermakers J. A. The Organization of Industrial Scientific Research. N.Y.: McGraw-Hill, 1950. 325 p.
4. Godin B. The linear model of innovation: The Historical construction of an analytical framework // Project on the History and Sociology of S&T Statistics. 2005. Vol. 30. P. 2–36.
5. Godin B., Lane J. P. Pushes and pulls: Hi(S)tory of the demand-pull model of innovation // Science, Technology & Human. 2013. Vol. 38-5. P. 621–654.
6. Furnas C. C. Research in industry: Its organization and management // D. Van Nostrand. 1947. P. 71–89.
7. Freeman C. The determinants of innovation: Market demand, technology, and the response to social problems // Futures. 1979. Vol. 11-3. P. 206–215.
8. Kamien M. I., Schwartz N. L. Market structure and innovation: A survey // Journal of Economic Literature. 1975. Vol. 13-1. P. 1–37.
9. Edgerton D. The Linear Model did not Exist // The Science-Industry Nexus: History, Policy. Implications, Sagamore Beach: Science History Publications, 2004. P. 31–57.
10. Archibugi D., Michie J. Technological globalisation or national systems of innovation? // Futures. 1997. Vol. 29-2. P. 121–137.
11. Nelson R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis. New York: Oxford University Press, 1993.
12. Niosi J. National systems of innovation: In search of a workable concept // Technology in Society. 1993. Vol. 15-2. P. 207–227.
13. Acs Z. Regional Innovation, Knowledge and Global Change. London: Cassell, 1999.
14. Baraczyk H., Cooke P. Regional Innovation Systems. London: University of London Press, 1996.
15. Breschi S., Malerba F. Sectoral innovation systems // Systems of Innovation: Technologies. Organisations and Institutions. 1997. P. 130–156.
16. Flichy P. Understanding Technological Innovation. A Socio-Technical Approach. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2007.

17. Bijker W. B., Hughes T. P, Pinch T. J. The Social Construction of Technological Systems: New Direction in the Sociology and History of Technology. London: The MIT Press, 1987. 405 p.
18. Laet de M., Mol A. Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology // Social Studies of Science. 2000. Vol. 30-2. P. 225–263.
19. Latour B. Berlin Key or How to Do Words with Things // Matter, Materiality and Modern Culture. 1991.
20. Latour B. Technology is society made durable // (?). 1991. P. 103–131.
21. Geels F. W. From sectoral systems of innovation to socio-technical systems: Insights about dynamics and change from sociology and institutional theory // Research Policy. 2004. Vol. 33. P. 897–920.
22. Geels F. W. Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: A multi-level perspective and a case-study // Research Policy. 2002. Vol. 31-8. P. 1257–1274.
23. Kemp R. Technology and the transition to environmental sustainability: The problem of technological regime shifts // Futures. 1994. Vol. 26-10. P. 1023–1046.

СЕКЦИЯ 4

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 323.28(47+57)

Ю. В. Попова

*Старший преподаватель Института педагогики, психологии и социологии
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

МЕДИАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА

В статье рассматривается ответ на новые вызовы времени в системе образования. В связи с повышенным уровнем конфликтности межэтнического взаимодействия, в том числе в цифровом пространстве, работники системы образования осваивают новые эффективные способы предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций. В течение четырех лет проводилось исследование педагогических условий формирования медиативной компетентности педагогов в магистратуре федерального университета. Перечислены методики, измеряющие уровень сформированности отдельных аспектов данной компетентности.

The paper considers the response to the new challenges to the education system. Due to the increased level of conflict interethnic interaction, including in the digital space, employees of the education system are mastering new effective ways to prevent and resolve conflict situations. For four years, a study of pedagogical conditions for the formation of mediation competence of teachers in the master's course of the Federal University was conducted. The methods that measure the level of formation of certain aspects of this competence are listed.

В поликультурном Красноярском крае образовательное пространство представляет собой сложную систему взаимодействия различных субъектов образования с разной культурой, интересами, уровнем образования.

Согласно Атласу новых профессий в будущем специалисты в области образования будут весьма востребованными, но в ролях, отличающихся от традиционных. Это связано с повсеместным применением информационных технологий, необходимостью работать с большими объемами информации, использовать техники, повышающие продуктивные состояния, и решать сложные творческие и аналитические задачи. В рамках высшей школы, согласно профессиональному стандарту педагога и новых Федеральных государственных образовательных стандартов педагогического образования, в ка-

честве образовательных результатов сверх предметных знаний и педагогического мастерства проектируются такие универсальные компетенции, как системное мышление, межатраслевая коммуникация, проектная, коммуникативная компетенция, художественное творчество. Помимо цифровизации, в тренде геймификация в образовании, индивидуализация обучения, практико-ориентированная подготовка даже в фундаментальных научных отраслях. Примером новой профессии в сфере образования может служить кросс-культурный педагог, обладающий такими компетенциями и навыками, как мультиязычность, поликультурность, работа в условиях неопределенности. Неслучайно вслед за западными университетами российские вузы открывают новые направления подготовки: помимо «предметников» и учителей младших классов, обучают организаторов проектного обучения, игропедагогов, тьюторов, медиаторов в образовании.

Масштабное использование дистанционных технологий в различных сферах деятельности, модернизация образовательной структуры, переход на дистанционное обучение и удаленную работу продиктованы пандемией COVID-19. В киберпространстве, где молодое поколение проводит большую часть времени, создается агрессивная и небезопасная среда: возникают новые формы проявлений агрессии. Для обозначения интернет-травли чаще всего используются англицизмы: кибербуллинг, флейм, интернет-моббинг, сталкинг, троллинг, интернет-клейминг, хейтинг, груминг. Также появляются интернет-сообщества, провоцирующие и вовлекающие молодежь в противоправное, суицидальное, аддиктивное поведение. Реальность буллинга, ксенофобии, форм киберагрессии, трагических последствий проявления экстремистских взглядов в форме скулшутинга (Керченский стрелок – 2018 г., массовые убийства в школе № 175 г. Казани – 2021 г., в университете в Перми – 2021 г. и др.) создает новые вызовы в современной педагогической, психологической и социальной науке. В связи с повышенным уровнем конфликтности межэтнического взаимодействия возрастает потребность в использовании наиболее эффективного способа предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций.

Отношения и взаимодействие субъектов образовательного процесса – одна из наиболее острых проблем наук о жизни в контексте современных тенденций развития общества. Согласно докладу уполномоченной при президенте по правам ребенка Анны Кузнецовой от 7 сентября 2021 г., свыше 50 % учеников сталкиваются с буллингом, и треть из них предпочитают об этом не

рассказывать. Научная значимость решения проблематики обеспечения социальной и психологической безопасности образовательной среды определяется тенденцией роста социальной, межэтнической напряженности и конфликтности в сфере образования как на российском, так и на глобальном уровнях. В мировой образовательной практике апробируются различные методы, формы и средства работы с конфликтными ситуациями. В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 996-р от 29 мая 2015 г., предусмотрено «развитие инструментов медиации для разрешения потенциальных конфликтов в детской среде и в рамках образовательного процесса». Инновационная для России практика восстановительной школьной медиации выступает в качестве способа добровольного и мирного урегулирования конфликтов. В рамках выполнения Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1916-р от 15 октября 2012 г.) в г. Красноярске реализуется и развивается работа школьных служб примирения (медиации). Согласно данным Управления образования Администрации г. Красноярска в 2012 г. в городе было создано всего 15 служб школьной медиации. В 2014 г. было подписано распоряжение Правительства РФ № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 г. сети служб медиации...», количество служб примирения в сфере образования стало быстро увеличиваться. Согласно этому рамочному документу для создания медиативных служб определяется базовое учреждение, создаются необходимые условия, рабочие места, осуществляется поиск материальных средств. Организация служб примирения в образовательных организациях осуществляется за счет использования имеющихся ресурсов муниципальных образований региона или района (в системе образования, молодежной политики и др.)

Однако широко признается (Конференция «Медиация в образовании: Поликультурный контекст» 2019–2021 гг.), что в научном сообществе отсутствует единое понимание концептуальных оснований, методологии и моделей восстановительной медиации для профилактики и разрешения конфликтов в образовании. Формализованное отношение к медиационному процессу, составлению программ школьной службы примирения и недостаточное развитие медиативной компетентности педагогических работников может привести к увеличению конфликтности в общеобразовательных учреждениях и снижению эффективности образовательного процесса. Нами актуализиру-

ется медиативная компетентность педагога – это интегративное личностное качество, представляющее собой систему знаний, навыков, умений, ценностей, интересов, личностных характеристик и опыта, направленных на разрешение и профилактику конфликтов в профессиональной и общественной педагогической деятельности.

Методы. Проведенное исследование было нацелено на выявление сущности медиативной компетентности педагога в рамках анализа особенностей подготовки педагогов-медиаторов к профессиональной деятельности в педагогических условиях высшего образования уровня магистратуры. Исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе (2015–2017 гг.) проводилось изучение и анализ психолого-педагогической, научно-методической литературы, нормативных документов, профессиональных и образовательных стандартов, образовательные практики реализации опыта педагогической подготовки медиаторов для системы образования в России и за рубежом, уточнялся понятийный аппарат исследования, строился план опытно-экспериментальной работы, определялись методы исследования. В 2017 г. был проведен входной опрос целевой аудитории исследования.

Второй этап (2017–2019 гг.) включал разработку и обоснование организационно-педагогической модели подготовки медиаторов для образования на уровне магистратуры в федеральном вузе и условий ее реализации при подготовке магистров психолого-педагогического направления подготовки в федеральном вузе.

На третьем этапе (2019–2021 гг.) осуществлялась опытно-экспериментальная работа по выявлению результативности педагогических условий формирования медиативной компетентности педагога, производилась обработка и анализ результатов проведенного эксперимента, уточнялись выводы исследования, оформлялся текст диссертационного исследования.

В ходе проведенного исследования использовался комплекс теоретических и эмпирических методов исследования. Теоретические методы: анализ педагогической, психологической и методической литературы, материалов и публикаций педагогической и публицистической печати по исследуемым проблемам; изучение положительного педагогического опыта; контент-анализ электронных ресурсов, официальных сайтов образовательных учреждений, комплексный анализ правовых актов, образовательных и профессиональных стандартов, учебных планов российских и зарубежных вузов, эмпирических данных, моделирование.

Достоверность и обоснованность исследования обусловлены системным анализом объекта и предмета исследования, изучением их на методологическом и теоретическом уровнях, эмпирическом исследовании основных положений; подбором методов для продуктивного решения задач, удовлетворяющих специфике каждого этапа исследовательской работы; положительными результатами опытно-экспериментальной работы.

Это соотносится также с мнением Л. В. Львова, утверждавшего, что интегративное профессионально-личностное качество можно представить в виде соотношения когнитивного, деятельностного и личностного компонентов, которые и определяют направленность педагогического процесса, а также организационно-педагогические условия его реализации. Таким образом, для диагностики уровня каждого из аспектов медиативной компетентности педагога нами были подобраны валидированные методики, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Описание психолого-педагогических методик
диагностики аспектов медиативной компетентности

№ п/п	Методика	Авторы	Диагностируемый аспект
1	Самооценка коммуникативной компетентности	И. А. Мартьянова	Когнитивный
2	Опросник для диагностики способности к эмпатии	А. Мехрабян, Н. Эпштейн	Эмоционально-ценностный
3	Тест на стрессоустойчивость	Н. В. Киршева, Н. В. Рябчикова	Поведенческий
4	Определение способов поведения в конфликтной ситуации	К. Томас, Р. Килман	Рефлексивно-оценочный
5	Авторский опросник	О. Г. Смолянинова, НПР ИППС СФУ	Все аспекты медиативной компетентности педагога

Результаты. В модели формирования медиативной компетентности педагога в методологическом обосновании представлены некоторые модели медиации из описанных в современной науке. Всего насчитывается до десяти моделей, в том числе зарубежных, однако по результатам контент-анализа литературы по теме исследования в педагогической науке остается открытым вопрос о том, какая модель (подход) будет наиболее эффективной в условиях образовательного учреждения [Ц. А. Шамликашвили, А. Ю. Коновалов, А. С. Чуприс]. В частности, нами не учтены модели экосистемной медиации (более подходящая для разрешения семейных конфликтов), оценочной медиации (данный вид медиации

ции не совпадает с общепринятым подходом к медиации в системе образования Российской Федерации), не встречающиеся в российской практике модели общинной медиации (Community Mediation Model) и др.

Диагностические процедуры проводились по специально разработанной схеме. На первом этапе происходит определение цели исследования. Параллельно проводится выбор форм, критериев, показателей и процедур оценки. Анализ на втором этапе позволяет сделать выбор методики. Диагностика проводится с учетом возрастных, профессиональных и личных характеристик целевых групп, а также особенностей учебного процесса. Следующим этапом является непосредственно проведение диагностики, включающее обработку полученных результатов. Интерпретация и анализ результатов – четвертый этап. Важным на этой стадии является создание единой информационной системы для накопления материала в динамике. Методические рекомендации, ознакомление административно-управленческого персонала (директор института, учебное управление, руководящий состав управлений и комплексов) могут осуществляться по необходимости и требованию со стороны АУП. Рефлексия педагогов, экспертное оценивание ситуации завершает проведенную диагностику. Последним этапом в нашей схеме проведения исследования будет обеспечение мероприятий, направленных на профилактику и предупреждение угроз, выявленных в результате оценивания (табл. 2).

Структура схемы исследования разрабатывается на основе общедидактических положений, а также результатов исследований, посвященных научно-методологическому обоснованию проектирования содержания педагогической подготовки. Использование модели формирования медиативной компетентности педагога у магистрантов позволит обеспечить организационно-педагогические условия развития данной компетентности в процессе подготовки будущих педагогов в образовательной среде СФУ с опорой на модели медиации, подходы и принципы формирования компетенции, которые развиваются в практико-ориентированном обучении средствами формального и неформального образования. Определено, что для формирования медиативной компетентности педагога при подготовке магистров психолого-педагогического направления подготовки в федеральном вузе используются активные методы, формы и технологии обучения и зарубежный опыт подготовки медиаторов для поликультурного образования в кооперации вузов и профессиональных сообществ медиаторов в культурно-образовательной среде университета.

Схема этапов проведения
диагностических процедур для измерения

№ п/п	Этап	Деятельность в ходе проведения диагностики медиативной компетентности педагога
1	Целеполагание	Выявление противоречия, формулировка проблемы. Определение цели исследования
2	Анализ эффективности методики	Определение форм, критериев, показателей и процедур оценки. Выбор диагностической методики
3	Проведение диагностики на целевой группе (группах)	Определение характеристик целевых групп, а также особенностей учебного процесса. Проведение диагностики
4	Интерпретация результатов диагностики	Создание единой информационной системы, накопление материала в динамике
5	Анализ угроз, дефицитов	Оформление результатов. Информирование должностных лиц
6	Экспертиза результатов исследования	Подготовка методических рекомендаций
7	Внедрение результатов. Рефлексия	Обеспечение мероприятий, направленных на профилактику и предупреждение угроз, выявленных в результате диагностики

Декомпозиция разработанной модели была направлена экспертам для оценивания. Экспертное мнение выразили 14 представителей профессионального педагогического сообщества. В состав группы экспертов вошли 5 докторов наук, 7 профессоров, 9 кандидатов наук. Стаж педагогов составлял от 12 до 40 и более лет. Все эксперты признали модель актуальной как для университета, так и для других образовательных учреждений Красноярского края. На вопрос об управляемости модели три респондента отметили средний уровень, остальные признали модель управляемой. Необходимость диагностики для развития медиативной компетентности педагога подчеркнули все эксперты. Был внесен ряд замечаний, которые положительно повлияли на анализ уровней и взаимосвязей компонентов модели.

Выводы. Формирование медиативной компетентности педагога – это целенаправленный процесс, реализуемый в процессе профессиональной подготовки в рамках модулей, практик и отдельных дисциплин учебного плана, а также во внеучебной деятельности. Оценка сформированности запланированных образовательных результатов проводится по схеме этапов проведения диагностических процедур. Процесс формирования медиативной компетентности будущих педагогов осуществляется в рамках организационно-

педагогической модели, которая строится на основе системного, компетентностного, межкультурного, деятельностного и личностно-ориентированного подходов, представляющих собой методологическую основу для ее построения и обеспечивающих наполнение ее содержания, соответствующего требованиям к профессиональной подготовке в вузе. Структуру модели определяет совокупность блоков: целевого, методологического, содержательного, технологического, педагогического и оценочного, которые обеспечивают разработку и организацию процесса профессиональной подготовки будущих педагогов в вузе.

В качестве принципов формирования медиативной компетентности педагога выделены принципы целостности, открытости, событийности, диалогичности, поликультурности. Диагностика уровня медиативной компетентности педагога реализуется по разработанной схеме, включающей семь этапов, начиная от целеполагания и заканчивая рефлексией по результатам проведенного исследования.

Большое значение придается проектированию и реализации актуализированных образовательных программ, событийному насыщению образовательной среды. Это предполагает активную деятельность обучающихся федерального вуза по участию в конференциях, семинарах, круглых столах, фестивалях и конкурсах профессиональных сообществ медиаторов и других мероприятиях, которые проводятся в регионе. Переход к учебным процессам, основанным на принципах сотрудничества педагога и взрослых обучающихся поддерживается активными методами обучения, ориентацией на решение проблем, обучение на практике в реальных ситуациях, индивидуальные образовательные траектории в смешанном (контактном и онлайн-обучении), проектно-ориентированное обучение и аутентичное оценивание. Для взрослых обучающихся важен фокус на самостоятельной работе, технологии повсеместного доступа к ресурсам, поддержка менторов и экспертиза представителей профессионального сообщества.

Для результативного функционирования модели формирования медиативной компетентности педагога в федеральном университете необходимы и достаточны следующие организационно-педагогические условия:

а) внедрение ряда обучающих курсов части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений с приоритетным использованием инновационных интерактивных технологий обучения и оценивания образовательных результатов;

б) включение обучающихся в насыщенное событийное образовательное пространство университета, представленное реализуемыми летними школами, конференциями, фестивалями, форумами, результатом которого выступает приращение индивидуальной культуры и развитие универсальных, общепрофессиональных компетенций;

в) ориентация магистрантов педагогов-психологов на самообразование посредством разработки проектов по диагностике, профилактике и разрешению конфликтов и участия в событиях: международной молодежной летней школе «Поликультурная медиация в образовании», международной конференции «Медиация в образовании: поликультурный контекст», форуме «Медиатор – профессия будущего» и других;

г) сотрудничество между обучающимися, преподавателями и внешними партнерами, представителями профессиональных сообществ.

По мнению исследователей, опыта выпускников курсов повышения квалификации может быть недостаточно для обеспечения эффективного разрешения конфликтов, особенно в сфере образования. По мнению зарубежных профессиональных сообществ медиаторов, поскольку установлены минимальные часы обучения, центры подготовки выпускают недостаточно квалифицированных медиаторов. Несмотря на то что с момента обозначения этой проблемы в зарубежной практике прошло более 20 лет, аналогичная ситуация наблюдается и в подготовке российских медиаторов для системы образования. Однако мы наблюдаем рост интереса к медиации как к эффективной технологии разрешения конфликтов и создания безопасной среды в образовании, а также рост количества образовательных программ подготовки медиаторов, профессиональных и академических сообществ, научных и методических событий для обмена опытом в России. Ключевую роль в популяризации медиации в образовании в Сибирском регионе играет Сибирский федеральный университет.

Список литературы

1. Атлас новых профессий. Цифровой альманах. URL: <https://atlas100.ru/catalog/obrazovanie/>.
2. Коновалов А. Ю. Медиация в системе образования: обзор опыта разных стран // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2014. Т. 6, № 3. С. 18–30.
3. Львов Л. В. Проектирование системы профессиональной подготовки на полипарадигмальной основе. 2013. 511 с.
4. Медиация в образовании: поликультурный контекст: материалы II Международной научной конференции Красноярск, 24–26 сентября 2020 г. / ред. О. Г. Смолянинова.

- Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 320 с. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/ft/LIB2/ELIB/u37/free/i-345096201.pdf>.
5. Профессиональный стандарт воспитателя/педагога: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н. URL: <http://profstandartpedagog.Rf>.
  6. Рекомендации по организации службы школьной медиации в организациях образования: Постановление Минобрнауки России от 18.11.2013 № ВК-54/07вн. URL: <http://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-18112013-n-vk-84407/>.
  7. Рюмин Р., Ардовская Р. Формирование медиативной компетентности посредством дистанционных образовательных технологий // Litres. 2019. № 1. 152 с.
  8. Стратегия развития образования в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHIBitwN4gB.pdf>
  9. Шамликашвили Ц. А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. М.: Изд-во ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования». 2017. С. 77.

УДК 304.4

В. В. Коршунова¹, М. А. Булаева²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по науке Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

²Магистрант образовательной программы «Менеджмент образовательных инноваций» Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБОБЩЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ К АТТЕСТАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ

В работе рассмотрены практические аспекты реализации методического сопровождения обобщения педагогического опыта при подготовке к аттестации педагогических и руководящих работников с целью формирования у них готовности к выполнению трудовых функций и действий в условиях неопределенности и цифровых трансформаций. На основе анализа научной литературы, результатов анкетирования, опыта подготовки аттестационных документов педагогами, а также с учетом выполнения одного из четырех основных направлений развития системы образования, которым в рамках данной темы является подготовка соответствующих профессиональных кадров, их переподготовка и повышение квалификации, а также создание наиболее эффективных механизмов управления этой сферой, важным становится организация и реализации методического сопровождения по обобщению педагогического опыта при подготовке к аттестации педагогических и руководящих работников и обучению педагогов к демонстрации профессиональных артефактов в процессе подготовки аттестационных документов. Данный аспект – ключевой для формирования готовности и способности у педагогов к накоплению и демонстрации профессиональных артефактов по результатам реализации профессиональных действий и функций в процессе подготовки аттестационных документов. В статье приведены статистика динамики аттестации педагогов города Красноярска и аналитика выявленных запросов педагогов к педагогическим условиям организации методического сопровождения подготовки педагогических работников к профессиональной аттестации, способствующие их профессиональному развитию. В качестве вывода авторы предлагают использовать апробированную модель реализации методического сопровождения и обобщения педагогического опыта при подготовке к аттестации педагогов, реализованную на территории Красноярска на базе МБУ КИМЦ.

Ключевые слова: педагогические работники, профессиональная аттестация, аттестация, педагогическое сопровождение, педагоги, профессиональное развитие, методическое сопровождение, цифровые технологии.

Одним из важнейших средств оценки и развития профессионализма педагогических работников является аттестация. Профессиональная аттестация педагогического работника сегодня – это не столько формальная процедура, требующая составления большого числа отчетных документов, сколько самооценка профессиональных достижений, самоанализ педагогических проблем и задач, решение которых осуществлялось в межаттестационный период. Профессиональная аттестация является двусторонним процессом, который предполагает, с одной стороны, внутренний самоанализ педагогической работы педагога, поставленных целей, результатов их реализации за определенный период, с другой стороны – внешний анализ эксперта этой деятельности.

Аттестация служит комплексной оценкой сотрудников с целью определения уровня профессионализма, а также соответствия личностных качеств требованиям на занимаемых ими должностях. В итоге в ходе аттестации повышается профессиональный уровень педагога, в определенной степени меняется его социальное положение.

Технология аттестации является одной из важнейших технологий, поскольку она оценивает компетентность педагога, мотивирует его на самообучение, указывает на перспективы его развития на должности и работе, а также выполняет мотивирующую функцию сотрудника относительно повышения его квалификации.

Аттестация педагогических работников в целях подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям проводится один раз в пять лет на основе оценки их профессиональной деятельности аттестационными комиссиями, самостоятельно формируемыми организациями. Аттестация педагогических работников проводится в целях подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям на основе оценки их профессиональной деятельности и по желанию педагогических работников (за исключением педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава) в целях установления квалификационной категории [1].

Основными задачами проведения аттестации педагогических работников являются:

- стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня квалификации педагогических работников, их методологической культуры, профессионального и личностного роста;

- определение необходимости повышения квалификации педагогических работников;
- повышение эффективности и качества педагогической деятельности;
- выявление перспектив использования потенциальных возможностей педагогических работников;
- учет требований федеральных государственных образовательных стандартов к кадровым условиям реализации образовательных программ при формировании кадрового состава организаций;
- обеспечение дифференциации размеров оплаты труда педагогических работников с учетом установленной квалификационной категории и объема их преподавательской (педагогической) работы.

На основе анализа артефактов аттестационных материалов можно выделить следующие параметры, которые предполагаются и представляются для экспертной оценки профессиональной деятельности аттестуемого педагога. Среди них:

- 1) результативность профессиональной деятельности в зависимости от должности аттестуемого работника;
- 2) профессиональные действия и средства в соответствии с образовательной программой образовательного учреждения;
- 3) результативность, профессиональные действия и средства в области здоровьесбережения;
- 4) духовно-нравственная позиция (поступки, поведение, характер) и профессиональное развитие аттестуемого;
- 5) эффективный социальный опыт, обобщение и распространение собственного опыта работы;
- б) параметры профессиональной деятельности, отражающие специфику деятельности аттестуемого работника в соответствии с занимаемой должностью.

Далее в таблице представлена статистика в части демонстрации динамики аттестованных на квалификационную категорию согласно поданным заявлениям в территориальные отделы города Красноярска.

Из данных представленной динамики можно сделать вывод о том, что общая ситуация подтверждения заявленных квалификационных категорий в процентном отношении в последние два года стала снижаться ежегодно примерно на 1 % [2].

Динамика аттестованных на квалификационную категорию
согласно поданным заявлениям

Категория	2017/18		2018/19		2019/20		2020/21	
	заявлено	аттестовано	заявлено	аттестовано	заявлено	аттестовано	заявлено	аттестовано
Первая	1 426	1 414 (99,15 %)	1 330	1 315 (98,87 %)	1 271	1 248 (98,19 %)	1 284	1 253 (97,59 %)
Высшая	1 100	1 090 (99,09 %)	1 181	1 174 (99,41 %)	1 355	1 341 (98,97 %)	1 230	1 208 (98,21 %)
Всего	2 526	2 504 (99 %)	2 511	2 489 (99 %)	2 626	2 589 (98 %)	2 514	2 461 (97 %)

Но при этом несмотря на небольшую положительную динамику в части увеличения количества заявлений, поданных педагогами в 2020/21 учебном году на первую квалификационную категорию, сохраняется устойчивая негативная тенденция уменьшения процента аттестованных педагогов. Особое внимание необходимо уделить тому, что при снижении в 2020/21 учебном году количества педагогов, заявившихся на высшую квалификационную категорию, процент педагогов, подтвердивших высшую квалификацию, снизился, обозначив негативную тенденцию, указывающую на проблемы организации профессионального развития. Кроме того, подготовка к процедурам аттестации и понимание предъявляемых квалификационных требований не является для педагогов предметом вдумчивой рефлексии и обстоятельного анализа педагогической деятельности [3].

Если рассматривать более ранний период, то фактически наблюдалась следующая тенденция: общее количество педагогов с заявленными категориями ежегодно не подтверждали 22 педагога, в 2019/20 учебном году первую и высшую квалификационную категорию не подтвердили 37 человек (23 и 14 соответственно), из них 21 человек – педагоги ОУ, 14 – педагоги ДОУ, 2 – педагоги УДО. В 2020/21 учебном году общее число не подтвердивших первую и высшую квалификационную категорию возросло до 53 человек (31 и 22 соответственно), из них уже 32 человека – педагоги ОУ, 18 – педагоги ДОУ, 2 педагога УДО и 1 педагог ЦППМСП. Больше всего трудностей с аттестацией на квалификационные категории возникают у учителей начальных классов, учителей физической культуры, педагогов-психологов и воспитателей ДОУ.

Заметим, что качественная подготовка к процедурам аттестации отражается в количестве подтвердивших заявленные категории. По итогам 2020/21 учебного года стоит отметить достаточно хороший уровень подготовки в ДОУ № 271

и ДОУ № 273, где соответственно 15 и 14 педагогов подтвердили заявленные категории. Не менее 10 педагогов с категориями, подтвержденными в 2020/2021 учебном году, в ДОУ № 27, 33, 40, 56, 59, 89, 140, 182, 167, 319, СП «Журавушка», гимназии № 1 «Универс».

По общеобразовательным организациям качественная подготовка с наибольшим количеством аттестованных была организована в СШ ОК «Покровский», (56 педагогов), СШ № 143 (47 педагогов), СШ № 154 и СШ № 150 (по 38 и 36 педагогов соответственно). Успешно подтвердили заявленную категорию не менее 20 педагогов гимназии № 1 «Универс», гимназии № 14, лицея № 1, лицея № 6, лицея № 11, лицея № 10, СШ № 6, 10, 13, 19, 21, 53, 64, 65, 76, 108, 115, 145, 149. Отдельно хотелось бы раскрыть ситуацию в учреждениях дополнительного образования, где подтвердили заявленные категории наиболее успешно педагоги Центра детского творчества № 4, Центра творчества № 3, Дома детства и юношества № 2, Центра творческого образования «Престиж», Центра творчества и развития № 1, Центра творческого развития и гуманитарного образования.

Среди ЦППМСП наиболее успешно прошли процедуру аттестации специалисты ЦППМСП № 1 «Развитие» и ЦППМСП № 6 [2].

Таким образом, из анализа заявлений, поданных педагогами на аттестацию, следует, что наибольшее количество поступает от учителей начальных классов. Сравнительно большой процент составляют учителя математики, русского и иностранного языков, причем большинство учителей русского языка претендуют на высшую квалификационную категорию. Что касается подготовки аттестационных материалов, то следует обратить внимание на соответствие целей и задач планируемыми результатами, которые должны быть представлены в достаточно конкретном виде. Оценивание образовательных достижений должно быть на основе показателей и критериев, соответствующих ФГОС ОО. Описание педагогической деятельности учителей начальной школы должно оформляться согласно региональным требованиям [4].

При этом по результатам анализа по городу Красноярску наибольшее число неаттестованных – учителя начальных классов (количество неаттестованных составляет 2,6 % от количества поданных заявок по указанной должности) и воспитатели ДОУ (0,99 %).

Среди замечаний, данных экспертами педагогам, признанным несоответствующими заявленной квалификационной категории, наиболее часто встречаются следующие:

- описание результатов деятельности (в целом либо по отдельным критериям) сводится к декларативным сентенциям, не подтвержденными фактами;
- цели профессиональной деятельности не соответствуют реализуемой в ОО образовательной программе;
- результативность профессиональной деятельности предъявлена не по всем критериям соответствия заявленной квалификационной категории;
- не описаны профессиональные действия и средства в области здоровьесбережения;
- небрежность оформления документов (орфографические ошибки, неполный пакет документов и др.).

Одна из часто встречающихся рекомендаций экспертов – необходимость описания своей профессиональной деятельности на основе «Региональных требований», что констатирует факт отсутствия у аттестуемых педагогов понимания результатов профессионально-педагогической деятельности как единицы целостного процесса разворачивания образовательного результата профессиональной деятельности его субъектов.

В этой связи важным моментом, позволяющим мотивировать педагогов к принятию траекторий реализации региональных требований, может выступать содействие с методическими структурами, осуществляющими методическое сопровождение подготовки педагогов к аттестации.

Так, в 2021 г. предлагается ввести тестирование для учителей, своего рода ЕГЭ. Комиссия будет проверять знание предмета, уровень методических, психологических, коммуникативных навыков. Проверке подлежат и практические навыки.

Оценка квалификации учителя будет происходить во всех школах по одинаковым правилам с применением единых федеральных оценочных материалов (ЕФОМ). Разработка ЕФОМ до сих пор находится в стадии обсуждения, окончательного варианта нет. Но на практике они уже применялись, так как данный порядок аттестации уже был опробован как пилотный проект в школах различных регионов страны за два последних года. ЕФОМ уже применяются в процессе аттестации учителей. Документ открыт для обсуждения и изменений. Регионы сами решают, в каком формате проводить аттестацию учителей в 2020 г.: будет это открытый урок или портфолио.

Протестированная система ЕФОМ состоит из **трех блоков**.

Письменная работа по профилю учителя. В этой части экзамена проверяются знание предмета и методика его преподавания. Здесь же могут быть предложены практические задания: например, найти ошибку в работе школьника, составить план урока и пр.

Анализ профессиональной деятельности учителя. В этом блоке урок аттестуемого снимается на видео, чтобы в дальнейшем его смогли оценить независимые эксперты. Для объективной оценки к видео прилагаются план-конспект урока, а также образцы работ учеников.

Педагогический кейс. Это задание имеет целью проверку коммуникативных и психологических компетенций учителя. Педагогу необходимо составить план действий в разрезе предложенной ситуации. Например, как помочь трудному ребенку адаптироваться в коллективе или разрешить конфликт между школьниками.

На выполнение и сдачу всех блоков отводится не менее четырех часов, но задания выполняются в разные дни. Проект постановления правительства об изменении номенклатуры должностей с введением новых уже находится в стадии подготовки. Данная инновация предполагает системное методическое сопровождение обобщения педагогического опыта при подготовке к аттестации педагогических и руководящих работников.

Список литературы

1. Project-based activity as a mechanism of reflection development in students of psychology and education studies / O. G. Smolyaninova, M. V. Rostovtseva, Yu. G. Yudina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2021. Vol. 14 (3). P. 385–395. DOI: 10.17516/1997–1370–0730.
2. «Красноярский стандарт качества образования» в контексте целей и задач Национального проекта «Образование»: информационно-аналитический сборник. Красноярск, 2021. URL: <https://kimc.ms/resursy/analiticheskie-materialy/>.
3. Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность: Приказ Минобрнауки РФ от 07.04.2014 № 276 // Вестник образования России. 2014. № 6. С. 5–10.
4. Профессиональный стандарт педагога (Концепция и содержание) // Вестник образования. 2013. № 8. С. 4–43.

УДК 351.72

О. С. Ситяева

*Направление «Экономическая безопасность» Института управления бизнес-процессами
Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННЫХ ОРГАНОВ В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На основании анализа нормативно-правовой и институциональной составляющих, необходимых для обеспечения экономической безопасности, сделан вывод о необходимости применения специальных мер по нивелированию ее угроз, к которым, в частности, относится финансовый контроль. Сделан вывод о необходимости постоянного повторяющегося проведения контрольно-ревизионных процедур, направленных на предупреждение и пресечение нарушений в финансовом обеспечении государственных и муниципальных программ. Сделан вывод о необходимости совершенствования системы государственного финансового контроля за использованием денежных средств, в том числе бюджетных, а также формирования приоритетных направлений деятельности контрольно-ревизионных органов для максимально полного пресечения угроз экономической безопасности как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: контрольно-ревизионная деятельность, экономическая безопасность, национальные программы, финансовый контроль.

Based on the analysis of the regulatory and institutional components of economic security ensuring, it is concluded that it is necessary to apply special measures to neutralize its threats, which include financial control. The conclusion is made about the need for constant repetitive control and audit procedures to prevent and suppress violations in the financial provision of state and municipal programs. The conclusion is made about the need to improve the system of state financial control over the use of funds, including budgetary funds, as well as the formation of priority areas of control and audit bodies' activity for the fullest possible suppression of threats to economic security at the federal, regional and municipal levels.

Keywords: control and audit, economic security, national programs, financial control.

В современных условиях развития рыночной экономики и проводимой в данной области политики все ярче проявляются вопросы, касающиеся обострения накопленных социально-экономических проблем, возникновения новых, неизведанных ранее вызовов и угроз, препятствующих реализации

программ развития и достижению достаточного уровня стабильности и устойчивости внутри государства, тем самым, укрепляя необходимость в обеспечении такой важнейшей составляющей национальной безопасности как экономическая безопасность. Таким образом, являясь важнейшей характеристикой экономической системы государства, экономическая безопасность направлена на достижение такого уровня защищенности национальной экономики от различного рода угроз, при котором, учитывая необходимость обеспечения экономического суверенитета страны и единства ее экономического пространства, наличествовали бы условия для реализации стратегических национальных приоритетов [1].

Тем не менее стоит отметить, что ввиду сложности и комплексности понятия экономическую безопасность следует рассматривать с позиции системного подхода, включая в структуру ее обеспечения нормативно-правовую и институциональную составляющие, особенно систему органов государственной власти, их функции и задачи по реализации политики по обеспечению экономической безопасности, а также применяемые для этого методы по нивелированию ее угроз. Однако существует и иная, не противоречащая, а даже дополняющая указанную выше, точка зрения, согласно которой систему обеспечения экономической безопасности можно разделить на подсистемы согласно сферам деятельности, одной из которых представляется финансовая безопасность.

Согласно определению В. К. Сенчагова [2], под финансовой безопасностью стоит понимать обеспечение такого уровня развития финансовой системы государства, при котором создаются необходимые и достаточные условия, способствующие достижению социально-экономической и финансовой стабильности развития государства, сохранению целостности и единства финансовой системы при одновременном преодолении внешних и внутренних угроз страны со стороны финансовой сферы.

В целом, продолжая рассматривать экономическую безопасность и ее обеспечение с точки зрения системы, можно говорить о возможности применения в ее отношении принципа структурности, согласно которому сложная система может быть структурирована на подсистемы, способные к относительно самостоятельному функционированию [3]. Соответственно, такую подсистему экономической безопасности, как финансовую безопасность, можно представить в разбивке на более мелкие составные элементы, а именно: на денежно-кредитную, бюджетную, долговую, налоговую и валютные

подсистемы безопасности, а также на подсистемы безопасности страхового и фондового рынков. Особое внимание тем не менее следует обратить на бюджетную составляющую, нашедшую отражение в таких вызовах и угрозах экономической безопасности, как [1]:

- низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры;
- несбалансированность национальной бюджетной системы;
- недостаточно эффективное государственное управление;
- высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере;
- сохранение значительной доли теневой экономики.

Соответственно, становится очевидным, что для достижения запланированных параметров долгосрочного социально-экономического развития государства необходимо разрабатывать направления, включающие в себя комплекс мероприятий и инструментов, которые бы способствовали нивелированию указанных выше угроз. К одному из подобных направлений следует отнести совершенствование методов и механизмов контрольно-ревизионной деятельности, особенно такого ее элемента, как финансовый контроль, играющий важнейшую роль в управлении финансовыми средствами вне зависимости от уровня управления.

Существующая система государственного финансового контроля позволяет не только обеспечивать эффективность формирования и исполнения бюджета, выполнение различных программ развития и обязательств, сбалансированность бюджетных потоков, осуществляя при этом постоянный контроль законности и целесообразности производимых действий, но также получать информацию о достижении поставленных показателей как для выявления нарушений, злоупотреблений и преступлений в финансовой сфере, так и для их предупреждения и выработки соответствующих управленческих решений на основе полученных результатов [4].

Построение любой системы должно начинаться с разработки единых принципов и методологических подходов, способствующих обеспечению эффективности функционирования всей системы с учетом достижения установленных целевых показателей и предупреждения угроз ее целостности, и система государственного финансового контроля не является исключением. К тому же для достижения устойчивости системы необходимо правильно

определить ее целеполагание. В случае системы финансового контроля к таковым следует относить, прежде всего, координацию деятельности контролирующих органов и четкое распределение соответствующих функций между институтами финансового контроля, а также управление рисками, включающее в себя предупреждение возникновения негативных последствий от реализации представленных выше угроз.

Главенствующее положение в системе финансового контроля занимают органы государственной власти как на государственном, так и на региональном уровнях, а также органы местного самоуправления. Тем не менее стоит отметить, что в последнее время, не в последнюю очередь благодаря реализации государственной политики в области финансового контроля, возросла роль института независимого финансового контроля, органично вписывающегося в общую структуру управления системы.

Целостность системы обеспечения экономической безопасности, как и бесперебойное функционирование описываемого контрольно-ревизионного механизма, зависит не только от достижения общегосударственных целей и задач, но и от обеспечения достаточного уровня экономической безопасности на уровне субъектов федерации и муниципальных образований. Тем не менее, несмотря на принятие Стратегии экономической безопасности, ее значение на рассматриваемых уровнях представляется несколько ограниченным как ввиду географической и отраслевой специфики каждого в отдельности региона, так и разделения задач по уровням управления с соответствующим различием в разрешенном для применения инструментарии.

Однако вне зависимости от уровня управления проведение контрольно-ревизионных мероприятий является обязательным элементом для реализации мер по обеспечению экономической безопасности. Согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации к органам государственного (муниципального) финансового контроля следует относить [5]:

- Счетную палату;
- контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;
- Федеральное казначейство;
- уполномоченные органы (должностные лица) исполнительной власти субъектов Российской Федерации (местных администраций).

При этом стоит отметить, что полномочия указанных органов контроля различаются между собой в зависимости от вида реализуемого контроля. Так,

Счетная палата, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, являющиеся органами внешнего финансового контроля, осуществляют полномочия по контролю [6; 7]:

- за соблюдением бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, в ходе исполнения бюджета;
- за достоверностью, полнотой и соответствием нормативным требованиям составления и представления бюджетной отчетности главных администраторов бюджетных средств, квартального и годового отчетов об исполнении бюджета;
- в других сферах, предусмотренных соответствующими нормативными актами.

Помимо этого, указанные органы также осуществляют бюджетные полномочия по аудиту эффективности, направленному на определение экономности и результативности использования бюджетных средств, экспертизе проектов законов (решений) о бюджетах, иных нормативных правовых актов бюджетного законодательства Российской Федерации, экспертизе государственных (муниципальных) программ, анализу и мониторингу бюджетного процесса.

Такие же органы внутреннего финансового контроля, как Федеральное казначейство, органы государственного финансового контроля, являющиеся органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов Российской Федерации (местных администраций), осуществляют полномочия по контролю [8]:

- за ведением операций со средствами федерального бюджета главными распорядителями, распорядителями и получателями средств федерального бюджета;
- полнотой и достоверностью отчетности о реализации государственных (муниципальных) программ, в том числе отчетности об исполнении государственных (муниципальных) заданий;
- своевременностью и полнотой устранения объектами контроля нарушений законодательства Российской Федерации и (или) возмещения причиненного такими нарушениями ущерба Российской Федерации в установленной сфере деятельности.

Проводя проверки, ревизии и обследования, рассмотренные органы направляют объектам контрольных мероприятий представления и (или) пред-

писания. Так, за период с 2016 по 2019 г. было запланировано и проведено более 23 тысяч контрольных мероприятий, в результате которых контрольными органами было выявлено 137 763 нарушения на общую сумму более 5 475 млрд руб. (рис. 1).

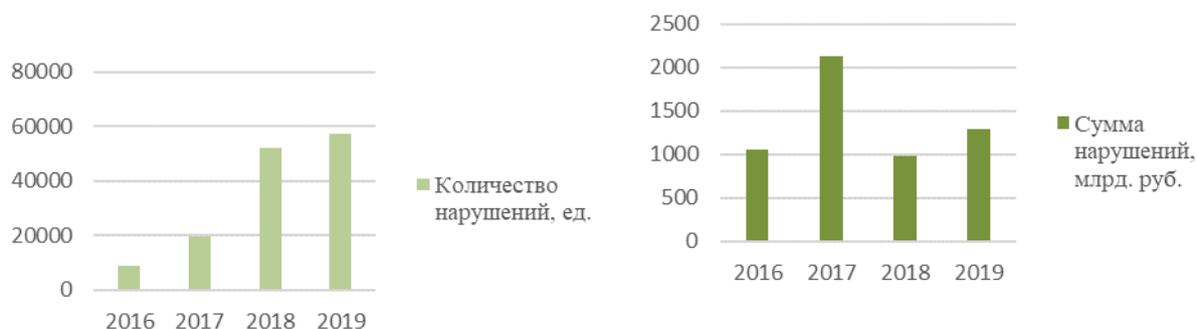

Рис. 1. Нарушения, выявленные в ходе контрольных мероприятий [9]

Стоит также отметить, что все выявленные нарушения для удобства интерпретации можно разделить по видам (рис. 2).

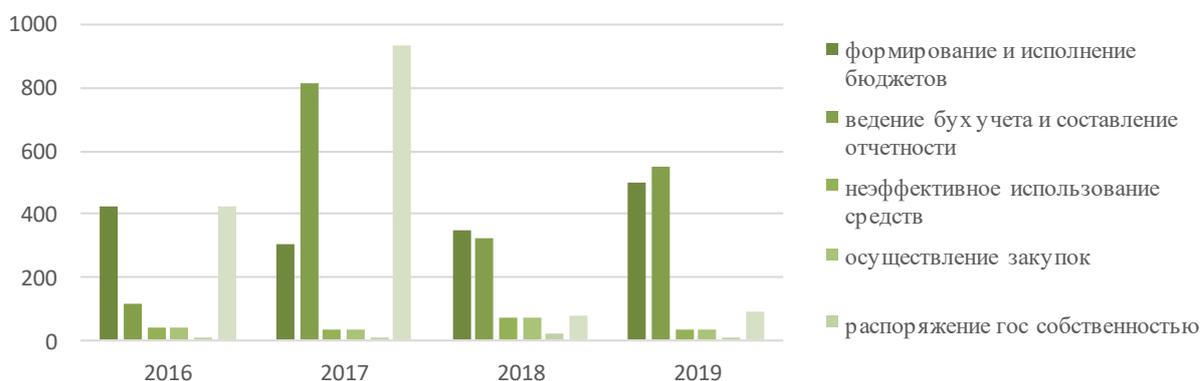

Рис. 2. Нарушения по видам, млрд руб. [9]

На основе представленных данных условно можно составить рейтинг по сферам, лидирующим по суммам ущерба, причиненного выявленными нарушениями:

- 1) ведение бухгалтерского учета и составление отчетности;
- 2) формирование и исполнение бюджетов;
- 3) осуществление закупок;
- 4) неэффективное использование средств;
- 5) распоряжение государственной собственностью;
- б) иные нарушения, не относящиеся к рассмотренным выше.

Тем не менее представленное для каждой сферы положение в рейтинге является усредненным как ввиду разнообразия и непредсказуемости происходящих в экономике и политике процессов, так и исходя из существующего «перекоса» в сфере финансирования, что порождает одну из важнейших проблем финансового контроля – проблему прогнозирования, что представляется особо актуальным для осуществления контроля за использованием денежных средств в рамках реализации национальных приоритетов. Не стоит забывать и о проблеме, касающейся управления возникающими рисками путем их локализации и минимизации вероятности их наступления.

В целом стоит понимать, что для разрешения поставленных проблем, а также для организации и функционирования системы государственного финансового контроля требуется применение системного подхода с обязательным соблюдением такого свойства системы, как эмерджентность. В качестве решения данной задачи можно рассматривать «Концепцию развития систем внутреннего финансового контроля, внутреннего аудита и оценки качества финансового менеджмента в секторе государственного и муниципального управления», опубликованную Минфином России [10]. Стоит отметить, что указанные в документе направления развития контроля в полной мере согласуются с требованиями, представленными в Бюджетном кодексе [5]:

- соблюдение бюджетного законодательства;
- подготовка и организация мер по повышению экономности и результативности использования бюджетных средств;
- соблюдение внутренних стандартов и процедур составления и исполнения бюджета.

Тем не менее Концепция представляет собой уникальный документ относительно масштабы применения его положений. Так, в рамках трех этапов внедрения по состоянию на сегодняшний день уже были внесены изменения и дополнения в части внутреннего финансового контроля в такие нормативно-правовые акты, как:

- Бюджетный кодекс РФ (согласно которым с 01.01.2020 внутренний финансовый контроль перестал быть отдельным бюджетным полномочием) [5];
- Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [11];
- Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в части систематизации и синхронизации положений ФЗ и Бюджетного кодекса) [12].

Также можно говорить о постепенной, хотя и не всегда успешной, апробации новых подходов к организации и осуществлению внутреннего финансового контроля и внутреннего аудита, в том числе касающихся обеспечения таких требований, как публичное размещение и прозрачность результатов внутреннего контроля и внутреннего аудита. При этом стоит отметить принципиальный момент – возможность применения положений Концепции не только в органах государственной власти на федеральном и региональном уровнях, органах местного самоуправления, но и во всех типах организаций государственного сектора, всех публично-правовых образованиях, входящих в состав Российской Федерации, в целях повышения качества финансового менеджмента.

В целом большая часть положений Концепции соответствуют стандартам Международной организации высших органов финансового контроля (INTOSAI) [13], что в совокупности с применением лучших международных практик для построения систем внутреннего контроля и аудита позволяет приступить к построению и развитию обновленной национальной системы внутреннего контроля и аудита, опирающихся на переход государственных и муниципальных органов и учреждений к финансовому менеджменту, охватывающему все элементы бюджетного процесса и финансово-хозяйственной деятельности.

Говоря о внутреннем финансовом контроле, стоит понимать, что обеспечение одного из важнейших его принципов – независимости, зависит от эффективности внутреннего аудита, то есть деятельности, направленной на оценку степени достижения показателей (индикаторов) государственных (муниципальных) программ, достоверности бухгалтерской (бюджетной) отчетности и отчетности о реализации государственных (муниципальных) программ [14]. При этом нельзя исключать возможность усложнения институциональной составляющей системы внутреннего финансового контроля путем создания специальных служб внутреннего аудита.

Рассматриваемое в качестве задачи по обеспечению экономической безопасности совершенствование деятельности контрольно-ревизионных органов предполагает внедрение риск-ориентированного подхода [1], то есть переход от общего контроля за выполнением операций к минимизации рисков невыполнения или неправильного выполнения финансово-хозяйственных процедур в целом. В существующей методике оценки рисков уже заложены их систематизация, критерии оценки и уровни оценки допустимого риска, на основе чего все риски можно разделить:

- на риски несоблюдения законодательства и иных нормативных правовых актов, особенно регулирующих бюджетные правоотношения;
- риски несоблюдения принципа эффективности использования финансовых ресурсов;
- риски недобросовестных действий, особенно несоблюдения законодательства о противодействии коррупции;
- риски недостижения пороговых показателей качества финансового менеджмента.

Таким образом, для упрощения определения уровня допустимого риска можно выделить два таких взаимосвязанных критерия, как вероятность и последствия наступления риска с приведением соответствующей градации рисков – низкий, средний, высокий, очень высокий, – что, в свою очередь, через построение матрицы позволит оценить не только эффективность системы управления рисками, но и уровень экономической безопасности, где зона 1 соответствует зоне безопасности, зона 2 – зоне с повышенным уровнем риска, зона 3 – зоне с высоким уровнем риска и угроз безопасности [15].

Таблица

Матрица взаимосвязи критериев оценки рисков
и уровня экономической безопасности

Критерий «вероятность риска»	Критерий «последствия риска»			
	низкая	средняя	высокая	очень высокая
Низкая	1	1	2	3
Средняя	1	1	2	3
Высокая	2	2	2	3
Очень высокая	3	3	3	3

Подобная матрица позволяет обосновывать необходимость проведения контрольных действий по нивелированию угроз экономической безопасности. Тем не менее, помимо использования подобного подхода, требуется разработка иных контрольных аналитических процедур, которые не сводились бы к применению методов простого математического или экономического анализа, однако даже для использования данных методов уровень систематизации информации, полученной по результатам контроля, представляется недостаточным. Соответственно, необходимо задуматься о разработке пула показателей, включающего не только перечень показателей для оценки состояния экономической безопасности, целевых показателей государственных программ, бухгалтерской (бюджетной) отчетности и отчетности о реализации

таковых программ, но и кардинально новых, полученных в ходе имитационного моделирования, позволяющего учитывать особенности каждого конкретного государственного (муниципального) проекта. При этом предполагается, что установление допустимых пределов отклонений за значениями этих показателей и контроль установленных отклонений должны стать инструментарием для оценки состояния экономической безопасности.

Таким образом, в ходе реализации рассмотренных выше мероприятий станет возможным предупреждение и пресечение нарушений в финансовом обеспечении государственных и муниципальных программ, реализации государственного финансового контроля за использованием денежных средств, в том числе бюджетных, а также формирование приоритетных направлений деятельности контрольно-ревизионных органов по достижению такого состояния экономической безопасности, которое позволило бы говорить о практически полном искоренении ее угроз.

Список литературы

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/.
2. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник. 2-е изд. М.: Дело, 2005. 896 с
3. Основы теории системного анализа: качество и выбор: учеб. пособие / Б. И. Герасимов, Г. Л. Попова, Н. В. Злобина. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2011. 80 с.
4. Ерусалимский В. М. Контрольно-ревизионная деятельность как обязательный элемент реализации национально-приоритетных проектов страны // Modern Economy Success. 2020. № 2. С. 242–245.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.
6. О Счетной палате Российской Федерации: федер. закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/.
7. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: федер. закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266/.
8. О Федеральном казначействе: Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50565/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.
9. Портал государственного и муниципального финансового аудита. URL: <https://portal.audit.gov.ru/#/main-page>.

10. Проект Концепции развития систем внутреннего финансового контроля, внутреннего аудита и оценки качества финансового менеджмента в секторе государственного и муниципального управления с проектом плана мероприятий по ее реализации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/gov_control/legislation/?id_65=111788-proekt_kontseptsii_razvitiya_sistem_vnutrennego_finansovogo_kontrolya_vnutrennego_audita_i_otsenki_kachestva_finansovogo_menedzhmenta_v_sekt.
11. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.
12. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/.
13. INTOSAI. URL: <https://www.intosai.org/ru/>
14. Лопатников В. С. Организационный механизм совершенствования государственного финансового контроля в системе экономической безопасности региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9-2. С. 116–122.
15. Азарская М. А. Обеспечение экономической безопасности через систему государственного финансового контроля // Инновационное развитие экономики. 2016. № 6-2 (36). С. 230–236.

СЕКЦИЯ 5

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 378.147; 902

В. В. Коршунова¹, С. В. Бортновский²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по науке Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

²Кандидат технических наук, заместитель директора по учебной работе Института математики, физики и информатики Красноярского государственного педагогического университета, Красноярск, Россия

ЭФФЕКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ НА ОСНОВЕ АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В работе рассмотрены практические аспекты реализации образовательного процесса в электронной образовательной среде для студентов – будущих педагогов с целью формирования у них готовности к выполнению трудовых функций и действий в условиях неопределенности и цифровых трансформаций.

На основе анализа научной литературы, результатов анкетирования, опыта подготовки студентов педагогических направлений, а также с учетом применения полипарадигмального подхода к педагогическому образованию предложены приемы подготовки будущих педагогов с применением алгоритмов искусственного интеллекта.

В статье представлена методология существования и функционирования коллективной педагогической мегасистемы как прогнозирования педагогических процессов, так и выявления новых закономерностей и принятия эффективных дидактических решений на основе применения алгоритмов коллективного разума в рамках реализации педагогической практики.

В статье раскрыт прикладной аспект использования алгоритмов коллективного разума в рамках реализации квазипрофессиональной деятельности на базе университета и в период педагогической практики с целью формирования у будущих педагогов готовности к реализации педагогической деятельности на основе обучения выбору эффективных дидактических решений. Данный аспект является ключевым для готовности и способности реализации профессиональных действий и функций, обусловленных вариациями: контингент обучающихся, предметное содержание, организационно-педагогические усло-

вия конкретной образовательной организации. Учет как спонтанных, так и системных аспектов в реализации профессиональной деятельности является определяющим для выбора технологий обучения, обеспечивающих максимальную продуктивность педагога и, как следствие, достижение высоких образовательных результатов обучающихся. Для этих целей наиболее подходящим алгоритмом выбора методов и технологий реализации профессиональной деятельности будущими педагогами является муравьиный алгоритм. Данная алгоритмическая конструкция позволяет учитывать вероятностный характер меняющихся параметров воздействия, а также оценивать и выбирать высокую результативность применения данного алгоритма, что выигрышно его выделяет среди других алгоритмов искусственного интеллекта.

В статье приводится пример муравьиного алгоритма для определения наилучшей иерархии организационно-педагогических условий, способствующих наилучшему выбору технологий и методов реализации профессиональной деятельности будущими учителями.

В качестве вывода авторы предлагают использовать алгоритмы коллективного разума в процессе квазипрофессиональной деятельности будущих педагогов в рамках педагогической практики, что будет способствовать формированию у них готовности к реализации педагогической деятельности в части выполнения трудовых функции и действий на основе обучения выбору эффективных дидактических решений.

В период с 2014–2021 гг. на кафедре технологий и предпринимательства ИМФИ КГПУ им. В. П. Астафьева и кафедре информационных технологий обучения и непрерывного образования ИППС Сибирского федерального университета проводилась покомпонентная апробация механизмов усиления практической направленности подготовки будущих педагогов. Данный процесс был реализован двумя этапами: первый (2014–2017 гг.) – разработка и апробация новых модулей программ бакалавриата по укрупненной группе специальностей «Образование и педагогика», предполагающих усиление практической направленности подготовки будущих учителей начальных классов в условиях сетевого взаимодействия, второй (2017–2021 гг.) – применение цифровых инновационных образовательных технологий в процессе формирования у студентов педагогических и психолого-педагогических направлений готовности к реализации педагогической деятельности в части выполнения трудовых функции и действий на основе результатов обучения их выбору эффективных дидактических решений в процессе квазипрофесси-

ональной деятельности и в период реализации всех типов практики, предусмотренных учебным планом [1].

Важным условием для осуществления выбора эффективных образовательных практик с применением алгоритмов искусственного интеллекта в процессе подготовки будущих педагогов выступил многолетний опыт двух университетов: ИППС СФУ в реализации образовательных программ подготовки педагогов на уровне бакалавриата во взаимодействии с СПО, полученный в период выполнения государственного контракта в проекте модернизации педагогического образования, а также прорывные образовательные траектории с учетом цифровых трансформаций, внедренные в образовательный процесс программ бакалавриата на базе ИМФИ им. В. П. Астафьева.

Новый подход подготовки будущих педагогов был основан на реализации модульных практико-ориентированных программ высшего образования с привлечением различных ресурсов комьюнити партнеров. Среди партнеров – представителей системы образования традиционно выступают: Министерство образования, Красноярский краевой институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Главное управление Администрации города Красноярска, Красноярский информационно-методический центр, педагогические колледжи и передовые школы региона. Как правило, работа с образовательными партнерами заключалась в реализации практико-ориентированной подготовки будущих педагогов на основе принципа сетевого взаимодействия образовательных организаций в части предоставления возможности студентам освоить практические приемы реализации педагогической деятельности на базе образовательных организаций с участием супервизоров – представителей образовательных организаций. При распределенном сопровождении студента со стороны супервизоров от школы, руководителя от вуза и методиста СПО происходил преемственный переход студента от постановки и решения учебных задач на материале дисциплин к прикладным профессиональным задачам на базе практики. Как следствие реализации первого этапа (2014–2017 гг.) были выявлены и апробированы новые подходы к определению целей и содержанию, методов и технологий педагогического образования, спроектированы новые методы оценивания образовательных результатов, представлены профессионально-педагогическому сообществу региона и внедрены в образовательный процесс.

На втором этапе (2017–2021 гг.) внимание фокусируется на трансформациях образовательного процесса в условиях интенсивной информатизации, на

формировании педагогической культуры в условиях цифровых трансформаций. Так, в период с 2017 по 2020 г. в образовательный процесс подготовки будущих педагогов были внедрены модули и отдельные дисциплины, которые обучали студентов применению цифровых инновационных образовательных технологий.

В период с 2020 по 2021 г. предполагалось разработать цифровые модели и методологию оценки уровня сформированности soft-компетенций будущих педагогов и провести их мониторинг на основе спроектированных валидизированных автоматизированных диагностических методик. Результаты методик необходимо описать и предложить отчуждаемый способ применения алгоритмов искусственного интеллекта в педагогической практике для обучения будущих педагогов эффективному принятию дидактических решений в профессиональной деятельности.

Новизна модели профессиональной подготовки педагогов в условиях цифровых трансформаций состояла в том, что она создана с учетом не только Федеральных стандартов высшего образования, профессионального стандарта педагога, но и предполагает осуществление образовательного процесса университета с применением лучших практик и образцов цифрового контента. Таким образом, новая модель педагогического образования совмещает в себе требования стандартов с ориентацией на образовательные результаты выпускников бакалавриата, подготовленных к профессиональной деятельности в современной школе с учетом цифровизации общества и последствиями ограничительными мерами COVID-2019. Заметим, что, согласно результатам опроса RELX Group о применении искусственного интеллекта как вспомогательного средства, можно выделить три наиболее популярных аспекта применения технологий искусственного интеллекта: увеличение эффективности или продуктивности сотрудника (51 %), помощь в принятии будущих решений (41 %) и оптимизация процессов (39 %).

Рассматривая тенденцию адаптации алгоритмов искусственного интеллекта в процессе подготовке будущих педагогов, мы понимали тот факт, что искусственным интеллектом сейчас принято называть все, что способно решать нерутинные задачи на уровне, близком к человеческому, а иногда и лучше. В реальном образовательном процессе такие задачи окружают нас везде. В связи с этим основной задачей процесса формирования готовности педагога состоит в том, чтобы студент смог выделить именно те факторы, которые обеспечивали бы наивысшую продуктивность и результативность

занятия. А для этого его важно научить профессионально реагировать в различного рода очевидных и спонтанных ситуациях как в конкретных условиях, выбирая из множества известных (предусмотренных), так и во время случайных (неожиданных) причин. С точки зрения авторского коллектива, наиболее адаптируемым алгоритмом искусственного интеллекта для решения поставленных образовательных задач по обучению студентов осуществлять выбор методов обучения является так называемый муравьиный алгоритм, который, с одной стороны, учитывает вероятностный характер меняющихся параметров воздействия, а с другой – устойчиво дает высокую результативность своего применения.

В качестве гипотезы выделяем тот факт, что в процессе формирования у студентов педагогических направлений готовности к реализации педагогической деятельности с применением алгоритмов искусственного интеллекта будет содействовать осуществлению поиска и, как следствие, содержательной рефлексии с супервизором той совокупности групп методов обучения и преподавания, которыми можно воспользоваться будущему педагогу для решения различного рода профессионально-педагогических задач. В этом случае алгоритмы искусственного интеллекта используют подходы с обучением, выступают одной из подгрупп всего того множества алгоритмов, что принято называть искусственным интеллектом [2].

Адаптируя эти группы использования искусственного интеллекта для реализации прикладных задач подготовки будущих педагогов к реализации педагогической деятельности на основе обучения выбору эффективных дидактических решений в университете можно выделить следующие стратегические векторы:

- 1) реализация квазипрофессиональной педагогической деятельности;
- 2) реализация задач всех видов практик, предусмотренных учебным планом в соответствии с требованиями стандарта ФГОС ВО 3++;
- 3) методическая подготовка и внедрение инноваций в рамках модернизации педагогического образования в условиях цифровых трансформаций.

Рассмотрим на примере прикладной аспект использования алгоритмов искусственного интеллекта, реализуемый по принципу коллективного разума в процессе формирования у будущих педагогов готовности к реализации педагогической деятельности на основе обучения выбору эффективных дидактических решений при реализации квазипрофессиональной деятельности на базе университета и в период педагогической практики.

Обычно педагог выбирает педагогический подход интуитивно, но он не всегда дает наилучшие результаты. Теоретически преподаватель должен использовать наиболее подходящие приемы и методы из множества всех известных и апробированных. Но в реальной педагогической практике, за исключением хорошо известных методов и условий, могут возникнуть некоторые случайные неизвестные причины и факторы, которые трудно предсказать и предвидеть заранее. Они возникают спонтанно и часто имеют психологический, эргономический, физиологический или иной характер. В большинстве случаев эти причины не оказывают существенного влияния на выбор методов обучения, но в целом их влияние становится настолько значительным, что они могут кардинально изменить прогностические выводы [3]. Как правило, случайные причины действительно сложно предсказать, а учитывая, что в разных комбинациях они дают совершенно разные результаты, невозможно обойтись без вычислительных подходов и алгоритмов реализации с использованием компьютерных технологий [4; 5].

При выборе методов обучения необходимо выбирать такие алгоритмы реализации, которые учитывали бы вероятностный характер изменения параметров (факторов и причин), а с другой стороны, стабильно обеспечивали бы высокую эффективность этих методов.

На сегодняшний день известно большое количество алгоритмов оптимизации процессов при выборе наилучшего решения. Учитывая то, что многие из них ограничивают или начальные условия, или стационарность процесса либо не учитывают вероятностный характер факторов, влияющих на эффективный выбор, мы используем за основу так называемые алгоритмы муравьиной колонии.

Так, например, искусственный интеллект может анализировать поведение учеников посредством веб-камер, что способствует выстраиванию траектории поведения обучающегося и предоставляет данные для анализа поведения учеников. Эти системы способны распознавать и оценить, как ученики реагируют на разные темы и задания. Эта система должна помочь учителям определять сильные и слабые стороны учеников.

Также алгоритмы искусственного интеллекта могут проводить анализ как эмоционального, так и физического состояния обучающегося в текущий момент, устанавливать причины его неуспешности и пропуска занятий, оценивать дидактические приемы и определять уровень профессиональных навыков будущих педагогов [6; 7].

Абсолютно очевидным является тот факт, что алгоритмы искусственного интеллекта проводят анализ намного эффективнее людей. Недавно этому появилось очередное подтверждение: нейросеть от китайской компании Baidu может теперь распознавать человеческий язык лучше, чем сам человек. Это стало известно в рамках состязания по распознаванию языка GLUE, которое состоит из девяти различных тестов. Средний человек обычно набирает по методике GLUE 87 баллов из 100. ERNIE, нейросеть от Baidu, смогла получить 90 баллов.

Таким образом, констатируя факт включения алгоритмов искусственного интеллекта в образовательную сферу, отметим, что на сегодняшний день уже существует несколько приложений-репетиторов, благодаря которым можно в любой момент дополнительно изучить непонятную тему. Алгоритмы искусственного интеллекта активно внедрены в практику проверки заданий в ЕГЭ, а также применяются в проверке письменных олимпиадных работ школьников. В качестве образовательных эффектов в реализации данных алгоритмов применения искусственного интеллекта можно выделить выстраивание индивидуальных траекторий для школьника и треков профессионального развития будущего педагога. Предполагается, что Минпросвещения в 2021 г. проведет апробацию учебных модулей «Искусственный интеллект» в составе основных общеобразовательных программ не менее чем в 1 % общеобразовательных организаций, а к концу 2024 г. обеспечит охват не менее 50 % общеобразовательных организаций.

Таким образом, применение алгоритмов искусственного интеллекта позволяет определить проблемные области, а также создать индивидуальные планы личностного и профессионального развития с целью устранения образовательных дефицитов.

Стоит отметить, что в скором времени ожидается применять алгоритмы искусственного интеллекта для реализации полноценной проверки письменных работ и экзаменационных заданий с помощью установленных метрик и эталонов, которые будут исключать предвзятость либо некомпетентность преподавателей.

Список литературы

1. Project-based activity as a mechanism of reflection development in students of psychology and education studies / O. G. Smolyaninova, M. V. Rostovtseva, Yu. G. Yudina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. № 14 (3). P. 385–395. DOI: 10.17516/1997–1370–0730.

2. Аббасов И. Б., Игнатъев В. В., Орехов В. В. Дизайн автономного мобильного робототехнического комплекса // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 1-1. С. 33–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36868774>.
3. Алексеев А. С. Методология стеганографической защиты с применением искусственных нейронных сетей // Вестник современных исследований. 2019. № 1.13 (28). С. 24–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36945037>.
4. Воронкова А. В. Интеллектуализация экономики как современный этап развития техники и технологии // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2018. № 6. С. 103–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35591755>.
5. Калиновская И. Н., Шерстнева О. М. Интеграция искусственного интеллекта в маркетинг // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сб. науч. ст. Витебск, 2018. С. 79–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36732068>.
6. Нагородская В. Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие. М.: Проспект, 2019. 128 с.
7. Скворцов Е. А. Влияние роботизации на уровень безработицы // Аграрное образование и наука. 2018. № 4. С. 27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36346417>

УДК 791.43-2

Е. А. Сертакова

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

СОВРЕМЕННЫЙ БЛОКБАСТЕР КАК АНТИДЕСТРУКТИВНЫЙ ПРОЕКТ

В данной статье представлено исследование механизмов социальной деструкции в кинематографическом искусстве. Опираясь на положения социокультурного подхода, было разобрано понятие «социальная деструкция», выявлены ее ключевые характеристики и обоснована актуальность темы в современном научном знании. В качестве материала для исследования были выбраны современные фильмы-блокбастеры, успешно шедшие на экранах кинотеатров и получившие значительные кассовые сборы. Анализ героев и их поступков в кризисные моменты, представляющие угрозу для существования всего человечества, выявил новые способы урегулирования конфликта, связанные с культурой терпимости и милосердия.

Ключевые слова: социальная деструкция, пассивные механизмы деструкции, социокультурный подход, американский кинематограф, современный блокбастер, культура терпимости и принятия.

This article presents a study of the mechanisms of social destruction in cinematographic art. Based on the provisions of the socio-cultural approach, the concept of “social destruction” was analyzed, its key characteristics were identified and the relevance of the topic in modern scientific knowledge was substantiated. The material for the study was selected modern blockbuster films that were successfully shown on the screens of cinemas and received significant box office receipts. An analysis of the heroes and their actions in moments of crisis that pose a threat to the existence of all mankind revealed new ways of resolving the conflict associated with a culture of tolerance and mercy.

Keywords: social destruction, passive mechanisms of destruction, sociocultural approach, American cinematography, modern blockbuster, culture of tolerance and acceptance.

Понятие «деструкция», которое используется в названии доклада, было введено в научный оборот Мартином Хайдеггером. Термин интересовал его в контексте методологии теоретического анализа онтологии (разрушение какой-либо структуры как способ выявления истины), что позволило последующим исследователям рассматривать деструкцию в узком и широком зна-

чениях. Особую значимость термин приобрел в эпоху постмодернизма, причем в разных областях знаний, в разных толкованиях и аспектах. Нас интересуют механизмы социальной деструкции – распада и разрушения социальных структур и различных социокультурных образований.

В настоящее время существует несколько концепций, в рамках которых в той или иной степени изучается понятие «социальная деструкция»: методологический, психоаналитический, социально-философский, синергетический, социокультурный.

Например, в рамках социокультурного подхода, которые развивали А. Я. Флиер, У. Бек, В. Н. Вахменин, деструкция воспринимается как один из этапов культурной модальности, проявленный в продуктах ею созданных. В рамках данного подхода важно то, какие ценности и идеи (позитивные или негативные) пытается дать социальная деструкция.

При рассмотрении социальной деструкции наиболее часто анализируются ее негативные проявления. История XX в. как время торжества насилия делают этот аспект особенно важным для осмысления природы и механизма социальной деструкции. Данная тема волновала многих исследователей, например, словенского культуролога и социолога С. Жижека и британского социолога Р. Дарендорфа, отечественного культуролога Я. И. Гилинского. Исследователи рассматривают разные механизмы социальной деструкции.

В ряду активных механизмов находятся: агрессия, насилие, война, терроризм, проституция, ксенофобия, вандализм, те проявления деструкции, которые приносят реальные, физические разрушения – причинение вреда здоровью как своему, так и окружающих людей. Активные механизмы проявляются наиболее ярко и масштабно в кризисные для государства периоды, тем не менее они перманентно функционируют в социуме только в гораздо меньшем масштабе.

Пассивные механизмы иного качества, нежели активные. Они воплощают систему, которая используется человеком для реализации своих потребностей в разрушении через нефизические, ментальные процессы (воображение, игру, СМИ, искусство). Они обладают амортизирующим свойством, смягчают агрессивное влияние социальной среды на индивида, не позволяя внутреннему напряжению, свойственной человеку агрессии переродиться в активные. Например, произведения искусства, в которых проявляются образы насилия, не призывают к насилию, а позволяют опосредованно эмоционально пережить опыт насилия и рационально его осмыслить. Подобные изображе-

ния несут в себе гораздо более сильный эмоциональный заряд, нежели безликие, пусть и огромные, цифры жертв среди мирного населения. Главный результат – это эмоциональное очищение, катарсис.

Весьма эффективным инструментом переживания опосредованного опыта выступает кино – самый молодой, но при этом один из любимейших большинством вид искусства. Именно через кино мы можем увидеть, как меняются ценности, концепция красоты, мода, желаемый образ жизни, образ будущего в конце концов. В кино социальная деструкция проявляет себя на уровне сюжета, героя, художественных приемов и т. д.

Для рассмотрения механизмов социальной деструкции обратимся к американскому блокбастеру. Именно американский кинематограф является самым популярным и универсальным в мире, транснациональным. Кино этой страны можно считать одним из главных источников массового воздействия на людей.

Блокбастер – особенно успешный фильм, со значительными кассовыми сборами, фиксирующий политические, экономические, социально-культурные изменения в обществе в очень доступном для понимания формате (чаще всего сказки). Он как зеркало современных культурных событий, отражает страхи и надежды, помогая преодолеть внутреннее напряжение, существующее в обществе. Поэтому ведущие позиции занимают здесь жанр фантастики, киноэпопеи, супергеройского кино, которые дают иносказательный формат повествования. Он не сосредоточен на реальности, но помогает переживать схожие явления в вымышленных, ненастоящих историях.

Сюжет блокбастера преимущественно строится на противостоянии и борьбе, но это не соревновательность или конкуренция, а часто война и физическое столкновение, в котором присутствует насилие. Именно поэтому частые образы здесь смерть (вспомним первый блокбастер «Челюсти»), война, катастрофа, апокалипсис).

И если изначально это борьба была однозначна – добро и зло, правда и иллюзия, враг был очевиден, его необходимо было уничтожить, – то современном блокбастере она значительно усложнена. Причины выбора той или иной позиции гораздо глубже, чем черты характера, сводящиеся к позиции «хороший – плохой», они связаны со сложными этическими решениями.

Место действия становится шире – не Лос-Анжелес или Вашингтон, но целый мир, в который включены все культуры, расы и конфессии. Если взять рейтинг самых кассовых фильмов, то очевидно, что «Аватар», последние две

картины «Мстителей» («Война бесконечности» и «Финал»), «Звездные войны» содержат историю геноцида, где целые народы, культуры уничтожаются во имя власти единообразия. Народы подвергаются нападению по причине того, что репрезентируют отличные социальные и общечеловеческие модели мироотношения в сравнении с желанием антагониста. Отсюда и конфликт, на основе которого рождается социальная деструкция. Каждая сторона пытается защитить свой мир посредством разрушения чужого.

Противостояние «герой – антагонист» усложняется. Если раньше антагонист был конкретен и мотивы его были вполне понятны (контролировать город, получить деньги или сверхоружие, власть), то теперь он является носителем определенной философии, у него есть своя правда – например, предотвратить экологическую катастрофу, вызванную с перенаселением земли или запустить новый виток эволюции, разрушив все, что было до этого. Концепция, которая вполне имеет право на существование. Однако методы достижения, казалось бы, благой на первый взгляд цели антагонистом неприемлемы.

Сложнее становятся и герои. Главная черта героя уже не сила и предприимчивость как было ранее, а скорее, развитая эмпатия к другим. Современный герой уже не носитель правды и идеально правильных черт, он очень человечен и несовершенен, допускает ошибки, сомневается и выбирает сердцем, а не так, как велят ему свыше. В его случае уже не работает принцип «цель оправдывает средства».

Конечно, этот образ учитывал особенности истории. Так, «Крепкий орешек» (1988 г.) показывал, что терроризм как проблему может победить профессионал-полицейский, атаку иноземных захватчиков в «Дне независимости» (1996 г.) – военный летчик и хакер. Но после теракта 11 сентября 2001 г. подобный герой оказался бессилён перед внешними угрозами, понадобился супергерой, мутант, полубог, бог.

Но и он за два десятка лет изменился. Сегодняшний супергерой уязвим, и только сплочение с другими героями помогает противостоять концу света. В команду-семью объединяются представители разных стихий, миров, рас, пола, возраста, каждому уделяется экранное время, чтобы узнать его историю, индивидуальные черты характера. У них разные способности и разные взгляды, но одно дело – защита мира в его разнообразии. И это не только требование американской киноакадемии для получения заветного «Оскара». Это закономерность развития культуры в целом и кинематографа в частности.

Самый последний блокбастер «Вечные», снятый Хлоей Чжао и выпущенный на экраны в ноябре 2021 г., наглядно фиксирует тенденции развития блокбастера и демонстрирует антидеструктивный подход – подход, в котором механизмы социальной деструкции разрушаются.

Сначала мы как зрители становимся свидетелями запуска механизма социальной деструкции – демонстрируется нарушение нормального функционирования общества (нападение врага, разрушения, смерть и всеобщая паника), а затем способ урегулирования и восстановления порядка. Но главное оружие здесь не сила, которая уничтожит угрозу на корню, а слабость и несовершенство героев-богов, по сути, разных конфессий, рас и культур (здесь Гильгамеш и Афина), стремящихся лишь восстановить утраченный баланс.

По отдельности они уязвимы и смертны (даже несмотря на то, что вечные. Бога можно убить, и мы знаем как). Вместе способны остановить хаос и сохранить себя (свою память и чувства), не стать бездушными идолами.

Особенно интересно это показано через пару богов. Серси – изначально самая слабая богиня, вечно опаздывающая, с зависимостью от телефона и желающая жить как человек, становится лидером вечных. А главный претендент на эту роль, самый сильный и самый совершенный (красота и прочие качества) Икариус остается не у дел. Так называемый Супермен являет героем прошлого, слишком далекий от людей и их земных проблем, он не достоин существования в их мире, где каждому должны быть даны выбор и право быть собой.

Данные герои демонстрируют четкую жизненную позицию и модель поведения. Они показывают, что насилие порождает насилие и, соответственно, неприемлемо для развития человечества, поэтому все должно решаться мирным путем, используя силу только в исключительных ситуациях самообороны и защиты более слабых. В конфликте они пытаются не уничтожить врага, а остановить его саморазрушение, давая шанс на исправление.

Подвиг, слава, поклонение (которые часто связаны с культом силы) не нужны ни богам, ни героям. Они мечтают о тихой мирной жизни, в которой будут просто людьми с семьей и обычными радостями. Они становятся носителями культуры терпимости и принятия, делая их эталонами поведения в современном обществе.

Таким образом, можно говорить, что блокбастер выполняет важную функцию в обществе, не только снижая уровень стресса и боязнь актуальных угроз в обществе, но и демонстрируя современные ненасильственные методы

поддержания целостности мира, где разнообразие играет ключевую роль, а ценность человеческой жизни неизмерима в материальных благах. Проявление образов смерти, насилия или апокалипсиса на экране, против которых выступают некоторые «исследователи», также важны, потому что обращаясь к чувствам и разуму зрителя, они напоминают ему о том, что все может быть разрушено по щелчку пальца.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Вахменин В. Н. Антропологические основания деструкции культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. № 9. С. 55–57.
3. Гишинский Я. И. Социальное насилие: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 185 с.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М.: РОССПЭН, 2002. 122 с.
5. Жабский М. И. Киноискусство и социология – две формы самопознания общества // Социология и кинематограф. 2011. № 8. С. 20–66.
6. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
7. Захарова А. О., Кудеников А. О., Солдатикова Е. М. Исследование агрессии и насилия на телеэкране // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках: сб. науч. тр. по итогам международной научно-практической конференции. 2015. С. 41–43.
8. Рыклин М. К. Деконструкция и деструкция. М.: Логос, 2002. 272 с.
9. Тарасов К. А. Насилие в кино: катарсис или мимесис? : сб. науч.-популяр. ст. / под ред. В. П. Скулачева. М.: Октопус, 2003. 416 с.
10. Флиер А. Я. Культурогенез. М.: Российский институт культурологии, 1995. 128 с.
11. Bacon H. The Fascination of Film Violence. UK.: Palgrave Macmillan UK, 2016. 220 p.

УДК 304.3:159.923.2=19

М. М. Гидзинская

Направление «Культурология» кафедры культурологии и искусствоведения Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КСЕНОФОБИИ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА АРЕНДОДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

На сегодняшний день распространенной проблемой для этнических групп является невозможность снять в аренду жилье в силу ксенофобии арендодателей и пометки в объявлениях «только славянам». Так как средства массовой информации оказывают достаточное влияние на общественное мнение, в рамках исследования с помощью методов виртуальной этнографии были проанализированы 12 статей уникальных интернет-СМИ. В ходе работы было выявлено и описано 8 основных практик репрезентации ксенофобии в интернет-СМИ: статистические исследования о количестве ксенофобных объявлений на рынке жилья, формирование образа «идеального жильца» в рамках критерия «славянской» или «неславянской» внешности потенциального съемщика, журналистские эксперименты, формирование общественного мнения путем цитирования комментариев пользователей, «личный опыт» авторов статей и известных людей, мнение экспертов (риелторов, работников департаментов аренды жилья, экспертов в области недвижимости, психологов и юристов), опросы среди читателей об их отношении к проблеме ксенофобных объявлений, стереотипы арендодателей. Кроме того, был проанализирован лексический уровень статьи: 58,3 % источников признают объявления с критерием «только славянам» ксенофобными и дискриминирующими по национальному признаку, 33,3 % не дают оценочных категорий, так как авторы придерживаются нейтральной позиции, и только 8,3 % предположительно не рассматривают подобные явления как ксенофобию и дискриминацию. С помощью обозначенных практик репрезентации авторы статей изучают проблему дискриминации этнических групп при попытке аренды жилья, а анализ лексического уровня показывает, что большая часть интернет-СМИ признает ксенофобные явления как проблему и предлагает пути решения.

Ключевые слова: ксенофобия, СМИ, этничность, миграция.

Today a common problem for ethnic groups is the impossibility of the renting due to the xenophobia of property owners and the “Slavs only” mark in ads. Since the media have a sufficient influence on public opinion, within the framework of the study, using the methods of virtual ethnography, 12 articles of unique Internet media were analyzed. In the course of the work, 8 main practices of representing xenophobia in the Internet media were identified and described: statistical studies on the number of xenophobic ads in the housing market, the

formation of the image of an “ideal tenant” within the criterion of “Slavic” or “non-Slavic” appearance of a potential tenant, journalistic experiments, formation of public opinion by quoting user comments, “personal experience” of the authors of articles and famous people, opinion of experts (realtors, employees of rental departments, real estate experts, psychologists and lawyers), polls among readers about their attitude to the problem of xenophobic ads, stereotypes landlords. In addition, the lexical level of the article was analyzed: 58.3 % of sources recognize ads with the criterion “only to Slavs” as xenophobic and discriminatory on the basis of nationality, 33.3 % do not give evaluation categories, since the authors adhere to a neutral position, and only 8.3 % presumably do not consider such phenomena as xenophobia and discrimination. With the help of the indicated practices of representation, the authors of the articles consider the problem of discrimination of ethnic groups when trying to rent housing, and the analysis of the lexical level shows that most of the Internet media recognize xenophobic phenomena as a problem and offer solutions.

Keywords: xenophobia, mass media, ethnicity, migration.

Введение. Под термином «ксенофобия» обычно понимается ненависть, нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, непривычному, в частности иностранному. Термин близок к культурному расизму, однако в отличие от расизма ксенофобия часто представляет собой неприязнь к «другому» из-за его поведения, образа жизни и т. п., а не имманентных качеств [1].

Вопрос ксенофобии в российских СМИ представлен достаточно широко. По мнению исследовательницы Е. О. Хабенской, «нарастание национализма и ксенофобии сегодня является едва ли не самой обсуждаемой темой в российских массмедиа и одной из наиболее острых и болезненно воспринимаемых рефлексирующей частью общества проблем» [2, с. 50]. Широкая трансляция ксенофобии в массмедиа показывает значимость проблематики и является закономерной, так как среди населения России отмечается высокий уровень ксенофобии – 60 %, его стабильность и динамика [3, с. 23–25].

В то же время средства массовой информации, в том числе интернет-издания, не только формируют среди населения России представления о увеличении уровня ксенофобии в обществе, но и косвенным и прямым образом влияют на проявления ксенофобии в реальной жизни. Другими словами, борьба с ксенофобией в виртуальном пространстве СМИ усиливает ее реальные проявления [2, с. 50–54]. Особенно в данном вопросе подчеркивается влияние средств массовой информации на образ мигранта и миграции [3, с. 24–25].

Исследователь А. Е. Крухмалев считает, что такое влияние массмедиа, с одной стороны, создает негативный образ «чужого», с другой – способствует стигматизации иноэтничных групп населения, а именно: способствует ис-

ключению из «нормального» взаимодействия, понижению репутации и затруднению поддержания конструктивных межэтнических отношений. Как следствие, это приводит к росту ксенофобии и «к дистанцированию этнических групп, ограничению в правах, дискриминации» [4, с. 156].

Безусловно, нельзя сказать, что влияние СМИ на общественное мнение всегда имеет негативный результат. Грамотная работа средств массовой информации может, напротив, снизить межэтническую напряженность, а также способствовать формированию толерантного отношения к мигрантам и «другим» этническим группам [5, с. 672–679].

Острой социальной проблемой современных мигрантов, а также представителей различных этнических групп являются затруднения или полная невозможность аренды жилья в связи с так называемой «неславянской» внешностью. Среди российских арендодателей прослеживается тенденция, при которой в объявлениях о сдаче в аренду жилья (как бумажных, так и размещенных в сети «Интернет») частотна пометка «только славянам». Особенно важно отметить, что в данную категорию подпадают не только мигранты, но и люди, имеющие российское гражданство, но условно «неславянской» внешности и/или с условно «нерусскими» именами.

Именно указанные выше параметры являются основными, по которым российские арендодатели очерчивают границу между «своими» и «чужими», делая субъективно «неславянскую» группу населения дискриминируемой. В качестве одной из черт ксенофобии исследователь А. Е. Крухмалев отмечает устремление использования власти в интересах «доминирующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей» [4, с. 171–172]. Таким образом, проблема аренды жилья для этнических групп, а также влияние СМИ на общественное мнение в данном вопросе объясняют актуальность нашего исследования.

Методы и материалы. В ходе работы были проанализированы 12 статей уникальных интернет-СМИ: РБК, «Новостные известия», Robustory, VC.RU, TJ, Domofond.ru, MKRU, «Новая газета», Lenta.ru, МИЛОСЕРДИЕ.RU, «Москвич Mag», NGS55.RU. Статьи были найдены по следующим ключевым словам поисковых запросов: «только славянам», «сдам квартиру только славянам», «сдам жилье только славянам». В подборку вошли журналистские материалы, вышедшие за последние четыре года в период с 2018 по 2021 г., рассматривались как крупные столичные издания, так и региональные. Для анализа статей были применены методы виртуальной этнографии.

Результаты. В ходе работы было выявлено и описано восемь основных практик репрезентации ксенофобии в интернет-СМИ.

1. Статистические исследования, направленные на оценку ксенофобных объявлений на рынке недвижимости. Первая и самая распространенная статистика – исследование ксенофобных объявлений сервиса по поиску недвижимости THE METERS, проведенное на материале объявлений о сдаче недвижимости, опубликованных на сервисах «Яндекс», ЦИАН, «ДомКлик» и Domofond. Статистические данные исследования THE METERS рассматривается в трех статьях интернет-СМИ: РБК, VC.RU и «Москвич Маг». Другие обнаруженные статистики: исследование «Новой газеты» о ксенофобных объявлениях на ЦИАН, а также «Карта ксенофобии Москвы» интернет-СМИ Robustory, представленная не только у самих Robustory, но и в статье TJ.

Статистика приведена в статьях в форме как иллюстраций с диаграммами, так и тематических карт, списков и обычной цифровой статистики. Данный прием репрезентации достаточно наглядно демонстрирует уровень ксенофобии среди российских арендодателей в числовом и процентном соотношении. Последняя статистика, представленная в форме карты, в наибольшей степени показывает масштабы проблемы, так как читатели журналистского расследования могут проследить количество ксенофобных арендодателей Москвы вплоть до района города.

В статистике рассматриваются разные города, в основном это Москва и Санкт-Петербург, но «Новая газета» включает в свою статистику и регионы. Прямая связь ценового сегмента квартиры с «этичностью» объявления рассматривается в 50 % статей.

2. Формирование образа «идеального жильца» в рамках критерия «славянской» или «неславянской» внешности потенциального съемщика. Образ «идеального жильца» в глазах российских арендодателей формируется разными способами – через цитаты экспертов или рассуждения журналистов.

Напротив, вопрос о том, каким же должен выглядеть представитель «неславянской» внешности, вводит журналистов в затруднительное положение, единая картина в отдельных статьях не формируется. Другими словами, несмотря на то что наличие дискриминируемой группы очевидно, понимание того, как именно должна (или наоборот не должна) выглядеть данная группа, журналистами умалчивается.

На наш взгляд, данная закономерность демонстрирует, насколько в обществе размыто представление о «славянах», о которых пишут арендодатели,

как велика субъективность данного понятия, из которого человека может вычеркнуть внешность, имя, акцент, вид деятельности, гражданство, весь перечисленный спектр или нечто иное в зависимости от субъективных представлений другого человека.

3. Журналистские эксперименты: попытка договориться с потенциальным арендодателем при явной этнической принадлежности съемщика. Было обнаружено два журналистских эксперимента от интернет-СМИ MKRU и NGS55.RU. Журналисты звонили потенциальным арендодателям, чтобы договориться о встрече. При этом сравнивалась реакция арендодателей. При наличии обычных «русских» имен, отсутствии акцента и прочего журналисты получали положительную реакцию, однако когда звонящие «съемщики» представлялись иностранными именами, говорили с акцентом, называли иностранные города в качестве места прописки – реакция арендодателей была резко отрицательной.

В статьях интернет-СМИ результаты журналистских экспериментов представлены в форме описания, пересказа разговора и ситуации, но в основном в виде диалога арендодателя и придуманного журналистом съемщика. Авторами статей широко используется такой прием, как ирония. Представляясь условно «неславянскими» именами, никому из журналистов назначить встречу с арендодателем не удалось.

4. Формирование общественного мнения путем цитирования комментариев пользователей. Авторы статей не приводят оценочных суждений касательно комментариев, формируя таким образом некое объективное общественное мнение. Обычно комментарии располагаются отдельным текстовым блоком, не только выделяясь из повествования и дополняя его, но и каким-то образом отстраняясь от него, и в данном случае верстка статьи указывает именно на образ общественного мнения, а не на позицию авторов.

Рассматриваются как комментарии противников подобной дискриминации, так и ксенофобные заявления и истории из реальной жизни, высказывания арендодателей, риелторов, квартиросъемщиков и сторонних наблюдателей. Вследствие этого мы можем заключить, что комментарии, представляющие диаметрально противоположные мнения, не демонстрируют позицию журналистов, и она выявляется только на уровне лексики.

5. «Личный опыт» авторов статей, известных людей и обычных граждан. Подобно формированию общественного мнения через цитаты комментаторов, выстраивается и такая практика репрезентации ксенофобии, как «личный

опыт» различных героев статей, представленный в основном через цитирование, однако допускается и косвенная речь.

6. Мнение экспертов о ксенофобии арендодателей, советы экспертов для различных этнических групп. Особое место занимает мнение экспертов, представленное в интернет-СМИ MKRU, Lenta.ru и NGS55.RU, а МИЛОСЕРДИЕ.RU даже проводит целое интервью. Освещая проблему ксенофобии арендодателей, объясняя и изучая данное явление, журналисты опрашивают риелторов, работников департаментов аренды жилья, различных экспертов в области недвижимости, а также психологов и юристов. Экспертная позиция в статьях представлена отстраненно и информативно.

В двух случаях из четырех авторы приводят советы экспертов для потенциальных съемщиков и представителей этнических групп. Важно, что в данной категории рассматривается и юридическая сторона вопроса о ксенофобных объявлениях, ведется спор о законности данных объявлений, но, к сожалению, здесь мнения специалистов расходятся, общая картина не формируется.

7. Опросы среди читателей об их отношении к проблеме ксенофобии в объявлениях. Интернет-СМИ VC.RU и TJ приводят в конце своих материалов опросы для читателей: «Сдали бы вы свою квартиру «не славянам?»» и «Этично ли ставить пометку “только славянам” в объявлениях о сдаче квартир?».

Опросы интерактивны, результаты статистики автоматически обновляются после каждого ответа от читателя. На 22.11.2021 в первом опросе 54 % респондентов согласились бы сдать свою квартиру «не славянам», однако уже во втором опросе 49,9 % респондентов считают, что пометку «только славянам» ставить этично, так как владелец жилья может выбирать, кому сдавать свою в аренду частную собственность.

8. Выявление стереотипов среди ксенофобных арендодателей. Рассматривая причины, которыми руководствуются ксенофобные арендодатели в своих объявлениях, авторы статей обращаются и к общественным стереотипам, которые пугают как граждан, так и арендодателей. К таким стереотипам можно отнести боязнь связаться с нелегальными эмигрантами или членами опасных группировок, возможное плохое обращение этнических меньшинств с жильем – грязь и другие параметры,

Конечно, наиболее частотным (четыре упоминания) является стереотип, коротко объяснить который можно следующим образом: снимают жилье

один или два мигранта, или этнически условно «не славянина», а проживают в квартире десятки человек.

Исследовательница Л. Р. Низамова, изучая газетный дискурс Республики Татарстан, одной из тем сообщений журналистов называет явление «резиновых квартир», «фактов незаконной регистрации иностранцев из ближнего зарубежья в казанских квартирах, информирование об ответственности владельцев жилья, жилищных организаций и миграционной службы, возбуждение уголовных дел по статье об организация незаконной миграции и вынесение приговоров, снятие незаконно зарегистрированных иностранцев с миграционного учета, составление на них административных протоколов с перспективой выдворения за повторное нарушение» [6]. По сравнению с другими приведенными нами ранее стереотипами, явление «резиновых квартир» представляется наиболее опасным и имеющим более тяжелые последствия, чем и объясняется частотность упоминания данного стереотипа в интернет-СМИ.

Отдельного разговора заслуживает лексический уровень статей интернет-СМИ, так как только в данном поле исследования возможно рассмотреть позицию автора и узнать, признает ли он в принципе пометку «только славяне» ксенофобной.

На основе анализа лексики, которая используется по отношению к ксенофобии арендодателей авторами статей, мы сделали вывод, что 7 из 12 интернет-СМИ (58,3 %) признают объявления с критерием «только славянам» ксенофобными и дискриминирующими по национальному признаку, в свою очередь, 4 из 12 Интернет-СМИ (33,3 %) не дают оценочных категорий, и на основе данных статей невозможно сделать определенный вывод, так как авторы придерживаются нейтральной позиции в вопросе, и только в 1 из 12 (8,3 %) предположительно не рассматривают подобные явления как ксенофобию и дискриминацию.

Данная статистика демонстрирует, что основная часть журналистских материалов относится к явлению как к дискриминации или же аккуратно обходит эту тему стороной. Следовательно, средства массовой информации не создают в своих материалах негативный образ «чужого» и не оказывают отрицательное влияние на своих читателей.

Выводы. В ходе работы были выявлены основные практики репрезентации ксенофобии на примере образа арендодателей в российских интернет-СМИ. Был проанализирован лексический уровень материалов.

Чтобы оценить масштабы проблемы, которую формируют арендодатели, указывая в объявлениях о сдаче жилья «только славянам», журналисты проводят масштабные статистические исследования, журналистские эксперименты. Для создания объективной картины происходящего авторы включают в свои материалы комментарии пользователей, экспертное мнение специалистов, личный опыт, опросы среди читателей об их отношении к проблеме ксенофобии. Кроме того, журналисты формируют образ «идеального жильца», с которым соотносятся потенциальные съемщики «неславянской» внешности, однако единого образа «неславянина» не создается, авторы указывают только на распространенные стереотипы, которые отталкивают арендодателей.

Подводя итоги исследования, важно отметить, что СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения, особенно в наше время, когда каждому стали доступны интернет-источники. Через восемь выявленных нами приемов репрезентации ксенофобии в интернет-СМИ журналисты достаточно разносторонне рассматривают проблему дискриминации этнических групп при аренде жилья, а анализ лексического уровня показывает, что большая часть интернет-СМИ признает ксенофобные явления как проблему и предлагает пути решения.

Список литературы

1. Шнирельман В. А. Ксенофобия // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2639008> (дата обращения: 22.11.2021).
2. Хабенская Е. О. Ксенофобия реальная и виртуальная // Социологический журнал. — 2010. № 2. С. 50–67.
3. Якимова О. А. Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010–2020 гг.) // Siberian Socium. 2020. № 4 (14). С. 22–40. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40.
4. Крухмалев А. Е. Разноликые ксенофобы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 2 (8). С. 153–179.
5. Анисимов А. Ю., Туманов Д. В. Специфика освещения миграционной тематики на страницах районных печатных средств массовой информации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 672–679.
6. Низамова Л. Р. Репрезентация миграционных процессов в газетном дискурсе республики Татарстан // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6. С. 253–262.

Научное издание

**СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ
В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Международной
научно-практической конференции
Красноярск, 25–27 ноября 2021 года

Корректурa и компьютерная верстка *А. А. Быковой*

Подписано в печать 18.05.2022. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,6. Тираж 100 экз. Заказ № 16007

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>
e-mail: publishing_house@sfu-kras.ru